

**ФЕНОМЕН БУЛГАРИНА:
ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ТАКТИКИ**

ТАТЬЯНА КУЗОВКИНА

Отделение русской и славянской филологии Тартуского университета,
Тарту, Эстония

Работа выполнена на кафедре русской литературы
в рамках исследовательского проекта SF 18544s03

Научный руководитель:
профессор, кандидат филологических наук Любовь Киселева

Диссертация прошла предварительное рецензирование

Рецензенты:
старший преподаватель, кандидат филологических наук Екатерина
Лямина (Российский государственный гуманитарный университет,
факультет истории искусства, Москва)
профессор-эмеритус, доктор филологических наук Сергей Исаков (Тар-
туский университет)

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора
философии по русской литературе 22 мая 2007 г. Советом отделения
русской и славянской филологии Тартуского университета

Оппоненты:
профессор, доктор филологических наук Наталья Вершинина (Псков-
ский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова,
зав. кафедрой русской литературы)
старший преподаватель, кандидат филологических наук Екатерина
Лямина (Российский государственный гуманитарный университет,
факультет истории искусства, Москва)

Защита состоится 30 июня 2007 г.

ISSN 1406–0809
ISBN 978–9949–11–621–8 (trükis)
ISBN 978–9949–11–622–5 (PDF)

Autoriõigus Tatjana Kuzovkina, 2007

Tartu Ülikooli Kirjastus
www.tyk.ut.ee
Tellimus nr 222

Посвящаю Тарту

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава I. Литературная тактика Булгарина до 14 декабря 1825 г.	29
«Литератор русский» в Польше, «литератор польский» в Петербурге	30
Деятельность Булгарина до 14 декабря 1825 г. и ее отражение в отзывах современников	35
Булгарин в полемике с Карамзиным	49
Глава II. Автоописания Булгарина как один из приемов его литературной тактики	60
Образ «литератора Булгарина»	61
Образ Булгарина в «Статьях исторических»	67
Образ Булгарина в мемуарном сюжете о Грибоедове и контекст его возникновения	74
Глава III. Литературная тактика Булгарина как редактора «Северной пчелы»	84
Истинный литератор — «верноподданный литератор»	85
«Идеологически верное» изображение национальных бедствий	88
Отражение булгаринской литературной тактики в некрологах «Северной пчелы»	94
Глава IV. Борьба Булгарина с книгой Г. Кенига	99
Глава V. Рефлексия писателей-современников над литературной тактикой Булгарина	111
Булгаринский подтекст в произведениях Н. В. Гоголя 1830—1840-х гг.	113
Образ Булгарина в «Живом мертвец» В. Ф. Одоевского	120
Булгаринский подтекст в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского	121
Образ Булгарина в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» Н. А. Некрасова	124
Заключение	128

Список использованной литературы	133
Работы автора по теме диссертации	145
Kokkuvõte	146
Summary	149
Указатель имен и названий	152

ВВЕДЕНИЕ

Проблема литературной тактики Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1856) — общей линии его поведения на литературном поприще — начала осмысляться еще современниками и затрагивалась всеми исследователями его жизни и творчества. Булгарин вошел в историю русской литературы как деятель периода ее профессионализации, когда литература выходила к массовому читателю, когда писатели начинали обеспечивать себя за счет продажи литературной продукции и становились независимыми от меценатов. Как с тревогой отмечали современники, которые трактовали литературу как высшую духовную и эстетическую ценность, в обстановке демократизации читательской аудитории с появлением «массового спроса» на литературу понизились требования к ее качеству, актуальным стало понятие «читательского заказа», появились активные деятели от литературы, умелые организаторы литературного производства. Протест против «торгового» духа в словесности был отчетливо выражен в 1835 г. в статье С. П. Шевырева «Словесность и торговля», но идея художественного качества еще до этого стала программной для журнала «Московский наблюдатель» (1835—1839), изданий пушкинского круга литераторов, а позднее и для «Отечественных записок» А. А. Краевского (с 1839 г.).

Булгарин — один из самых популярных и читаемых авторов второй четверти XIX в., издатель и редактор первой массовой ежедневной общественно-политической газеты «Северная пчела» (далее — СП), первого исторического журнала «Северный архив» (далее — СА) и первого театрального альманаха «Русская Талия» — как раз и являлся характернейшим деятелем эпохи профессионализации русской литературы. Однако, несмотря на свою широкую писательскую, издательскую и журналистскую деятельность, Булгарин, по выражению Ю. М. Лотмана, «<...> вошел в литературу именно своей темной биографией» (Лотман I: 373). Прежде чем объяснить, почему так произошло, почему деятельность Булгарина на поприще литературы затмила его творчество, бросим беглый взгляд на историю изучения его сочинений.

Основные выводы о поэтике и значении булгаринского творчества, ставшие определяющими в русском литературоведении, были сделаны еще при жизни Булгарина. В 1846 г., откликаясь на выход его «Воспоминаний», итог литературной деятельности Ф. В. подвел В. Г. Белинский в объемной статье «Воспоминания Фаддея Булгарина...»¹. Многолетний оппо-

¹ Полное название статьи: «Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Санкт-Петербург. 1846. Две части, с эпиграфом: “Отцы и братие! Еже ся где описал или недописал, чтите исправливая Бога для, а не кляните!” (Послесловие в летописи Нестора)» (цит. по корректурному листу; см.: Белинский IX: вклейка между 616 и 617).

нент Булгарина в журнальной полемике, Белинский, конечно, не был беспристрастен, однако дальнейшая исследовательская традиция подтвердила значимость выводов критика.

Определяя значение Булгарина в истории русской литературы, Белинский писал, что он многое сделал для развития русской прозы догоголевского периода, признавал блестящий читательский успех «Ивана Выжигина», подчеркивая его «условное, современное достоинство». Белинский замечал, что, начиная с «Выжигина», «<...> литература наша круто поворотила от стихов к прозе» (см.: Белинский IX: 643). Однако критик утверждал, что другие образцы начисто затмили «минутное» значение прозаических творений Булгарина:

<...> «Юрий Милославский» наповал убил его «Дмитрия Самозванца» <...>, а «Рославлев» и совершенно добил остатки «Петра Ивановича Выжигина» (Там же).

Успех прозы Булгарина, по Белинскому, приходился на тот период, когда русская литература, активно усваивая западные образцы, искала свой путь. С появлением Гоголя этот путь был найден, и время Булгарина безвозвратно ушло в прошлое. Гоголь, писал Белинский,

<...> успел своими сочинениями изгладить из памяти публики даже сочинения тех романистов, которые действительно не лишены даровитости и которые своими романами успели изгладить из памяти публики романы г. Булгарина!.. (Там же: 649).

Прервем изложение идей Белинского экскурсом в последующее булгариноведение, где выводы критика были подтверждены тщательным и многосторонним анализом, причем исследователями, по-разному оценивавшими феномен Булгарина.

В 1900—1920-е гг. творчество Булгарина — в особенности его нравственно-сатирические романы и физиологические очерки — начинают рассматриваться как фон для произведений Гоголя: появляются замечания об общности тем, мотивов, разных элементов структуры текстов этих авторов. Так, например, Ю. Ф. Фохт отметил, что «Мертвые души» и «Иван Выжигин» имеют одинаковую композицию, а их главные герои восходят к одному «прототипу» — герою плутовского романа, *picaresco* (см.: Фохт 1902: 598–599). На сходство персонажей «Мертвых душ» и «Ивана Выжигина» указывал и Н. А. Энгельгардт (см.: Энгельгардт 1902; 1904). А. Г. Цейтлин обратил внимание на развитие Булгариним темы бедного чиновника (см.: Цейтлин 1923: 2–7), В. В. Гиппиус — на некоторые типологические пересечения в «Мазепе» Булгарина и «Тарасе Бульбе» Гоголя (см.: Гиппиус 1924: 71).

В 1960-е гг., когда творчество Булгарина стало объектом исследования на Западе, эти наблюдения продолжились. В США были защищены две докторские диссертации: «Вклад Ф. В. Булгарина в русскую прозу XIX ве-

ка» Н. Васлефа (см.: Vaslef 1966) и «Исторические романы Фаддея Булгарина» Г. Элкаяера (см.: Alkire 1966), в которых утверждалось, что Булгарин явился родоначальником современного русского романа, а влияние его творчества было заметно не только в прозе Гоголя и представителей натуральной школы, но и в романах Толстого и Достоевского (см. подробнее: Лебланк 1999: 28–29). В 1980-е гг. М. Вайскопф подробно исследовал типологически сходные сюжеты в произведениях Булгарина и Гоголя (см.: Вайскопф 1993).

Однако указание на сходство, ценное само по себе, в случае Булгарина не является продуктивным объяснением литературного феномена. Поэтому вернемся к мыслям Белинского, пытавшегося объяснить, почему Гоголь «изгладил из памяти публики» болгаринские и другие прозаические сочинения. По Белинскому, Булгарин отнюдь не был бездарен, что и обеспечило ему внимание публики, но он не был оригинален как художник:

Что же до «Ивана Выжигина» и даже других романов г. Булгарина, — в них нет ни даже признака фантазии, изобретения, творчества, поэзии, но тем не менее о них можно сказать, что в них выразилась *посредственность*, и никак нельзя сказать, чтоб в них выразилась *бездарность* (Белинский IX: 644).

Характерно, что выводы Белинского подтверждаются и в новых исследовательских работах, написанных с явной установкой на реабилитацию Булгарина. Так, например, Н. Н. Акимова, проводя мысль, что «<...> массовое потребление заставляет литературу использовать специфическую художественную изобразительность, особый эстетический код» (Акимова 1996: 5)², стремится описать суть художественной манеры Булгарина, сосредоточиваясь на проблеме репрезентации автора и читателя в тексте. Однако подробный анализ и сопоставление с тем же аспектом поэтики в произведениях Гоголя приводит ее к выводу, что «<...> система отношений «автор — читатель» у Булгарина не претерпевает значительной эволюции, найденные приемы закрепляются и тиражируются» (Там же: 21).

Белинский указал и на те формы, в которых выражалась писательская несамостоятельность Булгарина. Это и прямые заимствования без отчетливого указания на источник (использование чужих примечаний «без всякого намека на заимствование» в «Избранных одах Горация»), и пересказ чужого текста (например, «Истории войны португальской и испанской» Бошана в болгаринских «Воспоминаниях об Испании», см.: Там же: 632), и более утонченные формы заимствования сюжетов и тем у В. Ж. Э. Жуи и Д. Аддисона в нравственно-сатирических произведениях (см.: Там же: 637, 644).

В последующих булгариноведческих работах тема разнообразных форм «вторичности» его творчества получила дальнейшее развитие.

² Развитие этой идеи находим в новейшей работе Н. Л. Вершининой (см.: Вершинина 2007).

В 1926 г. П. Н. Сакулин подробно рассмотрел исторические и нраво-описательные романы Булгарина в «социолого-синтетическом» обзоре литературных стилей. Он подчеркнул, что:

Хотя автор выдает «Ивана Выжигина» за «первый оригинальный русский роман в этом роде», но в его стиле нет ничего «оригинального». <...> Архитектоника однообразна и аляповата <...> Психология — примитивно-схематична <...> Беллетристического таланта почти не видно. Ткань романа загружена тяжеловесным дидактизмом в духе казенной благонамеренности (Сакулин 1926: 486).

В 1933 г. в монографии В. А. Покровского «Проблема возникновения русского “нравственно-сатирического” романа: О генезисе “Ивана Выжигина”» были указаны два основных источника главного сочинения Булгарина — французский роман Жуи «Антенский пустынный» и польский роман И. Красицкого «Пан Подстолий», а также показан механизм использования чужого текста:

У Булгарина элементы описания остались по существу теми же, что и у Красицкого, но они иначе скомбинированы, некоторые притом разбиты, детализированы еще более, чем в оригинале, другие, наоборот, сжаты в простую формулировку (Покровский 1933: 23).

В 1960-е гг. немецкий исследователь И. Штридтер, изучая генезис «Ивана Выжигина», пришел к выводу, что роман вырос из болгаринских нравственно-сатирических очерков, написанных, в свою очередь, в манере Жуи (см.: Striedter 1961). Польский славист З. Скварчинский указал на сходство множества тем, мотивов, персонажей «Ивана Выжигина» с текстами сатирической газеты виленского Товарищества шубравцев “Wiadomości Brukowe” (вплоть до буквальных словесных повторений) (см.: Skwarczyński 1963: 104).

Как показал В. Э. Вацуро, Булгарин «<...> не был романистом ни по складу своих индивидуальных писательских возможностей, ни по своей литературной ориентации» (Вацуро 1973: 217). Писатель эксплуатировал архаические в условиях 1820—40-х гг. «литературные системы XVIII века», а «эпигонское следование им, — как писал ученый, — естественно низводит последователя в низшие сферы литературы» (см.: Там же: 219–220).

Р. Лебланк, подробно исследовав поэтику «Ивана Выжигина» в контексте западноевропейской и русской традиций плутовского романа, подчеркнул, что Булгарин:

<...> просто воспроизводит — чисто механически и предсказуемо — все жанровые конвенции и приемы, которые традиционно связывались с нравоописательным романом, ориентированным на модель «Жиль Блаза» (Лебланк 1999: 35).

Исследователь назвал «Выжигина» «мучительным чтением» с «высокой степенью предсказуемости» (см.: Там же: 29) и, вторя Белинскому, показал тупиковость болгаринской художественной манеры:

Не имея художественного таланта ни Лесажа, ни Нарежного, этот писатель-журналист-критик в действительности не внес ничего нового в традицию жанра; пытаясь повторить чужой успех, он на самом деле способствовал уменьшению художественных возможностей жанра (Там же: 51).

Симптоматично, что в новейшей диссертации о поэтике «Ивана Выжигина» автор, независимо от западных исследователей, приходит к сходным итогам (см.: Смирнова 2006).

При написании исторических романов Булгарин шел тем же путем компиляции и упрощения чужих мотивов и тем. А. А. Гозенпуд обнаружил в болгаринском «Димитрии Самозванце» не менее двухсот заимствований из пушкинского «Бориса Годунова» и, подробно сопоставив два текста, доказал, что: «Это плагиат особого рода, сочетающий заимствования с политическим доносом» (Гозенпуд 1969: 260). Не согласившись с выводом исследователя, М. Г. Альтшуллер заявил, что текстуальные совпадения «<...> в принципе ничего не доказывают» (Альтшуллер 1996: 109). Булгарин, по его мнению, желая угодить Николаю I, писал «роман на подобие *Вальтер Скотта*», и организовал свое повествование на принципах и приемах, которые сам в замечаниях на пушкинского «Бориса Годунова», написанных по требованию Бенкендорфа, вывел как «вальтерскоттовские». Однако, по мысли Альтшуллера, Ф. В. не справился с поставленной художественной задачей: традиционное для романов Вальтер Скотта противопоставление двух красавиц, вылилось у него в «граничащую с безвкусицей перенапряженность романтических страстей», а Димитрий Самозванец получился романтическим героем байроновского типа: «Тем более, что метод Байрона после гениальных пушкинских опытов был уже прочно усвоен русской литературой <...>» (Там же: 114–115).

В болгаринском романе «Мазепа», более слабом в художественном отношении, Альтшуллер обнаружил целый ряд явных заимствований из исторических произведений Кюхельбекера, Карамзина и западноевропейских авторов и пришел к выводу о том, что «Булгарину явно не хватало таланта, чтобы вдохнуть “живую душу” в людей, действовавших более сотни лет назад» (Там же: 131).

Если и следует говорить о влиянии Булгарина на русскую прозу, то, как это продемонстрировано рядом исследователей, речь может идти лишь о косвенном воздействии. Еще в работах В. В. Виноградова было показано, как материал литературы второго и третьего рядов использовался в художественно более зрелых произведениях. Тривиальные сюжеты журнальной литературы — в том числе и той, автором которой был Булгарин — использовал, например, Пушкин, «<...> активизировав их художественные потенции» (Вацуру 2003: 325). Эта активизация, как показала Н. Л. Верши-

нина, заключалась в пародировании болгаринского литературного стиля (в частности, декларируемой им установки на естественность, за которой скрывался эклектизм), а также типа его жизнетворчества, например, в «Истории села Горюхина» (см. подробнее: Вершинина 1999).

В последнее время поэтика Булгарина также рассматривалась в работах Л. Н. Киселевой. По ее наблюдениям, Булгарин, постоянно занимаясь построением литературной репутации, «своего образа как литератора», использовал в этих целях свою военную биографию. Стремление Булгарина одновременно угодить разным читательским вкусам приводило к тому, что позиция повествователя менялась внутри одного текста, иногда даже в пределах одной фразы. Так, например, в «Воспоминаниях об Испании» 1823 г.:

С одной стороны, Булгарин как будто не скрывает своего участия в испанской войне на стороне французов, но, с другой, старается всячески отвести внимание читателя от этого обстоятельства <...> (Киселева 2004: 177).

Рассыпается на отдельные цитаты, часто противоположные по смыслу, и историческое повествование в болгаринской «Прогулке по Ливонии» 1827 г. Перелагая по-русски отдельные места из «Древних времен Лифляндии» Гарлиба Меркеля и ссылаясь на него, Булгарин искажал самую суть его исторической концепции (см.: Киселева 2006: 12). В «Летней прогулке по Финляндии и Швеции, в 1838 году», используя карамзинскую традицию путевых очерков, он не смог «замаскировать подлинной прагматики своего текста» — ориентации «<...> на коммерческий успех, самореабилитацию и саморекламу» (Киселева 2001: 166).

Таким образом, изучение болгаринских сочинений разными западными и российскими учеными показало, что, эксплуатируя установившиеся в литературе художественные формы, Булгарин не привносил ничего принципиально нового в их развитие. Его успешная в коммерческом отношении деятельность в литературе определялась тем, что он легко овладевал разными литературными стилями, умело контаминировал их в зависимости от читательского спроса или тех тактических соображений, которыми в данный момент руководствовался. Специфика болгаринских произведений определялась своеобразием той «литературной ниши», которую он занял, а также особенностями эпохи, когда, по словам Эйхенбаума,

<...> литературно-бытовые явления внедряются в самый процесс эволюции и определяют собой многое в литературной борьбе, а иногда и в произведениях (Эйхенбаум 2001: 68).

* * *

Творчество Булгарина-журналиста еще в большей мере, чем собственно литературное, подчинялось тактическим задачам. Еще современники заметили отсутствие в изданиях Булгарина какого-либо идейного, эстетическо-

го или стилистического единства, а также постоянное использование чужих мнений в литературно-критических статьях. В 1828 г. «Московский вестник» писал о СП:

<...> какой в ней образ мыслей? Пристально рассмотрев все ее статьи критические, мы решительно отвечаем: никакого. В ней Критика заменяется так называемую *Литературною Тактикой* (Московский вестник. 1828. Ч. 8. С. 404–405)³.

И здесь мы вновь вернемся к статье Белинского, где на основании многих примеров убедительно показано, что причины многочисленных полемических выступлений Булгарина были сиюминутными, что он легко менял свои литературные и эстетические оценки:

<...> к литературным, эстетическим и ученым вопросам он оказывал всегда ледяное равнодушие, делал вид, что даже и не подозревает существования того, что называется мнением, убеждением, правилом, принципом (Белинский IX: 622).

Исследователи подтвердили наблюдения критика. Подробно рассмотрев полемику 1824 г. между Булгариним и П. А. Вяземским по поводу статьи последнего «Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», Н. И. Мордовченко пришел к выводу, что

Булгарин вызывал на полемику особенно потому, что, во-первых, мнения Булгарина не были его собственными мнениями, а во-вторых, Булгарин формулировал чужие мнения, упрощая и вульгаризируя их, что прямо бросалось в глаза <...> (Мордовченко 1959: 307).

Споря с В. К. Кюхельбекером о назначении поэзии по поводу его статьи «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», Булгарин буквально в следующем же номере редактируемых им «Литературных листков» использовал формулировки этой статьи в своем фельетоне «Литературные призраки», направленном против друзей Кюхельбекера А. А. Дельвига и Е. А. Боратынского (см.: Мордовченко 1959: 401).

Подробно рассмотрев полемику булгаринских изданий с «Вестником Европы», «Московским телеграфом» и «Русским инвалидом», М. Б. Плюханова пришла к выводу о полной беспомощности Булгарина как критика, проявившейся в двух больших полемиках 1824 г. Она же писала о том, что «<...> ряд скандальных нарушений этических норм» привел к пренебрежительному отношению к нему в литературной среде, сложившемуся к 1825 г. (Плюханова 1973: 18). А после того, как СП на протяжении десятилетий враждовала со всеми литературными журналами той поры, полагая в основу своей полемики «<...> суждения, заимствованные из разных источников, лишённые основы и разработки, часто заведомо бессмыслен-

³ Здесь и далее все источники воспроизводятся с сохранением их орфографии, пунктуации и графики, с заменой букв старого алфавита на новый.

ные» (Там же: 19), полемика в СП, по мнению исследовательницы, была полностью дискредитирована как жанр⁴.

Самый изученный пласт болгаринской полемики — его «война» с Пушкиным 1830-х гг. (см., например: Сухомлинов 1889: 267–300; Гиппиус 1900; Фомин 1911; Столпянский 1914; 1916; 1927; Степанов 1950: 318–321). Исследователей интересовал прежде всего контекст появления пушкинских остро полемических статей в «Литературной газете» и «Телескопе» 1830—1831 гг. Уже в первых работах было обращено внимание на то, что отношение Булгарина к творчеству Пушкина менялось в зависимости от ситуации. Доброжелательный тон рецензий 1824—1827 гг., когда Булгарин рассчитывал на сотрудничество поэта в своих изданиях, сменился на резко враждебный, когда он начал опасаться конкуренции со стороны «Литературной газеты». Однако уже в 1831 г. СП опять печатает хвалебные рецензии на пушкинские произведения, но, когда в 1836 г. начал выходить «Современник», тон рецензий вновь резко меняется на отрицательный.

Соображениями тактики Булгарин руководствовался не только в литературно-критических разделах своих изданий, но и в разделе «Смесь», что позволило Гоголю в том же 1836 г. назвать СП какой-то корзиной, «<...> в которую сбрасывал всякой всё, что ему хотелось» (Гоголь VIII: 162)⁵. Эклектичность позиции СП, ставшая основой ее поэтики, отразилась

⁴ Работа Плюхановой продолжила традицию изучения Булгарина в Тарту, начатую С. Г. Исаковым, который, рассматривая ливонскую тему в русской литературе, отметил, что в произведениях на эту тему Булгарин, «падкий на все модное, на все, что находило спрос у публики», умело лавировал между противоположными лагерями читателей (см.: Исаков 1960: 171–172). Достоянна уважения позиция М. Салупере в ее работах 1970-х гг. (см. об этом ниже). Следует отметить и высоко профессиональную библиографическую работу Н. П. Воробьевой, которая выявила и подробно описала книжное собрание Булгарина, рассеянное в фондах Научной библиотеки Тартуского университета. По ее наблюдениям, обнаруженная часть книг из библиотеки Булгарина и владельческие пометы на них подтверждают мнение современников, что образование его не было «ни солидным, ни блистательным» (см.: Воробьева 1995).

⁵ Стремление СП быть «<...> всегда исправной ежедневной афишей <...>» (Гоголь VIII: 163) привело к тому, что в ней собран богатый фактический материал о жизни эпохи, который активно используется теперь историками быта XIX в. Обильно цитируются статьи Булгарина и из других его изданий, например, статья «Русская ресторация» из «Очерков русских нравов» 1843 г. (см.: Петербургские трактиры 2006: 3–57; 58–83) или отрывки из «Воспоминаний...» о быте гусар (см.: Бегунова 2000: 260–261; 272–273; 279). К сожалению, в большинстве случаев болгаринские тексты приводятся без необходимого комментария. Так, например, не поясняется, что целью статьи «Русская ресторация» была полемика с «Отечественными записками»: Булгарин изображал своих литературных противников в виде пьяниц, которые завидуют его литературным и коммерческим успехам, и особенно неприглядно (вероятно, с намеком на Белинского) рисовал некоего совершенно спившегося *борзописца*,

и в самой манере подачи газетных текстов, что отмечалось многими исследователями, начиная с С. Весина:

Превознесши, например, до небес блины екатерингофского вокзала и кафе-ресторан Беранже, фельетонист, тотчас же переходил к разбору какого-нибудь замечательного литературного произведения (Весин 1881: 106).

Наиболее подробную характеристику содержания и позиции СП в целом дал Н. Л. Степанов. Он справедливо указал на огромную популярность СП у читателей в 1820—1830-е гг. и объяснил ее не только монопольным положением газеты, но и ориентацией Булгарина как издателя на занимательность, его журналистской опытностью и предприимчивостью. Отметив, что СП являлась как бы родоначальницей желтой прессы, Степанов подчеркивал, что установка Булгарина прежде всего на коммерческий успех своего издания «позволяла ему сплошь и рядом писать вещи совершенно противоположные» (Степанов 1950: 311). СП, являясь с 1826 г. полуофициальным проправительственным органом, популяризировала формулу «самодержавие, православие и народность», успокаивала умы, сближала правительство со средним сословием и в то же время пропагандировала буржуазный промышленный прогресс, помещала открытую рекламу (см.: Там же: 314–315).

* * *

Однако феномен Булгарина в русской литературе состоит не только в особенностях его литературной и журналистской деятельности, свойственных и другим литераторам эпохи профессионализации литературы. Гораздо большее значение как в истории русской литературы, так и в истории литературоведения имеет рефлексия над типом его личности и характером деятельности, споры о которых не умолкают до сих пор.

Для русской культурной традиции характерно выдвижение на первый план этических проблем, заостренное восприятие художественного текста как «изначально истинного» и в связи с этим напряженное внимание к проблеме права конкретного человека «выступать в качестве создателя текстов» (см.: Лотман I: 369).

Уже для современников неотъемлемой частью суждений о деятельности Булгарина стали моральные оценки, причем это произошло задолго до событий 14 декабря 1825 г. и открытой вражды с Пушкиным. Однако нельзя не отметить, что пушкинские полемические статьи сильно повлияли на то, что творчество Булгарина в сознании носителей русской культуры оказалось навсегда связанным с особенностями его личности. Так, на-

который в молодости «что-то сочинил», а теперь продает свой талант за водку (см.: Петербургские трактиры 2006: 75–76; 78–80). Очевидно, что специфический контекст написания булгаринских текстов во многом лишает их статуса объективного свидетельства о жизни эпохи.

пример, Белинский в приводимой выше статье 1846 г., анализируя литературную деятельность Булгарина, писал и о причинах его доносительства, обнаруживая их в дурной наследственности и в обстановке страха и унижения, которая окружала юного Булгарина в Кадетском корпусе.

В 1884 г. М. И. Сухомлинов опубликовал записку А. Х. Бенкендорфа «О похвальных трудах Булгарина» (написанную самим Булгариным), а также письмо шефа жандармов министру народного просвещения К. А. Ливену по поводу отставки Булгарина в 1831 г. В них Бенкендорф прямо писал о том, что употреблял Булгарина по своему усмотрению «по письменной части на пользу службы, и что все поручения он исполнял с отличным усердием» (Сухомлинов 1884: 488). Записки Булгарина Бенкендорфу опубликовал и Н. Ф. Дубровин (Дубровин 1900: 579–590). Однако только в 1904 г. М. К. Лемке однозначно заявил, что все эти и другие архивные материалы свидетельствуют о «неопровержимости факта службы Булгарина в III отделении» (см.: Лемке 1904: 382–387).

С этого момента в академическом русском литературоведении отрицательная репутация Булгарина свела к минимуму интерес к его личности и творчеству, изучать которые считалось недостойным. В. Э. Вацуро в письме к М. Г. Салупере писал, что в 1910 г. научный руководитель П. Н. Сакулина настоял на том, чтобы тот не писал монографию о Булгарине (см.: Салупере 2004: 111).

Во второй половине 1920-х гг., полемизируя с академическим литературоведением и стремясь к детальному изучению литературного процесса и литературного быта, объектом своего пристального внимания Булгарина сделали формалисты⁶. Выпускник Ленинградского Института истории искусств, где преподавал Тынянов, Н. Л. Степанов написал в 1929 г. монографию о Булгарине (она не была опубликована). Как деятель эпохи профессионализации литературы Булгарин был интересен Б. М. Эйхенбауму. В. Б. Шкловский в 1929 г. предлагал Тынянову написать роман о Булгарине, задиристо провозглашая: «Не бойся за Булгарина. Булгарина черненьким всякий полюбит, а пускай полюбят беленьким». «Его» Булгарин должен был быть изображен в игровом, романтическом ключе: «Молодой Булгарин, тонкий в талии, идеалист, храбрец, чуточку враль, почти француз, наступает на Россию. Россия нехотя обороняется». Тынянов отвечал

⁶ Ю. Н. Тынянов писал, что традиционная наука «<...> скользила по общим местам и неясно представляла себе людей, течения, развитие русской литературы» (Тынянов 1966: 20). Объектом исследования формалистов и гуманитариев их круга становятся писатели второго и третьего рядов. Уже в 1915 г. в семинарии С. А. Венгерова Тынянов читал доклад о Пушкине и Кюхельбекере, которым занимался на протяжении всей своей научной деятельности. Ученица Тынянова Л. Я. Гинзбург в 1920—1930-е гг. занималась П. А. Вяземским и В. Г. Бенидиктовым.

ему: «Твой план моего романа мне нравится, боюсь одного, чтоб Фаддей не вышел совершенно уж Дефоржем»⁷ (цит. по: Шкловский: 28).

Сам Тынянов ввел образ Булгарина в свой роман «Смерть Вазир-Мухтара», создав его на основании детального изучения писем, мемуаров и художественных текстов. Тынянов воссоздает тип личности Булгарина со всеми особенностями его речевого поведения и логики мышления⁸.

В среде, близкой к формалистам, возникают трактовки деятельности Булгарина в социологическом ключе. В частности, В. А. Каверин в своей диссертации об О. И. Сенковском, защищенной в Институте истории искусств и вышедшей отдельной книгой в 1929 г., объяснял «торговое» направление в литературе социальным происхождением его ведущих представителей:

Сторонники широкого развития хозяйственной жизни страны, люди, не связанные кастовыми традициями, узурпировавшие русскую журналистику в 30-х гг., не задумывались особенно глубоко над вопросом профессионализации писательского труда. Они решали его без колебаний (Каверин 1966: 43).

Каверин романтизировал Сенковского, называя его «<...> предпринимателем-проектировщиком, журналистом-изобретателем, для которого интерес к своему делу далеко превышал жажду денежных прибылей» и противопоставлял ему Булгарина, которого

<...> можно назвать представителем ни с чем не считающейся наживы, готовым поступиться ради своих целей любыми соображениями (и прежде всего морального порядка) (Каверин 1966: 89).

Первая попытка снять моральную оценку при интерпретации деятельности Булгарина была сделана в 1929 г. в книге Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина «Словесность и коммерция (книжная лавка А. Ф. Смирдина)». Рассматривая литературные тексты с точки зрения их прагматики, авторы ставили вопросы об условиях функционирования литературной продукции — описывали особенности книжного рынка первой половины XIX в., говорили о специфической потребительской ценности литературного товара, «о жанрах, которые наиболее поглощались рынком» (см.: Гриц 1929: 11). Они отмечали, что Булгарин в борьбе против литераторов, издания которых могли составить ему конкуренцию, применял доносы — «наиболее действенный прием» борьбы с литературными конкурентами (см.: Там же: 229), а в отношениях со Смирдиным — прямой обман, однако объясняли

⁷ Французский поэт Paul Desforges Maillard (1699—1772) для того, чтобы дать ход своим стихотворениям, выдал себя за женщину. Среди восторженных поклонников «поэтессы» был Вольтер. Когда мистификация была обнаружена, его стихотворения были осмеяны.

⁸ Примером такой писательской техники является одна из ключевых сцен, где в качестве материала для создания внутренней речи героя Тынянов использует фразы из булгаринской «Поездки в Грузино в 1824 году».

это не столько его личными качествами, «сколько, главным образом, условиями товарно-денежного хозяйства, конкуренцией и работой на рынках» (см.: Там же: 343–344).

В советском «официальном» литературоведении с его пушкиноцентризмом и установкой на изучение «прогрессивных» классиков, занятия творчеством и деятельностью Булгарина, «врага Пушкина», оказались фактически под запретом. Характерен в этом отношении партийный окрик журнала «Коммунист» конца 1980-х гг. в адрес В. П. Мещерякова, который «осторожно сомневался» в устоявшейся трактовке личности Булгарина:

Итак, литературный пасквильянт и клеветник, вор, платный агент охраны и предатель — вот основные эпитеты, которые закрепила за Булгариным сама жизнь. <...>. Приговор, который вынесла Булгарину и ему подобным история, однозначен и обжалованию не подлежит (цит. по: Салупере 1991: 41).

По недавнему свидетельству И. Е. Прохоровой, на факультете журналистики МГУ запрет на изучение творчества и деятельности Булгарина негласно существовал до самого последнего времени.

В научной среде не могло не возникнуть противодействия такому идеологическому давлению. В начале 1970-х гг. с оппозиционных «официальному» литературоведению позиций Булгариным занималась М. Г. Салупере, пытаясь «<...> рассмотреть феномен восприятия и оценки Булгарина с точки зрения социологии и исторической психологии» (Салупере 2004: 109). Ее научные интересы поддерживал В. Э. Вацуро, который писал ей, «<...> что без монографического исследования деятельности Булгарина общий процесс движения литературы так и останется непонятым». Однако, понимая необходимость изучения булгаринского творчества и биографии, Вацуро подчеркивал, что недовольство социальным поведением Булгарина не было полемическим преувеличением — оно исходило и от литераторов, совершенно независимых от мнений пушкинского круга. Творчество Булгарина ученый определял как «массовую культуру» и подчеркивал, что Булгарин опирался на «<...> консерватизм животный, тупой и костный, консерватизм российского купца и провинциального помещика» (цит. по: Там же: 111).

* * *

Как персона “non grata” в официальном советском литературоведении, Булгарин привлек внимание западных ученых, и оценка его деятельности и творчества определялась во многом оппозиционностью советскому литературоведению.

В 1966 г. в США были защищены две упомянутые докторские диссертации о Булгарине, авторы которых называли его родоначальником русской прозы. В 1970 г. появилась диссертация Френка Мохи (см.: Mocha 1970), вышедшая позже и отдельным изданием, которая впервые решительно защищала Булгарина от «несправедливых» нападок русского и советского

литературоведения. Отрицательное отношение к Булгарину американский ученый представлял как результат одностороннего и идеологического подхода, начало которому положил «коммунист» Мих. Лемке⁹. Моха подчеркивал, что Булгарин мало изучен (см.: Mocha 1974: 64), и особое внимание уделял раннему, т.н. «прогрессивному», периоду его деятельности, когда, по Мохе, Булгарин проявил себя как либеральный историк и журналист. Отрицательная же репутация Булгарина, как считает американский ученый, сложилась по вине его «завистников» и, прежде всего, Пушкина (см.: Там же: 60–61). Обвинения в сотрудничестве с полицейскими структурами, по мнению исследователя, никогда не подтверждались (Там же: 61). Именно Моха первым начал героизировать Булгарина, говоря, в частности, о его заслуге по спасению Наполеона при переправе через Березину (Там же: 95).

Оправдательный пафос Мохи, распространяющийся и на оценку болгаринского творчества, уже не столь характерен для более поздних работ американских славистов, таких, например, как цитировавшаяся выше работа Р. Лебланка. Однако и этот исследователь определяет мировоззрение Булгарина как западное и либеральное: «<...> несомненно, что его жизненный опыт в большей степени связывал его с европейскими идеями, ценностями и социальными условиями <...>» (Лебланк 1999: 46), отмечая при этом и свойственные Булгарину «преданность русскому самодержавию» и «старомодный патернализм». Пытаясь свести воедино противоречия интерпретируемой таким образом позиции Булгарина, Лебланк делает вывод о том, что Ф. В. — «хамелеонообразная» фигура — замаскировал «свою стратегию вестернизации под патриотическую программу русификации», так как «тщательно скрывал свою поддержку европейских ценностей» (см.: Лебланк 1999: 42, 47).

Вслед за американскими учеными «реабилитацию» Булгарина продолжили польские слависты, исследования которых также были не свободны от аллюзий на современную политическую ситуацию¹⁰. Они представляли

⁹ Лемке действительно вступил в компартию в 1922 г., почти через 20 лет после упомянутой публикации и за год до смерти.

¹⁰ История отношения к Булгарину в Польше может быть темой отдельного исследования. Укажем только, что в 1846 г. в виленском журнале “Athenaeum” (Т. 4) появилась статья о нем польского писателя и историка Адама Киркора (1812—1886), который в 1840-е гг. издавал исторические сборники, не имевшие популярности. Как предполагает А. Федута, польский историк обращался за помощью к Булгарину как к влиятельному петербургскому литератору, чем и объяснялся панегирический тон его статьи (см.: Булгарын 2003: 584), повторяющей ходы рекламных текстов самого Ф. В.: «Познакомился с человеком, имя которого звучит от Невы до Аракса, от Вислы до Иртыша. Говорю о Тадеуше Булгарине, знаменитом русском писателе, авторе нескольких сот томов <...>. Имя его принадлежит сегодня всей Европе. Его литературное влияние сегодня так сильно в России, что мнение его воспринимается как при-

Булгарина как проводника идей польского и — шире — западного просвещения в России. Его лавирование между разными идеологическими лагерями, антипольские высказывания и поступки трактовали как приспособление к сложным политическим условиям. Так, например, в очерке польско-русских культурных отношений Р. Волощинский писал о том, что сотрудничество Булгарина с III Отделением было вынужденной мерой: без покровительства Бенкендорфа в условиях николаевского царствования поляку нельзя было издавать журналы и газету (см.: Wołoszyński 1974: 158). В 1980 г. Л. Бланшик, обвинив Белинского и Лемке в желании очернить Булгарина, попытался снять с него обвинение в плагиате — использовании в 1821 г. польского комментария виленского латиниста Ю. Ежовского к одам Горация (см. наш комментарий к этому эпизоду в главе I).

Самой большой работой о Булгарине в польском литературоведении является монография З. Мейшутович «Нравственно-бытовой роман Тадеуша Булгарина», в которой подробно исследуется генезис «Ивана Выжигина» и его поэтика — структура персонажей, позиция повествователя и т.п. Мейшутович, вслед за Мохой, обвиняет в скандальной репутации Булгарина «тенденциозного» Лемке и заявляет, что Булгарин вообще не служил в III Отделении (см.: Mejszutowicz 1978: 6). Она подчеркивает, что Булгарин как либеральный мыслитель, сторонник развития промышленности, торговли и науки, сформировался под влиянием польской классической традиции. Он был открыт идеям европейской цивилизации и явился предвестником «просвещенческого позитивизма» на русской почве, пропагандистом и защитником либеральных ценностей.

Идеи западных славистов оказались весьма востребованными в перестроечном литературоведении СССР и затем на постсоветском пространстве. В начале 1990-х гг. почти одновременно вышли статьи в защиту Булгарина М. Г. Салупере и А. И. Рейтблата. Отвечая на обвинения журнала «Коммунист» в адрес Мещерякова, Салупере подчеркивала:

С высокой партийной трибуны окончательных приговоров вынесено множество, но теперь мы знаем, чего они стоят на деле. <...> В наше время, когда мы опять стали уважать презумпцию невиновности, пора и обвинения, предъявляемые Булгарину, пересмотреть <...> (Салупере 1991: 41).

Вводя в научный оборот новые тексты Булгарина (Рейтблат) или богатый фактический материал о его пребывании в Дерпте и судьбе его наследия (Салупере), эти исследователи твердо выдерживают этот «угол пере-

говор для публики, а для пушей убедительности стоит добавить, что большая часть здешних литераторов является завзятыми его врагами» (цит. по: Там же: 502) и т.п.

В 1930-е гг. от обвинений в сотрудничестве с III-м Отделением Булгарина защищал А. Л. Погодин, называя публикации Лемке необъективными (см.: Pogodin 1932).

смотра». Сходные тенденции проявляются и в работах Н. Н. Акимовой и А. Федуты. Реабилитация Булгарина идет и в научно-популярных статьях и телепередачах о нем. Основной тезис защитников Булгарина — что он пострадал от напрасных обвинений. Характерна в этом отношении реплика Н. Н. Львовой в предисловии к современному сборнику произведений Булгарина для массового читателя: «Фаддей Венедиктович Булгарин никогда не был агентом III Отделения. Когда родилась эта сплетня и как она укоренилась, уже никто не помнит» (цит. по: Булгарин 1990: 18).

Тенденция снятия вопроса о моральной оценке литературной деятельности Булгарина приводит к возрождению (но в более упрощенном виде) идей социологического подхода к литературе, характерного для начала XX в. А. И. Рейтблат признает, что на пути к литературному успеху Булгарин «<...> не забывал о себе, стремясь укрепить репутацию, причем не всегда благовидными способами» (Рейтблат 1993: 77). Однако, проделав огромную и ценную работу по сбору и публикации материалов, относящихся к сотрудничеству Булгарина с III Отделением, ученый в предисловии к изданию его записок уже спорит с самим мнением о том, что служить в III Отделении и писать доносы нехорошо. Он предлагает признать булгаринские записки в III Отделение частью общераспространенного явления, свойственного литераторам во все времена, в том числе, и в советские. В николаевское время, пишет Рейтблат,

<...> не обладая самодостаточностью и собственной авторитетностью, литераторы в борьбе постоянно апеллировали к государству, стремясь путем идеологической и политической дисквалификации дезавуировать и «свалить» своего литературного противника.

С определенной точки зрения вся история русской литературы конца XVIII — первой половины XIX в. может быть рассмотрена как история доносов <...> (цит. по: Булгарин 1998: 35).

Рейтблат пересматривает и критерии оценки значения писателя в литературном процессе. Основным, с его точки зрения, должен стать размер тиражей:

Иначе теряется реальная перспектива — например, книга, которую читали сотни тысяч людей, и книга, с которой познакомились только десятки, рассматриваются в курсе истории литературы как равнозначные (Рейтблат 2001: 5).

С этой точки зрения, Булгарин предстает лидером победившего демократического направления в русской литературе. Вслед за самим Ф. В. и западными славистами Рейтблат повторяет, что отрицательная репутация Булгарина была сформирована его противниками — «литературными аристократами», которые не могли простить ему такого превосходства.

В таком же духе трактует причину возникновения отрицательной репутации Булгарина и Н. Н. Акимова¹¹. Кроме того, исследовательница умалчивает о нравственной стороне поступков Булгарина и вместо критерия «нравственный/безнравственный» предлагает критерий «прагматический/утопический». Она указывает, что Булгарин был трезвый прагматик, защитник философии здравомыслящего человека, для которого «<...> не являлась вопросом проблема выбора жизненной стратегии: добра, свободы и т.п.». Своим поведением он противостоял той тенденции, которую проповедовали шеллингианцы-любомудры, с их «духовным максимализмом», и которая

<...> вела к вечным, проклятым вопросам, кризису самоидентичности, к тому, что А. П. Чехов называл русским «неумением жить», тяготела к христианскому аскетическому идеалу и утопической социальной гармонии (Акимова 2002: 30).

Бесславный конец литературной карьеры Булгарина и Рейтблат и Акимова связывают с тем, что, создавая себе литературную репутацию, Булгарин просчитался. Суть этого просчета они определяют по-разному. Рейтблат пишет, что Булгарин делал ставку на поддержку политической полиции и царя, в то время как «литературные аристократы» делали установку именно на противостояние властям, и их расчет оказался «верным в долгосрочной перспективе» (см. предисловие к: Булгарин 1998: 39–40). А Акимова считает, что Булгарин не учел того, что «право на слово и место в литературе приходилось подтверждать своим личным поступком» (Акимова 1996а: 18).

Таким образом, «неосоциологический» подход современных булгариноведов приводит к пересмотру не только эстетических, но и этических ценностей: моральный аспект в оценке деятельности Булгарина, характеризующий работы русских литературоведов XIX—XX вв., полностью снимается.

* * *

Ю. М. Лотман писал о том, насколько труден для исследователя процесс реконструкции давно прошедшей реальности:

<...> по документам, всегда неполным, двусмысленным, **всегда несущим в себе субъективную позицию своего создателя**. Филигранный труд интерпрета-

¹¹ Она пишет, что с 1827 г., когда Пушкин убедился по реакции публики на отрывок из его «Бориса Годунова» в охлаждении внимания широкого читателя к его творчеству, начал твориться «<...> миф о серости и бездарности Булгарина-писателя, создавалась его репутация гонителя Пушкина, подчеркивались качества антигероя: инородность, предательство, отсутствие истинного патриотизма, доступность и примитивность в противовес глубине и сложности, преувеличенная жажда материальных благ, — закрепляясь в эпиграммах и прозвищах» (Акимова 2002: 135–136).

тора здесь должен сочетаться с умением найти детали ее место. <...> Исследователь, вооруженный привычными навыками анализа документа, все время должен помнить о синтезе, соединять свои наблюдения в единое и живое целое (Лотман 1987: 12; здесь и далее жирным шрифтом выделено нами. — Т. К.).

Эти выводы особенно актуальны для болгароведения, где документальная база не так велика, весьма противоречива по содержанию и в значительной части представлена свидетельствами самого «объекта изучения», которые, в силу специфики, как раз нуждаются в такой филигранной интерпретации¹².

В данной работе мы не вводим в научный оборот новые архивные материалы, которые кардинально меняли бы представление о жизни и творчестве Булгарина. Мы пересматриваем уже опубликованные источники и исследования, на основании которых западные слависты, а вслед за ними постсоветские литературоведы выстроили концепцию «нового» взгляда на Булгарина. Как нам представляется, ни один из этих опытов не удовлетворил В. Э. Вацуру, чьи призывы 1970-х гг. о необходимости всестороннего и беспристрастного изучения личности и деятельности Булгарина повторялись и в конце 1990-х гг. (см.: Вацуру 2003: 320).

Наиболее верный подход к изучению фигуры Булгарина, найденный в работах русских ученых конца 1920-х гг. — начала 1930-х гг.: Эйхенбаума, Виноградова, Грица, Никитина, Тренина, Сакулина и Покровского, за-

¹² Приведем один из примеров, когда болгароведы полностью доверяют свидетельствам Ф. В. и не видят очевидных противоречий им в других источниках. По воспоминаниям современников, Булгарин часто рассказывал о том, как помогал Наполеону перебираться через Березину. К этому его рассказу относились скептически. Н. И. Греч писал: «Булгарин, как и всем известно, был большой сочинитель. Коротким друзьям своим из либералов поверял за тайну, что на переправе Наполеона чрез Березину при Студянке (деревне, будто бы принадлежавшей его матери), он был одним из тех польских улан, которые по рыхлому льду провели лошадь, несшую полузамерзшего императора французов» (Греч 1930: 675–676). Рейтблат приводит это свидетельство Греча, пропуская первое предложение и **меня смысл цитаты на прямо противоположный** (см.: Рейтблат 1999: 88). Он пишет о помощи Булгарина Наполеону как об абсолютно достоверном факте: «Хорошо зная эту местность, он указал брод через Березину и был одним из проводников Наполеона при переправе» (Рейтблат 1990: 81). При этом исследователь без комментариев ссылается на источник, в основе которого опять же лежит версия самого Булгарина, — запись рассказа одного польского офицера, который сообщал, что Булгарин **рассказывал** ему, что помогал Наполеону переправиться через Березину (см.: Рейтблат 1999: 88). Вслед за Рейтблатом, рассказ об этом героическом поступке тиражируется и в популярных изданиях. Так, например, в журнале «Наука и жизнь» (2005, № 8) в статье А. Николаевой «Фаддей Булгарин — “бедный Йорик” русской журналистики» среди прочих его заслуг перед историей названа и эта история с Наполеоном.

ключался в том, чтобы рассматривать Булгарина как тип деятеля эпохи профессионализации литературы. Последующие поколения ученых, не преодолев обстоятельств вненаучного характера, свели изучение этой знаковой фигуры пушкинской эпохи к однозначной тенденциозной оценке. Подход к Булгарину именно как к определенному типу эпохи позволяет уйти от оценок его личности и тем самым уберечься от тенденциозности. При таком методе особое внимание следует уделить мнениям современников нашего героя. Как писал Ю. Н. Тынянов:

А между тем слух современников более чуток, и если в похвалах они не всегда прозорливы, то в обвинениях их почти всегда задето главное, чем обнаружилось для них данное искусство и что через призму других течений воспринимается уже не столь остро (Тынянов 1977: 18).

Показанное всей исследовательской традицией преобладание у Булгарина внелитературных интересов над собственно творческими доказывает актуальность подхода к нему именно как к типу литературного деятеля. В настоящей работе мы стремимся пристальнее взглянуть в ряд сюжетов, связанных с литературной тактикой Булгарина, сопоставить болгаринские версии с целым рядом других источников, подробно изучив контекст, в которых они создавались (например, сюжет его вхождения в литературу и деятельности на литературном поприще).

В первой главе мы рассматриваем литературную тактику Булгарина до 14 декабря 1825 г. Как мы пытаемся показать, факты противоречат устойчивому представлению о том, что Булгарин зарекомендовал себя как талантливый польский литератор и на основании этого был принят в виленское Товарищество шубравцев. Входя в литературу, Булгарин умело лавировал между польской и русской литературными сферами, а также между русскими либеральными и консервативными кругами: будучи в приятельских и деловых отношениях с будущими декабристами, он одновременно получал поддержку в своих литературных предприятиях от Магницкого, Рунича и Аракчеева. Подробное рассмотрение организованной на страницах СА полемики с «Историей государства Российского» показывает, что и в исторических штудиях для Булгарина на первом месте стоял чисто прагматический аспект.

Уже с 1823 г., со времени ссоры с К. Ф. Рылевым из-за попытки Булгарина перекупить журнал «Русский инвалид», болгаринская литературная тактика вызвала осуждение современников. К началу 1825 г. отрицательная репутация Булгарина как беспринципного деятеля от литературы, не раз менявшего свои убеждения, окончательно сложилась. Тогда же появились намеки на его шпионство и доноительство, которые с новой силой зазвучали в 1829 г. Кроме того, быстрота и успешность начала литературной и коммерческой карьеры, оставшееся безнаказанным участие во многих собраниях декабристов и ряд других фактов, по нашему мнению, за-

ставляют поставить ряд вопросов о негласной «внелитературной» деятельности Булгарина еще до 14 декабря.

Вторая глава посвящена одной из форм литературной тактики Булгарина — его автоописаниям, используемым для привлечения массового читателя. В ней рассмотрены различные ипостаси «образа Булгарина» — храброго военного, правдолюбивого и благонамеренного литератора и журналиста, окруженного врагами, исторического деятеля и сентиментального друга Грибоедова — и способы их презентации. Подробное рассмотрение контекста возникновения сюжета об идиллической дружбе с Грибоедовым показывает, что, создавая его, Булгарин тоже преследовал в первую очередь прагматические цели.

Одним из самых востребованных и приносивших ему наибольший доход «образов Булгарина» был образ «верноподданного литератора». В третьей главе нашей работы мы рассматриваем тактику Булгарина как издателя СП, его деятельность по пропаганде официальной идеологии среди широкой читательской аудитории, его поиски в области газетного языка, проявившиеся в описании сюжетов о национальных бедствиях и в составлении некрологов.

Четвертая глава посвящена малоизученному сюжету о борьбе Булгарина с книгой очерков о русской литературе Генриха Кенига, в которой впервые за пределами России прозвучала открытая критика болгаринского творчества и деятельности. Этот сюжет наглядно демонстрирует, насколько разнообразной и эффективной была борьба Булгарина с критикой в свой адрес. В этой борьбе он прибегал и к политической дискредитации своих противников в жалобах в официальные инстанции, и к воздействию на цензуру, и к разным формам «антикритики» в редактируемых им изданиях, и к открытой полемике в художественных произведениях.

Как мы стремились показать, болгаринская литературная тактика была направлена, в первую очередь, на успешную в коммерческом отношении реализацию его литературных проектов. Соображения более высокого порядка — отношение к писательству как к служению, законы нравственности — приносились в жертву этой цели. Эти стороны феномена Булгарина вызвали осуждение и были отвергнуты общим ходом развития русской литературы, что доказывает художественное осмысление личности и деятельности Булгарина в произведениях Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова и других писателей, рассмотрению которого посвящена пятая глава диссертации.

* * *

В ходе нашей работы мы получили труднодоступные статьи и книги при содействии проф. Кильского университета А. Энгель, проф. Вильнюсского университета П. Лавринца, тартуского историка и литературоведа М. Салупере, научного сотрудника Тартуской университетской библиотеки

Л. Дубьевой, аспирантов Воронежского университета К. Золотаревой и С. Ларина, аспирантки Псковского государственного педагогического университета Ю. Смирновой. В переводах с финского, немецкого и польского языков нам помогали сотрудники отдела рукописей и редких книг С. Лембинен и Т. Шаховская, а также сотрудница посольства Польской республики в Эстонии О. Кустова. В составлении резюме нам оказали помощь У. Урм и М. Гришакова. На завершающем этапе работы весьма полезными для нас оказались замечания рецензентов: кандидата филологических наук Е. Э. Ляминой, профессора П. С. Рейфмана и профессора С. Г. Исакова. При окончательной подготовке текста к печати большую помощь оказали наши давние друзья, сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки К. Гаспарян и Н. Еганова. Всем им — наша глубокая признательность и благодарность.

ГЛАВА I

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАКТИКА БУЛГАРИНА ДО 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

Одной из составляющих феномена Ф. В. Булгарина является его чрезвычайно быстрое и успешное вхождение в литературу после первого бурного периода биографии. Первое литературное произведение Булгарина, подписанное его полным именем — стихотворение на польском языке, — появилось в 1819 г. когда ему было тридцать лет, а через шесть лет, в 1825 г., он уже предстает как известный русский литератор, издатель нескольких журналов и газеты. Рейтблат объясняет это тем, что в русскую литературу Ф. В. вошел как уже сложившийся польский литератор, ранее печатавшийся анонимно:

<...> в довольно короткий срок, он широко знакомится с польской литературой и быстро завоевывает в ней заметное место, что доказывает факт избрания его членом шубравского общества (цит. по: Булгарин 1998: 9),

а также его «литературной одаренностью, богатым жизненным опытом, трудолюбием и любовью к новой профессии» (см.: Там же). Нам такое объяснение представляется недостаточным, кроме того, как мы попытаемся далее показать, оно в значительной степени было инспирировано самим Булгариным, что являлось составной частью его литературной тактики. Имеющиеся в распоряжении исследователей факты о начале его литературной карьеры, взятые зачастую из свидетельств самого Булгарина, нуждаются в тщательном анализе, а устоявшиеся в науке представления требуют пересмотра¹³.

Другой момент литературной биографии Булгарина, который также требует существенной коррекции, это исследовательское клише о резком повороте в его литературной карьере после событий 14 декабря 1825 г., когда под влиянием трагических обстоятельств из либерального литератора и журналиста, друга декабристов, он превратился в охранителя и реак-

¹³ Булгарин, например, по мемуарам Греча, рассказывал, что в 1809 г. он написал сатиру на шефа полка — цесаревича Константина Павловича, за что несколько месяцев провел под арестом. Однако другое свидетельство Греча, тоже, вероятно, восходящее к рассказам Булгарина, противоречит тому, что отношения между Булгариным и цесаревичем были плохими. Когда вместе с другими возвращенными поляками в 1814 г. Булгарин предстал перед великим князем, то тот «<...> указав на прежних товарищей его, Жандра, Албрехта и пр. в звездах и лентах, сказал:

— И ты был бы теперь генералом, если б остался у меня <...>.

Он предложил воротившемуся патриоту любое комендантское место в Царстве Польском, но Булгарин отказался <...>» (Греч 1930: 680, 683).

ционера. Этот «вынужденный» поворот, который привел также и к сотрудничеству с III Отделением, явился, будто бы, причиной отрицательной репутации Булгарина, возникшей только после декабря 1825 г. среди литераторов пушкинского круга. Дальнейшее наше повествование призвано продемонстрировать, что литературные ориентиры и политические взгляды Булгарина менялись в зависимости от обстоятельств и до и после 14 декабря, неизменной в его литературной и внелитературной деятельности оставалась лишь установка на достижение коммерческого успеха. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы современников, начиная уже с 1823 г.

«Литератор русский» в Польше, «литератор польский» в Петербурге

Положение о том, что в русскую литературу Булгарин вошел как уже сложившийся польский литератор, основано прежде всего на текстах его оправдательных записок в III-е Отделение. В 1826 г. он писал: «С 1816 г. он <Булгарин писал от третьего лица. — Т. К.>, снискав уже почтенное имя в польской словесности, начал трудиться для российской <...>» (Булгарин 1998: 74). Через год по тому же адресу он вновь подчеркивал: «Булгарин еще в 1815 г. был известен в Польше сатирическими статьями о нравах, помещенными им в разных польских журналах» (Там же: 136). Утверждал Булгарин и то, что он издавал неподцензурную газету в Варшаве (см.: Усов 1883: 313). Видимо, с его слов, В. К. Кюхельбекер записал в 1824 г.: «Булгарин, бывший издатель “Варшавского свистка”» (Кюхельбекер 1979: 500). В это же время была в ходу эпиграмма Б. М. Федорова (ее А. Е. Измайлов посылает в письме к И. И. Дмитриеву):

Фаддей здесь издает «Листки»,
В Варшаве издавал свисток.
Его *свисток* — пустой листок,
Его *листки* — ему свистки
(Русская эпиграмма 1988: 286).

Обратим внимание на то, что одним из значений федоровского определения «пустой листок» может быть и «несуществующий».

Действительно, никаких следов литературной деятельности Булгарина в Польше вплоть до марта 1819 г. исследователям обнаружить не удалось. Нет в польских библиографических справочниках и упоминания о «Варшавском свистке» (см.: Рейтблат 1993: 74)¹⁴.

¹⁴ Отсутствие следов булгаринских ранних публикаций на польском языке ученый объясняет тем, что Булгарин печатался анонимно, подчеркивая, что это было принято среди шубравцев (см.: Рейтблат 1993: 74–75). Однако то, что

Если мы внимательно перечитаем протокол заседания Товарищества шубравцев от 19 марта 1819 г., где говорится о приеме Булгарина, то обнаружим, что никакие его предшествующие заслуги перед польской литературой там не упоминаются. Все литературное творчество Булгарина представлено одной «поэмой его сочинения» и «проспектом нового сочинения»,

<...> которое предложенный намерен издать в столице империи на российском языке под заглавием «О литературно-увеселительном обществе Шубравском, уставе оногo и цели». **Представленные сочинения** прочли и удостоверились, что кандидат заслуживает быть облеченным в достоинство шубравца (Булгарин 1998: 140).

«Поэма его сочинения», о которой идет речь, — это, по-видимому, сатирическое стихотворение “Droga do szczęścia”, опубликованное в “Tygodnik Wilenski” 15 марта 1819 г. Это первое, насколько нам известно, литературное произведение Булгарина. Оно подписано его полным именем и представляет собой диалог между богачом и бедным поэтом, который не хочет ради денег потакать слабостям сильных мира сего. Герой говорит, что служит прежде всего Отчизне и кроме того не хочет быть предметом насмешки для шубравцев, которые будут издеваться над ним в своей газете — “Brukowych Wiadomościach”. И содержание, и время появления стихотворения — за четыре дня до вступления в Товарищество — указывают на его ситуативный и прагматический характер. В протоколе заслугой автора названо то, что он служил Марсу (т.е. сражался в армии Наполеона за польскую независимость) и Аполлону (без указания подробностей), а также обещает издать уже на русском языке статью о Товариществе в Петербурге. Видимо, последнее и стало определяющим фактором для принятия Булгарина.

Как известно, Товарищество шубравцев возникло в 1816 г. в Виленском университете, который был центром патриотического движения в Царстве Польском. Здесь же были созданы тайные общества филаретов и филоматов. В 1822 г., уже после запрещения в Российской империи масонских лож и тайных обществ, особая комиссия под начальством российского комиссара при правительстве Царства Польского Н. Н. Новосильцева, которая расследовала их деятельность, запретила и шубравцев. В 1824 г. многие лидеры виленских патриотических организаций были арестованы и сосланы в Сибирь (см.: Чечулин 1903: 217–218).

Приезд Булгарина в Вильно в 1819 г. совпадает с началом усиленного надзора за оппозиционными настроениями в недавно образованном Царстве Польском. Правительство было обеспокоено тем, что деятельность тайных организаций, подобных руководимой майором Валерианом Лукасин-

речь идет о периоде **до принятия** Булгарина в товарищество, исследователем никак не комментируется.

ским, стала принимать «<...> прямо политический характер» (Чечулин 1903: 217). В 1819 г. в Царстве Польском была установлена и предварительная цензура, что противоречило данной Александром I конституции и вызвало протест польской оппозиции¹⁵.

Показательно, что в Товарищество шубравцев Булгарина ввел учитель Виленской гимназии Игнатий Шидловский, который являлся в то время еще и цензором. В данной ситуации шубравцы были очень заинтересованы в том, чтобы в Петербурге их общество было представлено как лояльное российским властям. Видимо, Булгарин смог показать себя влиятельным в петербургских кругах **русским** литератором. В нем могли быть заинтересованы и как в посреднике между Польшей и Россией, литературные контакты с которой становились все насыщеннее. Так, с 1819 г. в «Вестнике Европы» печатаются переводы философских сочинений председателя Товарищества Яна Снядецкого (1756—1830; ректора Виленского университета в 1807—1815 гг., известного астронома и математика, автора биографии Коперника). Однако до обнаружения новых фактов мы вынуждены остаться на уровне предположений.

Сразу по возвращении в Петербург Булгарин начинает «разыгрывать польскую карту»: как уже признанный в польских кругах литератор он подает прошение А. Н. Голицыну о разрешении издавать на польском языке «Дамский журнал». Приносиваясь к мистическим настроениям министра просвещения, он писал, что его издание будет вести прекрасный пол к «храму добродетели» и распространять «правила нравственности и религии» и подчеркивал, что его план одобрен «отличными мужами Польши как духовными, так и светскими» (см.: Дубровин 1900: 559–561). Журнал ему издавать не позволили, но литературной деятельностью он занялся.

Первая публикация Булгарина в Петербурге появилась в конце 1819 г. в польскоязычной газете «Русский инвалид» («*Ruski inwalid*», №№ 278, 279): «*Bitwa pod Kulmem 30 sierpnia 1813, wyjątek z pamiętnika polskiego oficera Tadeusza B.*» (Битва под Кульмом 30 сентября 1813 года, отрывок из воспоминаний польского офицера Тадеуша Б.).

Однако очень быстро Булгарин понимает, что карьеру литератора в Петербурге надо делать на русском языке, причем возможно использовать польскую тему как одну из популярнейших в русских литературных кругах того времени¹⁶.

¹⁵ У нас нет фактов, подтверждающих, что приезд Булгарина и план его статьи о шубравцах был как-то связан с мерами официального Петербурга, но его последующая деятельность и практическая неизученность биографии периода 1814—1819 гг. оставляет место и для такого предположения.

¹⁶ Например, 5 января 1820 г. в Вольном обществе любителей российской словесности слушали два перевода с польского: «О гробах в Захлумской земле. В долинах между селом Чистым и Ловричем» З. Я. Ходаковского и «Дневная

В конце 1820 г. в «Сыне Отечества» появляется его первая статья на русском языке «Краткое обозрение польской словесности». Она наполнена комплиментами в адрес великодушного Александра, у трона которого «польские музы нашли убежище» и Адама Чарторижского: «Дом его и поныне есть святилище муз» (см.: *Сын Отечества*. 1820. № 31. С. 212). Особое место уделено Товариществу шубравцев. Членов общества он перечисляет поименно. Ян Снядецкий назван «первым польским прозаиком». О Шидловском, представлявшем Булгарина в Товарищество, сказано, что он соединяет «с познанием языков истинные пиитические дарования, пылкое воображение, тонкий вкус и особенную плавность», он — «первый из поляков, кто осмелился приняться за лиру Пиндара». Упомянут и секретарь Товарищества, который подписывал протокол заседания от 19 марта 1819 г., профессор ботаники и зоологии ксендз Бонифаций Юндзил и даже перечислены названия его естественнонаучных сочинений (см.: Там же: С. 245–247). По-видимому, мы имеем дело с тем «проектом», о котором шла речь при приеме Булгарина в Товарищество шубравцев. Он выполнил данное им обещание, описав их заслуги в весьма патетических тонах.

Опыт русской публикации и полонофильские настроения в литературном Петербурге утвердили намерение Булгарина продолжать карьеру русского литератора из Польши. В 1821 г., на этой волне интереса к Польше, Булгарин становится членом влиятельного ВОЛРС. 7 февраля 1821 г. в обществе слушали перевод с французского Ф. Н. Глинки «Нескольких слов о Тадеуше Костюшке», а 21 марта Булгарин читал свой перевод с польского сочинения И. Лелевеля «Известие о древнейших историках польских и в особенности о Кадлубке в опровержении Шлецера» (см.: *Базанов* 1949: 351, 354). Через неделю 28 марта 1821 г. его принимают в действительные члены.

Однако формы использования Булгариным польских источников были порой весьма прихотливыми. В 1821 г. по инициативе выпускника Виленского университета В. С. Пельчинского, впоследствии известного тайного агента русского правительства, а в то время чиновника по особым поручениям в министерстве Голицына, Булгарин осуществляет издание од Горация с комментариями на русском языке. Это был заманчивый в финансовом отношении проект — книга должна была распространяться в гимназиях в качестве учебного пособия. Известно, что комментарий Булгарин перевел с польского, используя работу латиниста из Виленского университета, родственника Пельчинского, Юзефа Ежовского, который в это время готовил издание Горация на польском. Хлопоча перед Ежовским о передаче Булгарину текста комментариев для перевода, Пельчинский выставлял Ф. В. как яркого польского патриота и влиятельного русского литератора.

записка Иосифа Сенковского о путешествии его из Вильно чрез Одессу в Стамбул» В. Г. Анастасевича (см.: *Базанов* 1949: 325–326).

17 ноября 1820 г. он писал Ежовскому из Петербурга, что никто не превзойдет Булгарина в любви к Польше и в либеральности:

<...> он неукротимый защитник всего польского, и можно утверждать, что ему удастся поколебать дичайшие представления здешних людей о поляках <...> (цит. по: Рейтблат 1993: 76).

Исследователь цитату на этом месте обрывает, но продолжение ее весьма любопытно. В то время, когда Булгарин не был еще ни редактором СА, ни членом ВОЛРС, в этом письме он представлен как влиятельный и признанный русский литератор, который всегда побеждает в журнальных стычках и которого петербургские писатели боятся и ставят так высоко, что «даже ни одно их сочинение не попадает в печать без его одобрения» (см.: Skwarczyński 1963: 84).

Булгарин использовал комментарий Ежовского практически в форме плагиата. На титуле его имя не обозначено, в предисловии на его авторство дан только самый глухой намек:

Что же касается до истолкования текста, то вся слава принадлежит Ванденбургу и Мичерлиху, отличнейшим в наше время Филологам, и Иосифу Ежовскому, объяснившему Горациевы Оды на Польском языке: мне принадлежат только труд и желание быть полезным (Булгарин 1821: 1)¹⁷.

Ежовский — основатель общества филоматов, сосланный в 1824 г. в Сибирь, — никак не отреагировал на такое обращение со своим текстом.

Случай с Ежовским не был единственным. В 1821 г. Булгарин, подкрепляя представление о себе как о знатоке античности, опубликовал статью «О переводчиках Гомера» (Сын Отечества. 1821. № 30. С. 145–160) — почти дословный перевод статьи на эту тему польского литератора Ф. К. Дмоховского, которого Булгарин не упомянул вообще (см.: Własczyk 1980: 42; Рейтблат 1993: 77). На заседании ВОЛРС 16 мая 1821 г. Булгарин читал доклад «О метафизике наук», в котором критиковал философию И. Канта и всю немецкую метафизику с точки зрения «здравого

¹⁷ В 1980 г. Л. Бланшик попытался снять с Булгарина обвинение в плагиате, указав, что Белинский, Греч и Лемке были необъективны и желали его очернить. Исследователь подробно остановился на том, как в кружке филаретов возникла и развивалась идея издания польского комментария, и у Пельчинского появился план аналогичного издания на русском языке с привлечением к работе Булгарина. У Бланшика нет сомнений в том, что Ежовский посылал Булгарину свои комментарии, начиная с 20 марта 1820 г., но, по мнению исследователя, Булгарин не мог так быстро их перевести: булгаринская книга была подписана в печать 29 июня 1820 г. (см.: Własczyk 1980: 32). Однако Бланшик не учитывает того, что Пельчинский мог способствовать быстрому прохождению книги через цензуру. Для полного прояснения вопроса необходимо также провести подробное текстуальное сравнение булгаринской книги с комментариями Ежовского, вышедшими в 1821 г. по-польски.

смысла), упрощенно пересказывая работы в этой области Яна Снядецкого (см.: Акимова 2004: 25–26).

Таким образом, начало литературной карьеры Булгарина было связано с польской темой, но отнюдь не являлось продолжением его деятельности как польского автора. Видимо, карьера польского литератора и на территории Царства Польского, и в Петербурге была для Булгарина трудной и невыгодной, и он стал литератором русским. Тонко уловив интерес к Польше в передовых кругах русского общества, он сумел воспользоваться этим обстоятельством в свою пользу, и на первых порах это ему очень пригодилось. Булгарин лавировал между польской и русской литературной средой, налаживая связи для организации своих проектов и заимствуя идеи, а иногда и тексты польских литераторов.

Деятельность Булгарина до 14 декабря 1825 г. и ее отражение в отзывах современников

Когда собственно начинается петербургский период жизни и деятельности Булгарина, точно неизвестно. Из прусского плена он вернулся в 1814 г. в Варшаву, потом стал управляющим в гродненском имении своего дяди — Павла Булгарина, который вел в Петербурге судебный процесс о наследстве. По делам процесса Булгарин часто бывал в Петербурге, возможно, уже с 1816 г. жил там постоянно (см.: Własczyk 1980: 18), но до 1820 г. о его деятельности известно очень мало. С этого времени Булгарин активно налаживает связи с чиновным и литературным миром Петербурга. Так, например, он добился расположения В. А. Жуковского, который общался с ним в дружественном «арзамасском» стиле. В записке 1819 г. Жуковский, не застав Булгарина дома, пишет:

Ты высок духом, за то и живешь высоко; и доступ к тебе, как ко всему великому и высокому, трудный. — Я победил все трудности, вскарабкался на высоту и не нашел никого на этой высоте

и благодарит за подаренную табакерку (см.: Жуковский 1902: 188). О судебных делах Булгарина в Сенате хлопотал А. И. Тургенев, который позже писал о том времени Вяземскому: «<...> Булгарин надоедал мне своим ласкательством письменно и словесно и душил меня письмами, записками и комплиментами» (цит. по: ОА III: 127). Как установил Н. Ф. Дубровин, Булгарин был в одной масонской ложе с биржевым маклером И. Ф. Маковкиным (см.: Булгарин 1998: 45), который (по словарю А. И. Серкова) был членом только одной ложи — Избранного Михаила. Если действительно Булгарин был в нее вхож, то значительный круг знакомств он мог приобрести именно там.

Одним из членов этой ложи был и М. Я. фон Фок, веские доказательства тесного сотрудничества Булгарина с которым с 1826 г. известны нам благодаря публикациям Рейтблата. Но сам Булгарин писал о себе

Журналиста знал М. Я. Фон-Фок еще в детстве, в родительском доме, быв сам молодым человеком и офицером в Легкоконном Харьковском Полку <...> (СП. 1854. № 175. 7 августа. С. 829).

Обстоятельства и время знакомства Булгарина с Фоком предстоит еще выяснить. Как известно, с 1811 г. Фок являлся помощником правителя Особенной канцелярии Министерства полиции. Среди объектов его деятельности находились и литераторы: в 1816 г. он был избран почетным членом Санкт-Петербургского ВОЛРС. В 1819 г. руководимая им Особенная канцелярия была присоединена к Министерству внутренних дел и занималась также делами просвещения. Характерно, что первый литературный опыт Булгарина в Петербурге появился именно в 1819 г. в газете “Russki inwalid”, редактором которой был М. Ф. Маркьянович, один из сотрудников той самой Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, которой заведовал Фок.

В качестве литератора Булгарин проникал не только в русскую, но и во французскую и немецкую дипломатическую и военную среду. По словам Н. И. Греча, он:

<...> не знаю, как попал во французский круг у генералов Базена, Сенновера и пр., читал им свои сочинения, которые кто-то переводил для него на французский язык (Греч 1930: 683).

Именно о французском своем сочинении Булгарин вспоминал во «Встрече с Карамзиным», сообщая о том, что историограф услышал и оценил его при первой их встрече в 1819 г. Чтение этого сочинения произошло на литературном вечере у Эмиля Дюпре де Сен-Мора, литератора и ультрароялиста (см.: Вацуру 1994: 139)¹⁸.

¹⁸ Мы не можем точно сказать, когда именно появились французские связи Булгарина. В «Воспоминаниях...» он писал, что в 1807 г., когда ему было 18 лет и после окончания Сухопутного шляхетного кадетского корпуса он служил корнетом в Уланском полку цесаревича Константина, в Петербург приехал генерал Савари, который заведовал тайной полицией Наполеона и наводнил город французскими шпионами и шпионками. В сети одной из «наполеоновых сирен» попался и юный Булгарин. Познакомившись в театре с прекрасной дамой Шарлоттой (которая жила с теткой!), он завязал с нею бурный роман, длившийся до тех пор, пока один из офицеров свиты Савари не намекнул на то, что прекрасная незнакомка занимается шпионажем. Булгарин пишет, что французженка хотела вовлечь и его в свою деятельность «<...> различными софисмами, особенно надеждами Поляков, благодарностью Наполеона и т. п.» (Булгарин 1846—1849, III: 376). Исследователи, склонные относиться к свидетельствам Булгарина как к достоверным источникам, оставили этот эпизод без комментария. Однако через четыре года после описываемых событий Булгарин

В записке 1826 г. о влиянии иностранных держав на политический образ мыслей в России Булгарин писал, что в 1819 г. он «имел обширный круг знакомства, составленный из знатных домов» и «проникнул *Лебцельтерна*» — австрийского посланника, который «особенно ласкал молодых людей с талантами, приглашал к себе на кавалерские вечера» (см.: Булгарин 1998: 201).

Думается, что широкий круг знакомств, которым окружил себя Булгарин в Петербурге, поможет нам лучше понять обстоятельства чрезвычайно быстрого и успешного вхождения Булгарина в русскую литературу. Конечно, вопросов тут будет больше, чем ответов, но полагаем, что эти вопросы необходимо поставить.

Первая статья Булгарина на русском языке, о которой мы писали выше, появилась в «Сыне Отечества», редактируемом Гречем. Ф. В. неоднократно упоминал о том, что именно Греч сообщил ему «сокровища русского языка». Для современников было очевидно, что булгаринские тексты сильно редактируются Гречем. Так, например, А. Е. Измайлов критиковал булгаринский перевод восточных повестей Сенковского в «Полярной звезде» 1825 г.:

Перевод очень плох; есть самая ученическая ошибки: видно учителю (Гречу) всего этого безграмотного народа (как грамматический наш обер-полицеймейстер называет друзей своих) было недосужно, или поленился поправить (Измайлов 1871: 988).

Возникает вопрос, почему Греч так активно принимал участие в первых шагах Булгарина на литературном поприще?

По воспоминаниям Греча, Булгарин познакомился с ним в феврале 1820 г. 21 ноября 1820 г. произошел бунт в Семеновском полку. Греч — один из организаторов училищ взаимного обучения, пропагандист Ланкастерского метода — считался Александром I чуть ли не главой заговора. Вызванный к министру внутренних дел В. П. Кочубею, он был встречен там Фоком, который его допрашивал. В Диканьском архиве Кочубея сохранилось множество документов, свидетельствующих о пристальном внимании полиции к Гречу:

Следили не только за самим Гречем, — в клубах, ресторанах, где он бывал, на улицах, поджидали его на папертях церквей, перед театрами, — но и за семьей его, прислугой, служащими его типографии, конторы и редакции журн. «Сын Отеч.»: составили даже письмо о выбывших и прибывших из дому <...> (цит. по: Рыбаков 1925: 84–85).

действительно увлекся «надеждами поляков и благодарностью Наполеона» и перешел-таки на сторону французов, то есть в его реальной биографии имелось продолжение описанного в «Воспоминаниях» сюжета. К тому же, в мемуарах Греча время первых контактов Булгарина с поляками, служившими в армии Наполеона, тоже относится к 1807 г. (см.: Греч 1930: 669–670).

Булгарин в это время тоже был очень близок к Гречу и при этом знал подробности развернутой против него кампании: рассказывал, например, что на него пишет доносы Воейков, который хочет отстранить его от издания «Сына Отечества» (см.: Греч 1930: 410–411). Откуда у Булгарина были эти конфиденциальные сведения?

В 1822 г. появляются новые издательские проекты Булгарина. Он подает прошение Голицыну о том, что собирается с начала 1822 г. издавать журнал истории, статистики и путешествий «Мнемозина», который потом был переименован в С. С.-Петербургский цензурный комитет разрешил это издание на основании того, что Булгарин был действительным членом высочайше утвержденных обществ и что он уже известен публике своими сочинениями, среди которых упоминались статьи о польской словесности и о переводчиках Гомера (см.: Дубровин 1900: 563). Это совпадает со временем, когда управляющим цензурным комитетом становится фон Фок.

В письмах к польскому историку И. Лелевелю Булгарин демонстрировал свою влиятельность и связи в Министерстве просвещения (см. об этом подробнее следующий параграф) и, по-видимому, не сильно преувеличивал. Так, министерство взяло на себя распространение С. А. Попечитель С.-Петербургского учебного округа Д. П. Рунич предписал правлению С.-Петербургского университета и всем высшим учебным заведениям и гимназиям С.-Петербургского учебного округа подписаться на журнал Булгарина. Об этом он особо писал Голицыну и намекал на то, что для поддержания «полезного труда» Булгарина и «в вознаграждение издержек» было бы хорошо сделать такое распоряжение «по всем учебным заведениям ведомства департамента народного просвещения» (см.: Дубровин 1900: 564). Такое распоряжение было сделано, и позже Булгарин благодарил за него Голицына (Там же: 567). Почему Рунич хлопотал за Булгарина?¹⁹

В начале 1820-х гг. Булгарин знакомится с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым. Они оба изучают польский язык, увлекаются переводами с польского. Булгарин интересен им и полонофильски настроенной либеральной литературной среде в целом, в первую очередь, как польский литератор. Напомним, что в 1823 г. Рылеев был принят в Общество любителей словесности наук и художеств, представив перевод с польского той самой сатиры Булгарина «Путь к счастью», за которую тот был принят в Товарищество шубравцев (см.: Рылеев 1934: 786). В этой среде Булгарин высказывался в либеральном духе, например, критиковал судопроизводство, известное ему по участию в судебном процессе дяди. Вспоминая его рассказы, Рылеев в 1821 г. в письме из Острогожска жаловался на провинциальных судебных чиновников: «Ты, любезный друг, на себе испытал бес-

¹⁹ Кроме установки свыше, хлопоты Рунича, по мнению Н. Н. Мазур, могли иметь и более простое объяснение: он был известным взяточником.

совестную алчность их в Петербурге <...>. Если бы ты видел их в русских провинциях — это настоящие кровопийцы» (Рылеев 1934: 459).

Однако методы, при помощи которых Булгарин начал делать карьеру литератора, удивляли и разочаровывали его друзей. Это наглядно демонстрирует история его ссоры с Рылеевым в сентябре 1823 г. В 1822 г. Воейков перестал быть соредактором Греча в «Сыне Отечества» и, благодаря хлопотам Жуковского, получил редакторство в «Русском инвалиде». Булгарин, узнав об этом, подал прошение в «Комитет о раненых» о том, что обязуется платить вдвое больше Воейкова, если аренду издания отдадут ему. Его поступком были возмущены многие литераторы, Рылеев назвал его подлым, в ответ на это Булгарин ответил, что если бы он и вздумал просить от кого-нибудь советов, то Рылеев был бы последним. Рылеев очень обиделся и в тот же день (7 сентября 1823 г.) написал:

Я был тебе другом, Булгарин; не знаю, что чувствовал ты ко мне; по крайней мере ты также уверял меня в своей дружбе — и я от души верил.

Исследуй все мои поступки, взвесь все мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потом, по совести, заслуживал ли я такого оскорбления, какое ты сделал мне сегодня <...> по разному образу чувствования и мыслей нам скорее можно быть врагами, нежели приятелями (Там же: 469, 470).

Заметим, что для Рылеева не может быть разницы между поступками, словами и мыслями. Однако в глубине души он все-таки верил в Булгарина и, приписывая произошедшее пылу «неблагородного мщения», пытался повлиять на него:

<...> В. А. Жуковский, этот столь высокой нравственности человек, которого ты любишь до обожаний — в негодовании от твоего поступка. Он поручил мне сказать <...> что он употребит все возможные средства воспрепятствовать исполнению твоего желания, и что, если ты и успеешь, то не иначе, как с утратою чести! (Там же: 470).

Ответ Булгарина показывает, что ему чужда не только поведенческая тактика круга будущих декабристов (о которой писал Ю. М. Лотман), но непонятен и сам код сообщения — возможность оценивать поведение с нравственной точки зрения, независимо от обстоятельств.

Я вчера погорячился, но ты сам подал к тому повод, — писал Булгарин. — Долг дружбы велит **советовать наедине, а молчать в свете** <...> а ты, в укор мне и Гречу, сказал, что мой поступок подл <...>. Этого не позволяет говорить ни дружба, ни родство.

И далее Булгарин намекал на то, что он — незаменим для Рылеева, потому что находится в хороших отношениях с цензором «Полярной звезды» А. С. Бируковым: «Прости, брат, и помни, что ты другого Булгарина для себя не найдешь в жизни» (Там же: 781).

Когда через полтора года после упомянутой ссоры Булгарин в 1825 г. похвалил в СП поэму Рылеева «Войнаровский», то тот вновь уверился

в искренности любви к нему Булгарина: «<...> ничто другое не могло заставить тебя так лестно отозваться о поэме <...>», — писал он Булгарину, а тот, в свою очередь, вернул письмо обратно Рылееву, сделав на нем сентиментально-восторженную приписку: «Письмо сие расцеловано и орошено слезами. Возвращаю назад, ибо подлый мир недостойн быть свидетелем таких чувств и мог бы перетолковать — а я понимаю истинно <...>». Рылеев вновь отослал письмо Булгарину, указав на излишнюю экзальтацию своего корреспондента: «Напрасно отослал письмо: я никогда не раскаиваюсь в чувствах, а мнением подлого мира всегда пренебрегал. Письмо — твое и должно остаться у тебя» (Там же).

Не были равными и однозначными и отношения с А. С. Грибоедовым. В связи с планами публикации отрывков из «Горе от ума» в альманахе «Русская Талия» Булгарин в фельетоне «Литературные призраки» (Литературные листки. 1824. Ч. 3. № 16. Август. С. 93–108) в преувеличенных тонах хвалил ученость и дарования Грибоедова, выведенного под именем Талантина, и восторженно отзывался о еще не напечатанной комедии (см. об этом подробнее: Мещеряков 1983: 157–159). Грибоедов был обижен грубой лестью в свой адрес. В начале октября он писал Булгарину:

<...> правила благопристойности и собственное к себе уважение не позволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной <...>. Конечно, и вас чувство благородной гордости не допустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается (Грибоедов III, 79),

однако отношения были быстро налажены (см. об этом подробнее в следующей главе). В эпиграмме Вяземского, не пропущенной в печать Бируковым, булгаринская похвала была представлена как урон репутации Грибоедова:

Булгарин, убедаясь, что брань его не жалит,
Переменяет теперь и тактику и речь:
Чтоб Грибоедова упечь,
Он Грибоедова в своем журнале хвалит.
Врагов своих не мог он фонарем прижечь,
То хоть надеется, что, подслужась, обсалит
(Русская эпиграмма 1988: 221)²⁰.

Ситуация 1823 г. показывает, что и Рылеев, и Грибоедов, и др., принимая Булгарина в свой круг, воспринимали его как «своего», а обнаружив, к каким методам он прибегает на пути достижения коммерческих успехов,

²⁰ Эту эпиграмму переписал Кюхельбекер, заменив Булгарина на «Тадеуша» и Грибоедова на «Талантина», и попытался опубликовать, но, как писал Измайлов Яковлеву в ноябре 1825 г., цензор Бируков не пропустил «одной полемической пьесы Кюхельбекера против Булгарина» (цит. по: Русская эпиграмма 1988: 590).

пытались его перевоспитать, апеллируя к понятиям «чести» и «порядочности». Некоторые современники оправдывали поведение Булгарина особенностями его натуры. Так, П. А. Муханов писал Булгарину 16 февраля 1825 г. по поводу конфликта его с издателями «Мнемозины»:

Жаль, любезный друг, что от физики своей, от многокровия, — слишком решительно, откровенно и даже дерзко напал на них и из острого словца ты сказал нестерпимую грубость <...> (Муханов 1991: 199)²¹.

Параллельно возникает и сатирическое осмысление литературной тактики Булгарина, сопровождаемое иронией по поводу особенностей его личности. Так, в первой известной нам опубликованной эпиграмме на Ф. В. (Благонамеренный. 1823. № 17) высмеивалась его способность разносить слухи:

Чего вам объявить в газетах средства нет,
Скажите только вы Фаддею за секрет
(Русская эпиграмма 1988: 353).

Умение налаживать связи одновременно и в близких к правительству официозных кругах, и в оппозиционной литературной среде порождает мнение о сотрудничестве Булгарина с полицейскими структурами. Об этом (хотя и через отрицание) свидетельствовал он сам в письме к А. О. Корниловичу (датируется между 1820 и 1823 гг.):

Разв<е> вы все и ты не шутили на счет моих знакомств с Руничем, Магницким, Милорадовичем? Разве я сердился? (Это) говорят и на улицах, а я смеюсь, уверен будучи, что меня никто из знакомых не почтет шпионом или наушником (цит. по: Якушкин 1889: 326)²².

Чем активнее проявлял себя Булгарин на литературном поприще, тем больше появлялось сатирических откликов о нем современников. Автором значительной их части был Ал. Еф. Измайлов. В его письмах постоянно обыгрывается мотив «крещения» Булгарина, под которым, видимо, подра-

²¹ «Многокровие» Булгарина, его взрывной, бурный характер не раз упоминаются и в позднейших мемуарных источниках. См., например, характеристику Греча: «<...> в самой основе его характера было что-то невольное дикое и зверское. Иногда, вдруг, ни с чего или по самому ничтожному поводу он впадал в какое-то исступление, сердился, бранился, обижал встречного и поперечного, доходил до бешенства. Когда, бывало, такое исступление овладеет им, он пустит себе кровь, ослабеет и потом войдет в нормальное состояние» (Греч 1930: 691–692).

²² Ср. также позднейшее мемуарное свидетельство Ф. Ф. Вигеля: «Не бескорыстно, как утверждали, преданный правительству, которое приметным образом преследовало либерализм, он в то же время явно подавал руку, не выдавая их, людям, которые составляли особое литературное общество, распространяющее тайно самые свободные мысли. **Булгарин состоял на службе в тайной полиции**, но декабристов-писателей, среди которых он особенно был близок с Рылеевым и Бестужевым, он действительно, не выдавал» (Вигель 2000: 442).

зумеается название его сатирическими именами. Так, например, посылая И. И. Дмитриеву в апреле 1824 г. басню «Слон и собаки», в которой Булгарин выведен как «Брылан, задорный беглый пес», он пишет:

Согрешил, окрестил в полынне третьяго дни после исповеди-басурмана Поляка, Гречева ученика и клеветета, самозванца, критика и поэта. Месяца два, или три назад, за обедом у издателей *Полярной Звезды*, торжественно обещал я ему безсмертие. Сдержу слово, напишу сказку: *Фаддей чугунный лоб* (Измайлов 1871: 985).

В письмах 1824—1825 гг. к племяннику литератору П. Л. Яковлеву Измайлов рассказывает о болгаринских методах организации литературной карьеры, в частности, о том, как он разными способами узнавал о текстах, в которых подвергался критике, а потом при помощи связей с цензорами не допускал их в печать. Так, в разговоре с Измайловым он «хвалил до небес» его басню «Слон и собаки», а потом оказалось, что цензор Бируков не пропустил ее к печати. «Булгарин приворожил к себе Бирукова: у него все пропускают, а на него — ничего <...>», — возмущался Измайлов (цит. по: Левкович 1978: 175). В одном из писем в октябре 1824 г. Измайлов передавал следующий разговор с Булгариным:

«Здравствуй, крестник!». — Здравствуй, папінька!.. Нет ли чего на меня? — «Есть!». С сим словом подал я ему презлейший на него пасквиль <...> под названием «Улан». Эта статья Радужицкого написана хоть не совсем складно, но ладно! Тут собрано все, что Булг<арин> врал о военной службе — как 300 всадников перескочило через него, когда он лежал под бревном, и пр. и пр. — Дай мне, я напечатаю. — «Нет, любезный крестник, сам снесу к Ал. Степановичу <Бирукову> <...>». — Булгарин выскочил за мною на крыльцо, с полчаса продержал меня там, предлагал мир, звал к Гречу в четверг, словом, вился около меня, как сука (цит. по: Там же: 160).

Скептическое отношение к литературным трудам Булгарина и к его способности жертвовать всем ради коммерческого успеха звучит и в резком отзыве А. А. Муханова в письме Вяземскому от 23 июня 1824 г.:

Кстати о тьме кромешной: знаете ли от чего Булгарин, этот литературный недоносок, распысался в пелёнках своего младенческого ничтожества? Ему нужна в Шутовском <Шаховском. — Т. К.>: говорят, ищет места и службы при театре — сей час хвост опухалом и ну вилять им и рычать на тех, на кого уськнут. Впрочем, чтож тут и мудреного? Эти гады на поприще литературном точно то же, что немцы у нас на поприще гражданском, — поденщики: потеют над топорной работой из рубля с копейками. Какая им нужда до пользы и доброго имени! (цит. по: Бестужев 1956: 221–222).

Участие Булгарина в ряде журнальных полемика 1823—1824 гг. (см. подробнее об их содержании: Мордовченко 1959: 210–212; 301–304; Архипова 1999: 314–315) показало, насколько легко он мог менять свои взгляды. Эту болгаринскую черту подметил Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 5 мая 1824 г.: «Булгарин и в литературе то, что в народах заяц, который

бежит между двух неприятельских станов» (цит. по: ОА III: 41). Известна эпиграмма Вяземского этого времени:

Устроив флюгер из пера,
Иной так пишет, как подует:
У тех, на коих врал вчера,
Сегодня ножки он целует.
Флюгарин, иль Фиглярин, тот
Набил уж руку в этом деле:
Он и семь совестей сочтет,
Да и семь пятниц на неделе
(Эпиграмма 1931: 367).

К 1824 г. способы, при помощи которых Булгарин делал литературную карьеру, актуализировали в сознании современников подробности его биографии. Переход в ряды армии Наполеона, а также переход из польской литературы в русскую стали трактоваться теперь как предательство. См., например, эпиграмму Измайлова, написанную после того, как Булгарин стал соредактором Греча в «Сыне Отечества»:

Ну, исполать Фаддею!
Пример прекрасный подает!
Против отечества давно ль служил злодею,
А «Сын Отечества» теперь он издает
(Русская эпиграмма 1988: 179).

Или эпиграмму П. И. Шаликова:

<...> И «Сын отечества» у нового отца
Стал чисто блудным сыном
(Там же: 151).

То же в эпиграммах Бориса Федорова:

Фаддей французов бил, как коренной русак,
А на испанцев шел он в армии французской,
Ругал он русских — как поляк,
А поляков ругал — как русской.
Фаддей растратил стыд, Европу обьезжая
Для совести его потеря небольшая
(Там же: 286, 287).

В стихотворной сказке Измайлова 1824 г. «Судья Фаддей» сама логика Булгарина интерпретировалась как казуистическая и объяснялась его польским происхождением.

Разумеется, при использовании эпиграмматических и иных полемических сочинений необходимо учитывать их природу, принимать их за «объективные свидетельства» невозможно. Однако нельзя не заметить, что у разных авторов сатирическая маска Булгарина имеет устойчивые черты.

В 1824 г. Булгарин получил разрешение на издание ежедневной политической газеты СП. Обстоятельства начала самого крупного издательского проекта Булгарина довольно загадочны. 24 апреля 1824 г. Ф. В. прибежал к Гречу со словами, что над ним (т. е. Гречем) собирается гроза (см.: Греч 1930: 581). Речь шла о деле Госнера, немецкого пастора-проповедника, книгу которого «Толкование Нового завета» на русском языке издавали в типографии Греча. Дело Госнера было частью интриги Аракчеева, который при помощи Магницкого и Рунича свергнул министра просвещения князя Голицына. Корректурные листы из книги Госнера Фотий и Аракчеев преподнесли Александру I как пример крамолы, после чего Голицын перестал быть главой Библейского общества и подал в отставку с поста министра. Греч оказался под судом как лицо, причастное к изданию книги (см. подробнее: Пыпин 1916: 133–158; Греч 1930: 575–591). Ее цензор — Бируков — тоже был наказан. Булгарин, предупредивший Греча, и в этом случае все знал о происходящем. Кроме того сразу после свержения Голицына, который ранее отвечал на его проекты об издании газеты отказом, Булгарин отправился к Аракчееву, и получил разрешение на издание СП, а находящегося под следствием Греча взял в соредакторы.

Визит Булгарина к Аракчееву, видимо, широко обсуждался среди литераторов. 5 ноября 1824 г. Измайлов сообщал Яковлеву анекдот, которым развлекал писателей журналист П. П. Свињин:

<...> гр. Аракчеев не так-то милостиво принял Фадея. Он сделал ему неожиданный вопрос! для чего в 1812 или 1813 году служил он против России? — «Малешенек после батюшки остался», — отвечал Фадей с лицемерною харею (цит. по: Левкович 1978: 161–162).

Характерно, что к 1824 г., когда Булгарин воспринимался уже не как польский, а как русский литератор и журналист, становятся более критичными и отзывы о его творчестве. Если в 1823 г. А. Бестужев писал: «*Булгарин*, литератор польский, пишет на языке нашем с особенною занимательностию. Он глядит на предметы с совершенно новой стороны <...>» и в рекламном духе прогнозировал его успех:

Обладая вкусом разборчивым и оригинальным, <...> поражая незаимствованными формами слога, он, конечно, станет в ряд светских наших писателей. Его «Записки об Испании» и другие журнальные статьи будут всегда с удовольствием читаться не только русскими, но и всеми европейцами (Бестужев 1958: 537),

то через два года оценки Бестужева стали гораздо критичнее: «Жаль, что г. Булгарин не имеет времени отделять свои произведения. В них даже что-то есть недосказанное <...>» (Там же: 557). В нравописательных булгаринских очерках современники видели подражание Жуи и Аддисону. Прочтя восточные повести Булгарина в «Полярной звезде» 1825 г., Измайлов подчеркнул, что они являются **переводом с перевода**: «<...> Восточ-

ные Повести, переведенные Сеньковским с разных языков на Польский, а с Польского Булгариным на Русский» (Измайлов 1871: 988).

1825 г. (до декабрьских событий) принес новые сюжеты для формирования репутации Булгарина. Особенно много толков вызвала история несостоявшейся дуэли между ним и А. А. Дельвигом. Поводом послужили слухи, которые Булгарин распускал о Дельвиге, пытаясь дискредитировать его как редактора готовящегося альманаха «Северные цветы» — реального конкурента его собственным изданиям. При этом Булгарин периодически «мирился» с Дельвигом. 12 января 1825 г. А. Бестужев писал Вяземскому о «литературных комедиях» на ужине у А. А. Никитина: «<...> Булгарин пьяный мирился и лобызался с Дельвигом и Б. Федоровым, точно был тогда чистый понедельник!» (Бестужев 1956: 228). А через 10 дней — 22 января 1825 г. — П. А. Плетнев писал Пушкину: «Какие мерзости с Дельвигом делают эти молодцы за Северные Цветы. У них на Парнассе толкучий рынок. Всё для денег» (цит. по: Пушкин XIII, 134). В апреле 1825 г. Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль. Тот отказался и, видимо, просил все забыть. Об этом свидетельствует записка Рылеева (булгаринского секунданта) к Булгарину: «Дельвиг соглашается все забыть с условием, чтобы ты забыл его имя, а то это дело не кончено. Всякое твое громкое воспоминание о нем произведет или дуэль или убийство. Dixit» (Рылеев 1954: 147). Известно также, что отказом Булгарина от дуэли были возмущены многие литераторы. «Дель<виг> послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц» (Бартенев 1925: 39–40). Позднейшая запись Пушкина, который во время описываемых событий находился в Михайловском, в Table-Talk 1834 г.:

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил» (Пушкин XII, 159),

видимо, воспроизводит версию самого Булгарина, которую он распространял, выставляя себя в роли благородного военного, не желающего вступать в поединок с глубоко штатским Дельвигом²³.

В кругу будущих декабристов Булгарин продолжал высказываться в либеральном духе. В. И. Штейнгель вспоминал о шумном обеде 12 декабря 1825 г. у директора Российско-Американской кампании, когда уже было известно, что престол может занять Константин Павлович: «Греч и Булгарин ораторствовали более прочих; остроты сыпались со всех сторон

²³ Эта версия в наше время всплыла вновь. Так, например, в журнале «Наука и жизнь» в уже упоминавшейся статье А. Николаевой слова Булгарина о дуэли комментируются следующим образом: «Дельвиг пытался вызвать Булгарина на дуэль, но Фаддей Венедиктович с презрением кадрового офицера ответил на вызов».

и в самом либеральном духе». И когда кто-то сказал: «а что если император вдруг явиться?» Булгарин вскричал: «как ему явиться, тень мадам Араужо остановит его на заставе» (см.: Штейнгель 1985: 153–154). Булгарин намекал на известную историю 1803 г., когда жена придворного ювелира мадам Араужо, по слухам, была обесчещена ближайшими офицерами цесаревича.

Поведение Булгарина после 14 декабря 1825 г. показало, что высказывания в либеральном духе не были подкреплены твердыми убеждениями²⁴. Однако еще до этих событий булгаринское поведение осмыслялось как смена речевых масок, игра фикций, за которой нет определенной позиции. В самом начале 1826 г. в «Московском телеграфе» появилась эпиграмма Е. А. Боратынского (Ч. 7. № 2. Отд. 2. С. 60; цензурное разрешение 11 января), явно написанная до событий 14 декабря:

²⁴ Распространена точка зрения, что Булгарин — либерал и друг декабристов — очень испугался декабрьского восстания 1825 г. и для того, чтобы снять с себя подозрения в близости к заговорщикам, начал сотрудничать с властями. Изучение дел Следственной комиссии показывает, что у властей не должно было остаться никаких сомнений в том, что Булгарин знал о готовящемся заговоре и общался с самыми активными заговорщиками. О том, что Булгарин часто бывал у Рылеева в компании самых опасных из привлеченных к следствию преступников, показывали П. Каховский (см.: Восстание декабристов I: 338), Н. Бестужев (см.: Восстание декабристов II: 60), К. Торсон (см.: Восстание декабристов XIV: 198), Н. Оржицкий (см.: Восстание декабристов XV: 122); А. Корнилович (см.: Восстание декабристов XII: 322). Племянник Булгарина — сын его сестры по матери А. С. Менджинской — Д. А. Искрицкий при устном допросе ответил на дополнительный вопрос одного из членов Следственной комиссии, «<...> что дядя его, *Булгарин*, знал о существовании общества <...>» (Восстание декабристов XVI: 183). В письменных ответах на вопросные листы он показывал, что видел Булгарина в квартире Рылеева «<...> за несколько дней до происшествия» (Восстание декабристов XVIII: 127). Особенно должны были бы заинтересовать следствие показания П. Каховского, который писал о том, что вечером в день восстания Булгарин был у Рылеева и рассказывал о подробностях ранения Милорадовича (см.: Восстание декабристов I: 358). Зачем Булгарин, которого, по многочисленным утверждениям исследователей так испугали события 14 декабря, уже после разгрома восстания пошел на квартиру к главному заговорщику и обсуждал подробности произошедшего? И почему на основании всех этих показаний Булгарин не был привлечен к следствию, не был даже допрошен как свидетель и не оказался внесенным в «Алфавит декабристов», куда другие попадали только за то, что жили в одном доме с Рылеевым (как О. Сомов), или за то, что их стихи кто-то из декабристов знал наизусть (как А. Дельвиг)?

Ответы на эти вопросы требуют отдельного исследования, пока мы можем только предположить связь Булгарина с тайной полицией задолго до 14 декабря и создания III Отделения.

Что ни толкуй, а я великий муж!
Был воином, носил не даром шпагу;
Как секретарь судебную бумагу
Вам начерню, перебелю: к томуж
Я знаю свет: не все держусь и беса:
С ханжой ханжа, с повесою повеса.
В одном лице могу все лица я
Представить вам. — Хотя под старость века,
Макар, мой друг, Макар, душа моя,
<в автографе: «Фадей, мой друг, Фадей, душа моя»>
Представь лицо честнова человека.
(см.: Боратынский 2002: 155).

Большое значение для формирующегося отрицательного образа Булгарина имела его женитьба. Двусмысленная репутация Елены Ивановны сложилась задолго до начала полемики между Булгариным и Пушкиным в 1830—1831-х гг. и, видимо, была широко известна в литературных кругах. Впервые, весьма популярной персоной в этой истории была Танта, тетка Елены, которая, по разысканиям М. Салупере, могла быть связана с публичными домами в Риге (см.: Салупере 2000: 153). В Петербурге у Танты были многочисленные знакомства в театральной среде (например, ее другом был итальянский певец Ненчини, см.: Греч 1930: 200–201), которые трудно объяснить ее интеллектом. В 1828 г., близко наблюдая семейную жизнь Булгариных в Карлово, Н. М. Языков писал брату:

Замечу мимоходом, что оная танта — главнокомандующая особа во всем семействе Бул[гарина], есть предмет весьма любопытный наблюдательному взору мыслителя, в роде Адиссона или Жук[овскаго]:²⁵ ее происхождение покрыто мраком неизвестности; дух властительский, предприимчивый и решительный просиявает сквозь ее теперешнее благосостояние, а немецкой язык, которым она говорит, самый неправильный, простонародно-ошибочный, <...> и еще то обстоятельство, что со всем прекрасным полом одного семейства говорить не об чем — открывают обширное поле соображениям über die Politik, den Verkehr und den Handel Derer! (цит. по: Языковский архив 1913: 368–369).

Довольно странными были отношения между семейством Булгарина и матерью Елены, Каролиной Магдаленой Иде. Она жила отдельно от семьи дочери в деревне недалеко от Дерпта и там же была похоронена. По смерти ее в метрической книге Нюоского прихода было отмечено: «В жизни она не пользовалась достаточным уважением к своей персоне» (цит. по: Салупере 2000: 161).

Уже на свадьбе Булгариных репутация невесты — племянницы Танты — была предметом обсуждения. 16 ноября 1825 г. А. Е. Измайлов общал своему племяннику П. Л. Яковлеву: «И Фаддей *чугунный лоб* же-

²⁵ При расшифровке рукописи публикатор — Е. Петухов, — видимо, ошибся. Логичнее предположить, что Языков писал «Жуи».

нился на племяннице или дочери *танты*, прелестной Елене», прибавляя, что присутствующий среди гостей Греч «<...> применил к Елене сказанные Франклином слова об Американской республике: *j'ai été le premier à la refuser et je suis le dernier à la reconnaître* (Я первый отказался от нее, и я последний ее признал)» (цит. по: Левкович 1978: 178)²⁶.

В статье «Декабрист в повседневной жизни» Ю. М. Лотман выдвигает в качестве одной из основных характеристик личности и поведения передовых дворян 1810—1820-х гг. ответственное отношение к произносимому слову. Декабрист «<...> гласно и публично называет вещи своими именами, “грemit” на балу и в обществе, поскольку именно в таком назывании видит освобождение человека и начало преобразования общества» (Лотман I: 305). Булгарин, как мы видели, придерживается совершенно иной тактики. Он легко манипулирует словами, меняет разные речевые маски. Литературные противники Булгарина видят в этом лицемерие, литературные соратники — излишнюю увлеченность «острым словом».

Представленный нами материал свидетельствует о том, что уже к 1825 г. у современников сложилось вполне однозначное отношение к литературной тактике Булгарина и к самому типу его личности. Положительные отзывы о живости его пера соседствовали с резко отрицательным отношением к его позиции «Фиглярина» и «Флюгарина». Булгарина воспринимали как литератора-«поденщика», для которого не существует оскорблений высокого порядка. До 14 декабря 1825 г. формируются все основные узлы того эпиграмматического сюжета о Булгарине, который в 1830-е гг. будет лишь развиваться и дополняться новыми подробностями, по сути, того же ряда.

²⁶ Весьма распространен в мемуарной литературе намек на особые отношения Елены и А. А. Бестужева. Так, М. А. Бестужев вспоминал о брате, что тот довольно часто посещал Булгарина, «<...> но уж вовсе не ради его милых глазок» (Бестужевы 1951: 263). Комментируя этот фрагмент, М. К. Азадовский привел следующий (никем до сих пор не объясненный) отрывок из письма А. Бестужева 1835 г. с Кавказа брату Павлу: «К Гречу сходи и поклонись от меня... К Булгарину тоже, если он в Питере. На кого похожи малютки Лены? Скажи ей, что я знаю это» (Отечественные записки. 1860. Т. 130. С. 346). Е. И. Булгарина прожила в Дерпте до своей кончины в 1880 г. Любопытно, что в единственном экземпляре указанного тома «Отечественных записок», хранящемся со времени его выхода в Научной библиотеке Тартуского университета (шифр Рег. А-6888. 4-XVIA-5346), страницы писем Бестужева с указанной цитатой и описанием его бурных любовных приключений на Кавказе вырваны (сс. 301–306 и 345–348).

Булгарин в полемике с Карамзиным

Одной из важных составляющих бытующего представления о переломе мировоззрения Булгарина после 14 декабря 1825 г. является положение об эволюции его взглядов на историю. При этом следует отметить, что исторические взгляды Булгарина изучены мало, хотя потребность их серьезного анализа давно назрела. Особый интерес вызывает позиция Булгарина как издателя СА — «журнала истории, статистики и путешествий». Журнал выходил с 1822 по 1828 гг., (с 1825 г. в его редактировании стал принимать участие Греч, а с 1829 г. он слился с «Сыном отечества»). В нем, кроме самого Булгарина, принимали участие Н. Ф. Берх, А. Ф. Воейков, Г. В. Гераков, П. И. Кеппен, О. И. Сенковский, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер и др., помещались переводы из произведений античных авторов, новых западных историков, вводились в научный оборот материалы по истории русского и других славянских народов, рецензировались книги по истории, географии, политической экономии. Заслуга Булгарина как собирателя и публикатора этих материалов несомненна. Однако анализ позиции СА — это предмет отдельного исследования. Исходя из задач нашей работы, мы остановимся на том, как в исторических трудах самого Булгарина 1822—1825 гг., опубликованных в СА и в «Сыне Отечества», а также в первом томе собрания его сочинений 1827—1828 гг. используется исторический дискурс.

Как мы уже упоминали, Булгарин как историк впервые выступил в ВОЛРС с чтением перевода с польского статьи известного виленского историка И. Лелевеля. Большинство голосов этот перевод был рекомендован к публикации в «Соревнователе просвещения и благотворения» (см.: Базанов 1949: 354).

Следующее «историческое» сочинение Булгарина касалось уже современной истории и было наполнено автобиографическими намеками. Сюжет статьи «Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н.с.) 1813 года», опубликованной в «Сыне Отечества» 1822 г. с подзаголовком: «Из Записок Польского офицера, находящихся еще в рукописи», напоминает исторический анекдот. Он сводится к следующему: во время Прусской кампании на аванпост французской армии, где стоит польский офицер с тридцатью уланами, неожиданно приезжает Наполеон и просит найти какого-нибудь местного жителя. Офицер, который знает немецкий язык, отправляется в соседнее селение, видит немецкого крестьянина и, пригрозив ему пистолетом, приводит к Наполеону. Тот спрашивает о бродяке на реке, после чего крестьянин, узнав, что говорил с самим Наполеоном, изъявляет свой восторг императору и получает от него награду. Прощаясь с польским офицером, Наполеон роняет: «<...> желаю вам быть скоро Капитаном!». Когда офицер возвращается в свой полк, то полковник встречает его со словами: «здравствуйте, Господин Капитан!» (Сын Отечества. 1822. Ч. 81. № 41. С. 19–20).

Напомним, что в мае 1813 г. Булгарин воевал в Пруссии против русских в составе 7-го легиона французских улан. На вопрос Наполеона, давно ли он служит, герой отвечает: «Имея шестнадцать лет от роду, я познакомился с пушечными выстрелами». Как раз в этом возрасте Булгарин был выпущен корнетом из петербургского Первого кадетского корпуса в Уланский Его Императорского Высочества Цесаревича полк, а в конце 1806 г. принимал участие в военных действиях русской армии против французов. Кроме того, Булгарин действительно до 1826 г. числился капитаном французской службы. Но зачем в издании, которое для русского читателя было связано прежде всего с воспоминаниями о славных победах русских войск в войне 1812 г., Булгарин рекламировал себя в качестве капитана наполеоновских войск? Возможно, он пытался оправдаться в новых для себя кругах за свою службу в наполеоновской армии, верно рассчитывая на понимание либералов: Наполеон обещал Польше независимость.

Далее Булгарин как русский историк выбрал в качестве предмета своих трудов период Смутного времени. Этот выбор, по мнению Греча, был продиктован тем, что Ф. В. мог пользоваться многочисленными польскими источниками на эту тему (см.: Греч 1930: 694). 22 мая 1823 г. на заседании ВОЛРС он читал свое сочинение о Марине Мнишек, которое, по мнению исследователя исторических романов Булгарина, являлось компиляцией (см.: Гозенпуд 1969: 258) и успеха не имело. Причины холодного приема «Марины Мнишек» современники трактовали по-разному. А. Бестужев писал 23 мая Вяземскому: «Булгарина статья была очень занимательна, однакож у нас еще не умеют ценить исторических занятий» (Бестужев 1956: 204). Позднейшая оценка Греча, который на этом заседании замещал заболевшего председателя — Ф. Н. Глинку, — гораздо критичнее: «Статья была слабая, плохо написанная: он не читал ее, а мямлил, и падение ее было совершенное» (Греч 1930: 695). Характерно, что, комментируя этот эпизод в мемуарном очерке, написанном после ссоры с Булгариным, Греч резко отрицательно отзывался о булгаринских занятиях историей в целом: «Это рассердило Булгарина и отвадило на несколько лет от русской истории, которую он **было считал игрушкой**» (Там же).

Самым крупным «историческим» проектом СА была критика «Истории государства Российского» Карамзина. Френк Мохэ назвал Булгарина серьезным оппонентом Карамзина, критикующим его с либеральных позиций (см.: Мохэ 1974: 134). Вслед за Мохэ о Булгарине как о серьезном оппоненте исторической концепции Карамзина писал и Рейтблат (см.: Булгарин 1998: 647).

Как заметил подробно изучавший этот сюжет В. П. Козлов, критика «Истории государства Российского» вдохновлялась влиятельными лицами из Министерства просвещения (собрание отзывов о труде Карамзина и их анализ см. также: Карамзин 2006). По рекомендации М. Л. Магницкого в «Казанском вестнике» с мая 1822 по февраль 1823 гг. выходила серия критических статей, направленных против «Истории...» (см. антологию

всех критических отзывов: Карамзин 2006). После появления девятого тома Магницкий в доносительном тоне писал Александру I о вреде, который приносят исторические сочинения Карамзина, где помазанники Божии именуются тиранами и злодеями (см.: Козлов 1989: 56, 100).

Булгарин был знаком с Карамзиным с 1819 г. Как сам он писал после смерти историографа во «Встрече с Карамзиным», он был рад с ним познакомиться и бывать в его доме. После публикаций СА Карамзин не без некоторого удивления писал И. И. Дмитриеву: «Всего забавнее, что и Фаддей Булгарин, издатель Северного архива, считает за должность бранить меня и перестал ко мне ездить» (Карамзин 1866: 342)²⁷.

Булгарину было известно, что оппозиционные по отношению к Карамзину настроения существуют в Виленском университете²⁸, и он задался целью получить от тамошнего профессора истории И. Лелевеля критику на «Историю...» и перевести ее на русский язык. Переписка Булгарина с Лелевелем 1821 — начала 1824 гг. показывает, что издатель СА прежде всего решал тактические задачи. Булгарин откровенно заявляет, что Лелевель, «сооружая свою собственную славу», должен и его «выдвинуть», сделать его журнал «классическим» и «упрочить его существование» (см.: Булгарин 1877: 5). Открыто сказано и о том, что речь идет о выполнении специального заказа, «<...> потому что целая партия в министерстве, которая называется *Dominante*, весьма сочувственно смотрит на выставление ошибок человека, ставящего себя выше всех писателей» (Там же: 3). Диапазон булгаринских интонаций весьма широк: от дружеских шубравских с оттенком высокомерного презрения к Карамзину и к бедному философскими выражениями русскому языку до угрожающих — человека, близкого к властным структурам.

Булгарин указывает и на то, в каком тоне должен писать Лелевель:

Смею еще просить уважаемого земляка об одной милости, т.е. чтобы он не подарил *гордому* историографу ни малейшей ошибки в исторических фактах.

Здесьняя публика по преимуществу обращает внимание на это и жадно ловит ошибки человека, которого приверженцы почитают безгрешным, как католики папу (Там же: 6).

²⁷ Не можем не отметить, что, излагая историю взаимоотношений Булгарина и Карамзина, Рейтблат приводит эту цитату в усеченном виде, опустив слова *Всего забавнее* (и не указав на это!). Усеченная цитата лишила карамзинское высказывание иронии по отношению и к личности Булгарина и к самой ситуации.

²⁸ Когда с 1818 г. началась критика «Истории...» на страницах «Вестника Европы» Каченовского, то к ней присоединился земляк Булгарина З. Ходаковский (см.: Розыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20. С. 275–301), который по этому поводу переписывался с преподавателем русской словесности Виленского университета И. Н. Лобойко и просил его сообщать свои замечания об «Истории...» Лелевелю (см. подробнее: Козлов 1989: 47, 89).

В обмен на критику Булгарин предлагает свои услуги, начиная от полушутливых заверений, типа «<...> я записываю на целую жизнь мою ничтожную (szubrawska) душу на прославление и уважение М. Г. (I. M. P. Dobrodzieja) и все минуты на отыскание средств отблагодарить его» (Там же: 4) и кончая конкретным перечислением того, что он сделал в пользу Лелевеля:

Я предложил Вас в члены двух здешних ученых обществ. <...> Имею честь уведомить Вас, что общество любителей словесности, состоящее под председательством Глинки, единогласно избрало вас почетным членом. Диплом получите после праздников. <...> Посылаю Вам уведомление президента о принятии Вас членом общества (Там же: 5, 7).

Кроме того, Булгарин подчеркивает, что, хорошо выполнив заказ, Лелевель может рассчитывать и на поощрение со стороны заказчиков:

Имя Ваше переходит из уст в уста самых высокопоставленных лиц, как Голицын, Сперанский, Оленин etc., отдающих дань Вашим учености и таланту и вместе со всей публикой нетерпеливо ждут продолжения. <...> Министерство просвещения и все значительные лица в Государстве давно уже желали и ожидали дельной и ученой критики, и имя Ваше делается славным в России и наверно эта критика доставит Вам еще более и во всяком значении окажет помощь; будут говорить: это тот Лелевель, который писал критику на Карамзина, и живя в столице и имея различные связи, могут быть в чем либо Вам полезными (Там же: 4, 6).

Льстивый тон писем Булгарина был чужд Лелевелю. Отвечая ему, тот подчеркивал, что принялся за труд «<...> не для славы, которою вы мне уже сильно надоели <...>», а также просил: «<...> только не выдумывайте бесполезных поощрений» (цит. по: Пташицкий 1878: 641–642). Из дальнейших писем становится понятно, что виленскому историку была чужда и обстановка травли Карамзина, о которой свидетельствовали современники. После появления первой статьи в СА 9 декабря 1822 г. О. Сенковский писал ему:

<...> партия автора, т.е. его домашние друзья, бесятся с досады. Славный поэт Жуковский даже плакал. Сам автор так опечалился и пришел в такое худое расположение духа, что жена и дочь принуждены были выехать на время из дому (цит. по: Пташицкий 1878: 641).

В таком же тоне писал Лелевелю и Булгарин: «Несколько фанатичных карамзинистов морщатся, хотя и они отдают Вам справедливость. Карамзин молчит, ибо нечего сказать». Хотя в СА Булгарин, не желая выглядеть пристрастным, после вступительной статьи Лелевеля поместил перевод хвалебной рецензии А. Г. Геерена на «Историю государства Российского», но в письмах в Вильно представил это как тактический ход в нападении на Карамзина:

Я для уврачевания его раны печатаю в 24-м нумере глупейшую похвалу ему, взятую из немецких газет, присланных мне его горячим приверженцем, а потом разобью эти глупости, чтобы очистить от пятна мой журнал (Булгарин 1877: 5).

Лелевель отвечал на это Булгарину:

Г. Контрым <библиотекарь Виленского университета Казимир Контрым был посредником между Булгариным и Лелевелем. — *Т. К.*> <...> говорит однако, что в Петербурге желали бы, чтобы я наезднически относился к Карамзину, цитировал его страницы, его слова, противоречия, (помещал) небольшие ругательства. Убеждает меня, что вы сами этого желаете и не перестает убеждать, хотя я и говорил ему, что на такое наездническое отношение я вовсе не думаю посвящать моего труда, что это вовсе не в моем вкусе, что если только этого с меня требуют, жаль, что так много обо мне разболтали (цит. по: Пташицкий 1878: 644–645).

Переводил Булгарин Лелевеля достаточно вольно и сильно редактировал текст, опуская ряд выводов автора и вставляя свои собственные замечания, поэтому для него было важно получать статьи на польском языке. Уже в самом первом письме он критикует другого возможного переводчика — И. Н. Лобойко:

Я просил бы, если Вы М. Г. желаете оказать мне это благодеяние, чтобы Вы прислали критику по польски, потому что Лобойко, который так кичится в Вильне, переведет плохо и будет тянуть несколько месяцев, ему трудно дается составление фраз (Булгарин 1877: 3–4).

По наблюдению Пташицкого, из перевода были исключены мысли Лелевеля о вреде религиозной нетерпимости историка, об отрицательном отношении античных писателей к деспотизму, некоторые сопоставления с трудом польского историка А. И. Нарушевича, зато была вставлена фраза о том, что историческая истина может исказиться от ослепления «политическими мнениями». Эту вставку заметил и Лелевель, написав Булгарину, что такой перевод может причинить ему неприятности. Обсуждая перевод первой статьи Лелевеля, опубликованной в № 23 СА за 1822 г., в Вильно отметили его гладкость. 31 декабря 1822 г. Лелевель писал Булгарину:

Перевод хвалят все. Лобойко, читая его в слух, постоянно прерывал чтение, говоря, что <...> невозможно, чтобы так писал по русски иностранец, что должно быть помогал ктонибудь из природных русских (цит. по: Пташицкий 1878: 642).

На это Булгарин 13 февраля 1823 г. отвечал с негодованием:

Переводил я сам, а глупец Лобойко лжет, говоря, что ее переводил природный русский. Я шести лет был привезен в Россию, воспитывался в кадетском кор-

пуге и знаю русский язык лучше польского, которому выучился в польском войске (Булгарин 1877: 8)²⁹.

Он даже стал обвинять Лобойко в том, что тот является агентом карамзинистов, пугать Лелевеля, во второй статье которого усмотрел слишком лояльные по отношению к Карамзину ноты, и угрожать виленским ученым:

Прошу Вас не верьте этому петербургскому пискуну (piszczykowi). По похвалам, рассеянным в статье Карамзину, явно вижу, что он что либо Вам нагнал. Здесь г. Воейков издатель Инвалида и *туфля Карамзина* хвастает, что он велел Лобойке настрашать Вас. Клянусь честью, что это правда. Не знаю, писал ли Вам ктонибудь, что **мой Архив будет официальным журналом министерства просвещения**. Тогда-то я покажу, кто такое г. Лобойко. <...> Ожидаю вашего подробного разбора и надеюсь, что Вы перестанете хвалить Карамзина, в котором я ничего не вижу кроме трескучих фраз (Там же: 8–9).

В 1824 г. политическая ситуация в Царстве Польском резко обострилась. В результате процесса, расследовавшего деятельность польских патриотических организаций, в августе были арестованы многие деятели культуры. Лелевелью в числе других профессоров было приказано покинуть Вильно, и он переехал в Варшаву. Накануне этих событий Булгарин в своих письмах подчеркнуто отделял себя от какого-то бы то ни было участия в польских делах. 15 июня 1824 г. он писал Лелевелю:

<...> очень прошу, чтобы он <Игнатий Онацевич, профессор истории и статистики Виленского университета. — Т. К.> не вкладывал в свои письма стихов Кохановского и чтобы не разогревал их патриотизмом, так как это вовсе не согласуется с моим образом жизни и с моим жребием. Я смотрю только в книги, а что делается на свете, не хочу знать. <...> Прошу уведомить Контрыма, Онацевича, Шидловского, чтобы они мне не рекомендовали виленской молодежи, потому что с виленской молодежью больше беды, чем толку. Я решительно ни одного из студентов принимать у себя не буду, Бог с ними, а нам, спокойным литераторам следует от них сторониться (Там же: 16–18).

Видимо, под влиянием сложившейся политической ситуации Лелевель и сам становится «послушнее» и неожиданно подчеркивает, что разделяет антикарамзинские настроения тех, от имени которых выступает Булгарин. Посылая исправления к уже отосланной ранее статье, 30 января 1825 г. он писал Булгарину:

Сильно меня мучит то, что во второй статье о Карамзине, которую я вам послал, слишком разделяю мнения Карамзина и делаюсь соучастником некоторых его недостатков (цит. по: Пташицкий 1878: 649).

²⁹ В «Воспоминаниях» сам Булгарин писал, что в кадетском корпусе очень плохо знал русский язык, за что подвергался преследованиям соучеников. Многолетний редактор булгаринских текстов на русском языке вспоминал: «Я помогал ему усердно, особенно сглаживая слог, который отзывался полонизмами и галлицизмами» (Греч 1930: 693–694).

Суть претензий Лелевеля к Карамзину из статей, публикуемых в СА, уловить очень трудно. Во-первых, из-за стремления самого автора «говорить обиняками», во-вторых, из-за болгаринского перевода, который вносил еще больше неясности³⁰. Так, например, в статьях не раз повторялась мысль, что Карамзин вместо конкретного описания исторических событий предлагает их художественный пересказ, и поэтому его трудно назвать настоящим историком, но одновременно утверждается, что «занимательность исторического труда зависит не от описываемых происшествий, но от искусства в их изображении». Во вступлении к критике читаем, что Лелевель не согласен с представлениями Карамзина о задачах и предмете исторического труда, но в чем именно заключается это несогласие, из статьи понять невозможно. Размышления Карамзина о том, что следует изучать не только древнюю (античную), но и отечественную историю, трактуются как желание унижить историков Греции и Рима, которые оставили человечеству образцы общественных добродетелей и патриотизма.

Смысловой размытости болгаринского перевода противостоит однозначная тактическая направленность его публикации. Уже во вступлении к первой статье Булгарин напирал на то, что настоящий ученый должен быть счастлив, если его произведение кто-либо критикует, представлял Лелевеля признанной европейской знаменитостью в области истории, придавая тем самым особое значение публикациям своего журнала.

То, что, критикуя Карамзина, Булгарин выполнял определенный заказ, с особенной очевидностью заметно в болгаринских статьях о X и XI томе «Истории...» (СА. 1825, № 1–3, 6, 8; далее цитируем их, указывая только номер журнала и страницу). Эту рецензию Булгарина — единственный печатный отклик на эти тома — сам Карамзин воспринял как отголоски настроений круга Магницкого. 18 февраля 1825 г. он писал И. И. Дмитриеву:

Ты говоришь о нападках Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится к делу, как мне сказывали: Магницкий etc. etc. вступаются будто бы за Иоанна Грозного (Карамзин 1866: 391).

Булгарин не находит ничего положительного в сочинении Карамзина, его отзыв явно придирчив. Он не видит ни целостности творения историографа, ни хронологического порядка изложения. «Я хотел бы видеть более связи в целом», — заявляет Булгарин и подчеркивает, что в «Истории...» нет точных ссылок (№ 8, 368). Он упрекает Карамзина в том, что тот не рассказал о внутреннем и внешнем устройстве государств, соседствующих с Россией, «и вообще целой Европы» (№ 2, 196), недостаточно описал войско и военное искусство XVII века (№ 2, 198), слишком кратко упомянул о строительстве Архангельска (№ 2, 182), основании Уральска и об ураль-

³⁰ Оригиналы статей Лелевеля Булгарин, по просьбе автора, отсылал ему обратно. В 1830 г. вышла книга Лелевеля: «Karamzina introdukcji rozbiór». Был ли это тот самый текст, который переводил Булгарин, предстоит еще выяснить.

ских казаках (№ 2, 184–186), не указал, какими правилами руководствовались при собирании и наложении податей (№ 3, 271), в преступлениях какого рода употреблялись пытки (№ 3, 272), «какие были водяные сообщения, речные и морские пристани», «каким образом обращались капиталы» (№ 3, 273) и т.п.

Если в 1823 г. Булгарин писал: «Из множества прозаических сочинений, мы почитаем первым: *Историю государства Российского* г. Карамзина, которая может служить образцом языка и слога <...>» (Литературные листки. 1823. № 1. С. 13), то теперь он становится придирчивым критиком стиля историографа. Так, например, выписывая отрывок из «Истории...»: «<...> всадники пускают тучу стрел, извлекают мечи и машут ими вокруг головы и стремятся вперед густыми толпами», он комментирует его так:

Каким образом разделялась конница? как назывались эти толпы: эскадронами, ротами или полками? Можно ли в густых толпах махать мечем кругом головы, не задевая своего товарища? и т.п. (№ 2, 199).

Напомним, что после смерти Карамзина Булгарин в очередной раз изменит свои оценки и будет снова называть «Историю» образцом слога.

Главный недостаток X тома труда Карамзина, по Булгарину, — в том, что историограф неправильно изобразил Бориса Годунова и его царствование. Во-первых, он спорит с тем, что царевич Димитрий был убит по приказанию Годунова. Он утверждает, что у Карамзина нет точных юридических оснований для такого вывода:

<...> осуждение Годунова на вечный позор и проклятие веков, за душегубство Царского отрока, основано на одних слухах и вестях, рассеянных в народе (№ 2, 68–69).

Высказывает Булгарин сомнение и в том, что Борис Годунов ввел патриаршество для укрепления собственной власти, утверждая то, что и для Карамзина, и для читателей было очевидно: «<...> Годунов, ревнуя к славе России, и к торжеству Православия, желал учреждением Патриаршества противопоставить сильную опору Папе» (№ 2, 192).

Карамзин, по Булгарину, «очернил» русскую историю периода Годунова. Обязанность историка «вселять любовь и уважение в потомстве к великодушным правителям и добродетельным гражданам» (№ 1, 62). А у Карамзина, пишет Булгарин, «на столь обширном поприще <...> не вижу ни одного человека, которого можно было бы взять за образец гражданской и политической жизни» (№ 8, 370), и

красноречивые порицания историка не затмевают великих дел Годунова; выходы противу его правления и характера блестящи, но слабы и недостаточны <...> (№ 1, 63–64).

Весьма характерно для Булгарина, что всего за год до появления этой рецензии в СА был опубликован его собственный очерк о Марине Мни-

шек (СА. 1824. №№ 1, 2, 20, 21, 22), где и сам Годунов, и его эпоха характеризовались однозначно отрицательно, вполне в карамзинском духе:

Но достигнув престола ухищрением и даже злодейством, он не мог владеть обширным Государством с спокойствием и снисходительностию, как Государи законные, рожденные на троне. <...> Борис, тайно умерщвлял подозрительных ему людей, и вместо лобной казни, яд и кинжал истребляли несчастныя жертвы его властолюбия. Установив законом отдавать имение презренным доносчикам, Борис, сим адским средством поколебал нравственность народа, унижил добродетель, возвысил порок, открыл обширное поприще злодейству, мщению, корыстолюбию, и всех добрых смиренных граждан, повергнув в отчаяние. Расторглись священные узы родства и брака, недоверчивость истребила любовь и дружбу, исчезли гражданския отношения между начальником и подчиненным, между слугою и господином; целые семейства погибали в темницах, или стнели в заключении (СА. 1824. № 1. С. 7–8).

Теперь, упрекая Карамзина, Булгарин то же самое время характеризовал прямо противоположным образом:

<...> Русский народ был привязан к своему правлению и обычаям. Следовательно было правосудие и права. «У нас», говорили Русские: «самый богатый Боярин ничего не сделает бедному; ибо, по первой жалобе Царю избавляют невинного и слабого от утеснения» — Из сего видно, что у трона были безкорыстные предстатели, в судах верные исполнители законов, в войске строгая дисциплина.

«Кто же сии мужи, достойные благословения благодарнаго потомства?» (№ 8, 371), — восклицал далее Булгарин и обещал рассказать читателям в верных красках о добродетелях государственных деятелей эпохи Смутного времени. Однако этого обещания он не выполнил, и в своем историческом романе 1830 г. «Димитрий Самозванец», используя и упрощая темы, сюжеты и мысли пушкинского «Бориса Годунова», полностью опирался на ставшую канонической концепцию Карамзина (см. подробнее: Гоценпуд 1969: 252–275), очередной раз противореча своим высказываниям.

В рецензии звучал и намек на неблагонамеренность Карамзина. Во вступлении к статьям Булгарин подчеркивал, что сам начал критический разбор Карамзина «при всем недостатке сил» прежде всего из соображений благонамеренности: «Люди благонамеренные и безпристрастные без сомнения будут чувствовать жертву, которую я приношу моему долгу — этого для меня довольно» (№ 1, 61). Свою придирчивость он объяснял тем, что

В каждом деле, одно сомнительное обстоятельство поселяет недоверчивость к целому. Особенно в сочинениях исторических, чем маловажнее сомнительный предмет, тем более умножает сомнение в справедливости важных событий (№ 3, 184–185).

А фразу Карамзина «Борис пожаловал Царевича Киргизскаго, Ураз-Магнета, в Цари Касимовские» сопровождал следующим комментарием:

<...> *пожаловать* в Цари нельзя, ибо это не должность, не уряд, не чин. Летописец мог употребить это слово по неведению подлинного его значения, но в наше время это одно слово не только дает превратный смысл историческим событиям, но даже рождает многия сомнения на счет тогдашнего устройства России (№ 3, 177).

После смерти Карамзина и в условиях царствования Николая I критика «Истории...» переставала быть выгодным литературным проектом, и Булгарин прекращает публикации статей Лелевеля. Последнюю часть третьей статьи он опубликовал в ноябре 1824 г.,³¹ а присланную четвертую даже не переводил, а отдал О. Сенковскому, который дипломатично сообщил об этом Лелевелю 3 марта 1826 г.:

Рецензию Карамзина я сам теперь перевожу на русский язык, ты должен извинить, что так опоздали, этому ни я, ни издатель не виноваты, а обстоятельства. Греч опасно заболел и Булгарин остался сам писателем, издателем и корректором в трех журналах и никаким образом не мог заняться твоими статьями (цит. по: Пташицкий 1878: 87).

В новых обстоятельствах Булгарин из критика Карамзина на некоторое время превратится в его хвалителя. В уже упомянутых воспоминаниях «Встреча с Карамзиным», которые Ф. В. отдал в 1827 г. в «Северные цветы» А. А. Дельвига, подробно рассказывая историю знакомства, он назовет Карамзина «великим писателем», а себя представит почти что его другом. Это возмутит многих современников и в первую очередь Пушкина, по настоянию которого в «Северных цветах» «Встреча...» не была напечатана³²:

Конечно, вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее (Пушкин XIII: 334–335)³³.

Позже, упоминая обычно Карамзина в хвалебной тональности, Булгарин, однако, не упускал возможности и «укольноуть» его, лишний раз напоминая о своей учености. Так, отвечая С. П. Шевыреву, который упрекнул его в упоминании несуществующего исторического источника, неизвестного ни одному из историков, даже Карамзину, Булгарин писал:

Мало ли какие вещи неизвестны были покойному историографу, который писал в своем кабинете и мало рылся сам в старых библиотеках и в пыльных архивах! Я сам сообщил ему многое, а многое заимствовал он из Севернаго Архива, как то свидетельствуют ссылки (СП. 1841, № 183, 19 августа. С. 731).

³¹ Статьи Лелевеля публиковались в следующих частях СА: 1822, ч. 4; 1823, ч. 8; 1824, ч. 9, 11, 12.

³² Она была опубликована в «Альбоме северных муз» за 1828 г. (с. 138–168).

³³ По мнению Вацура, откомментировавшего булгаринскую «Встречу с Карамзиным», Пушкин написал свои воспоминания о Карамзине для того, чтобы заменить публикацию мемуаров Булгарина (см.: Вацуро 1994: 147–149).

Организация критических статей Лелевеля и собственные выпады Булгарина против «Истории...» Карамзина достаточно очевидно показывают, как Булгарин привлекал историю на службу своим литературно-коммерческим замыслам. Различные способы манипулирования историческим дискурсом в целях саморекламы обнаруживаются и в позднейших его исторических сочинениях.

Таким образом, рассмотрение фактов начала литературной карьеры Булгарина обнаруживает целый ряд важных черт, составляющих его феномен: быстрое вхождение в литературу, умелое лавирование между польской и русской литературной средой, быстрое проникновение в разные сферы общества — и в круги высшего чиновничества, которые помогают ему реализовать издательские планы и налаживать отношения с цензурой, и в оппозиционные, либеральные круги, где, несмотря на «фиглярство», его воспринимают как «своего» и пытаются перевоспитывать. Литературная тактика Булгарина, меняющего взгляды в зависимости от ситуации и все подчиняющего коммерческому успеху, часто не совпадала с кодексом поведения либерального литератора. Это, порождало большое количество эпиграмм на Булгарина и способствовало формированию его отрицательной репутации. Однако этому он противопоставлял умело организованную рекламу.

ГЛАВА II

АВТООПИСАНИЯ БУЛГАРИНА КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ТАКТИКИ

Уже с самых первых шагов на литературном поприще Ф. В. настойчиво формировал «образ Булгарина», который должен был завоевать массового читателя. Он представлял себя то в амплу храброго офицера, то — благонамеренного журналиста, то — писателя-моралиста, бескомпромиссного исправителя нравов, нажившего себе множество врагов, то чувствительного друга великих современников (например, Грибоедова) и т.п. Рекламирование многоликого «образа Булгарина» как одна из авторских стратегий прослеживается в текстах совершенно различных жанров: в публицистических и исторических статьях, путевых и нравственно-описательных очерках, в повестях, романах, мемуарах и декларативных текстах типа предисловий к собраниям сочинений и в записках в III Отделение. Не ставя перед собой цели проследить за историей возникновения и эволюцией «образа Булгарина» и не стремясь описать его во всей полноте, остановимся на основных его чертах и способах формирования.

* * *

Образ «литератора Булгарина» был непосредственно связан с образом «верноподданного Булгарина» (о нем мы подробно пишем в третьей главе) и являлся продолжением образа «офицера Булгарина», созданного в «Воспоминаниях об Испании» 1823 г. и в военных повестях начала 1820-х гг. — «Военная жизнь», «Ужасная ночь», «Переход русских через Кваркен в 1809 г.» и др.

Со страниц мемуарных очерков Булгарина перед читателями встает образ автора — храброго веселого корнета, отличного товарища, не теряющего присутствия духа и смекалки в трудных обстоятельствах <...>, мужественно переносящего трудности похода <...>, великодушного, гуманного, умеющего ценить достоинства в неприятеле, но главное — патриота, преданного присяге, гордого своей принадлежностью к славному воинскому братству (Киселева 2004: 180).

Способы, при помощи которых Булгарин заставлял читателей соотносить этот образ автора с ним самим — реальным Булгариным, были весьма многообразными. Так, например, в повести «Военная жизнь», где рассказывалось о приключениях бравого русского офицера в Польше во время военных действий против Наполеона, подзаголовки «Письмо к Н. И. Гречу» и обращение к нему должны были в глазах читателя отождествлять повествователя с самим Булгариным:

Ты любил внимать моим рассказам о приятностях и опасностях военной жизни <...> я хочу представить краткое начертание, или, так сказать, панораму военного звания, с удовольствиями онаго и с опасностями. Картина сия составлена не в воображении, но из виденного и испытанного (Булгарин 1824: 14).

Булгарин не говорит прямо, что все им описанное происходило с ним в реальности, но нарочитая неопределенность формулировок подталкивает читателя к такому толкованию:

Один из отличных Литераторов сделал мне вопрос: все ли приключения, описанные в статье, под заглавием: *Военная жизнь* случились именно со мною? <...> *Военная жизнь* есть сочинение, для изображения того, что представляется офицеру перед фронтом во время сражения, и что может с ним случиться в кампании. Но главные анекдоты основаны на истине (Там же: 72).

В николаевское царствование с его подозрительным отношением к аристократии героем дня становился демократический по происхождению служилый человек, безоговорочно преданный царю. Именно поэтому таковыми становятся и герои Булгарина, которых читатель должен был соотносить непосредственно с автором.

Из первой моей раны пролилось более крови, нежели сколько есть у всех вас вместе, и я, на госпитальной моей кровати, был сильнее, нежели вы на паркетe, в конрдансах (Булгарин 1836: 27), —

говорит, например, корнет из повести «Первая любовь». Рассказ старого воина в обществе молодых людей, столичных жителей».

Образ «литератора Булгарина»

«Литератору Булгарину», образ которого создавал Ф. В., тоже были присущи демократизм, храбрость, прямота, правдолюбие и патриотизм. В одной из первых литературных полемик, в которых Булгарин принимал участие, — в споре с Вяземским о языке басен И. А. Крылова в «Литературных листках» 1824 г. — он писал о себе:

Не зная никаких партий, ни личностей в Литературе, я без робости иду по избранному мною пути, принимая охотно и с благодарностию советы и замечания, и смеясь от чистаго сердца эпиграммам, хотя бы оне были написаны прямо на меня (Литературные листки. 1824. Ч. I. С. 64).

Своих любимых героев Булгарин тоже наделял некоторыми чертами «военного и литератора Булгарина», одновременно вставляя и автобиографические намеки. Таков, например, герой программной булгаринской повести «Бедный Макар, или кто за правду горой, тот истый герой». «Бедного Макара» после первой публикации в СА (1825, № 23. С. 277–305) Булга-

рин перепечатывал неоднократно³⁴, а, перечисляя свои заслуги перед русской словесностью в официальном письме, именно эту повесть представлял как свидетельство своей благонамеренности и нравственности (Булгарин 1998: 44). Бедный Макар — сын офицера екатерининских времен — живет по заповеди «говорить только правду». За это он страдает уже в Кадетском корпусе, где все рассказывает начальству о своих товарищах, за что часто бывает бит, потом в суде, где он служит. Когда Макар становится сотрудником журнала, то хладнокровно доказывает недостойным авторам, что их сочинения «заключают в себе гиль и дичь». За это, рассказывает он:

Меня огласили литературным еритиком, безпокойным, злым человеком, начали доказывать, что я не имею права судить о Русской Словесности, потому, что моя бабушка родилась в трех верстах от Прусской границы, (а прадед воспитывался в Германии) (Булгарин 1843, VI: 38).

Однако все злоключения заканчиваются традиционным для булгаринского повествования награждением добродетельного героя деньгами, почетом и женой-красавицей.

В 1827 г. Булгарин впервые выступил в качестве автора собрания сочинений, собрав все прежде им написанное в два тома «Сочинений». Стараясь привлечь внимание публики, он предпослал ей посвящение: «Читающей русской публике в знак уважения и признательности посвящает *Сочинитель*».

Открывало первый том «Предисловие в лицах» — «Истина и Сочинитель», в котором Булгарин, упрощенно используя канон сентиментального повествования, представлял себя как сочинителя-анахорета, трудящегося «в ночной тишине в уединенном своем кабинете», и исполненного чувствительности: «Вдруг сердце его сжалось грустью, слеза канула на бумагу — и он остановился» (см.: Булгарин 1827, I, 1: I–II). В сентиментально-благонамеренные тона было окрашено и метафорическое изображение предшествующей судьбы Булгарина и его вхождение в русскую культуру. Он сравнивал себя с оторванной ветвью дерева, которую примчало

<...> к гостеприимному, хотя чужому берегу, и плодотворная земля, одинакового качества с родимым кряжем, приняла <...> осиротевшую ветвь и оживила

³⁴ Ф. В. постоянно переиздавал свои сочинения. В первое собрание 1827—1828 гг. он включил все, что было ранее напечатано в СА и СП. Второе — 1830 г. — практически полностью совпадало с первым; абсолютно идентичными и даже сделанными по одному макету были третье (1836 г.) и четвертое (1843 г.) собрания. Еще до выхода четвертого Булгарин задумал Полное собрание своих сочинений, «сжатое, исправленное и умноженное», которое выходило с 1839 по 1844 г. В него он выборочно включил то, что было напечатано в первых четырех собраниях, и прибавил пять вышедших до этого романов. Эти факты обычно не учитываются, когда речь идет об объеме написанного Булгариным, который не так велик, как кажется на первый взгляд.

ее своими питательными соками. Провидение призрело ее, и старанием добрых людей защитило от губительных порывов вихря, буйства стихий, злых насекомых и истребительных животных (Булгарин 1827, I, 1: I).

Во втором предисловии к первому тому — «От сочинителя» — Булгарин робко оговаривал свое право занять «<...> укромный уголок в области Русской Словесности» (Там же: VII). Он писал, что первые его детские опыты возбудили внимание А. А. Лантинга — преподавателя словесности в Кадетском корпусе, а потом храброго подполковника. Бурный военный период своей биографии автор представлял как вынужденное отвлечение от занятий литературой («Военная служба и различные обстоятельства отвлекли меня от деятельного занятия Литературою, но не погасили любви к чтению и учению»), но и во время службы, по его утверждению, он все-таки занимался «Науками на языках иностранных» (см.: Там же: VIII, IX). Как самый веский аргумент в защиту своего права называться русским литератором он приводил «необыкновенный случай» — встречу с Гречем. Греч, по Булгарину, 25 лет непрерывно упражнялся в словесности, занимаясь мало обработанным русским языком: «<...> труды и размышление довели его до самого источника неисчерпаемых сокровищ Русского языка, и он сообщил мне свои наблюдения <...>». Его учительство Ф. В. представлял как передачу **сокровенного знания**: «<...> открыл мне таинства Русского слова, поныне для многих недоступныя» (Там же: IX–X).

После того, как первые два тома сочинений разошлись, в следующем 1828 г. Булгарин решил выпустить еще три. Коммерческий успех первых двух томов придал ему уверенности, резко изменился и тон обращения к публике. В предисловии к третьему тому он уже устами И. В. Сленина сообщал, что «<...> та книга хороша, которую скоро и охотно покупают» (Булгарин 1828, III, 5: XVI), что на его первые два тома нашлись 1500 «покупщиков», а если публике не понравятся еще три тома его сочинений, то она должна «пенять на себя» (см.: Там же: I). При этом Булгарин заявлял, что его произведения — не вполне качественный литературный товар, что у него не было времени «пользоваться вдохновением», что он писал «на лету»:

Брошенный судьбою на тесное журнальное поприще, я по неволе должен был сжать мой умишко в журнальные формы, ограничить наблюдательный взор краткою перспективою светских приличий <...> и весьма часто пригонять умственный труд к вакантному месту в Журнале, работая на срок (Там же: II).

Он даже предлагал публике сделку: если та благосклонно примет его летучие произведения, то он потом выплатится чем-нибудь получше (см.: Там же: III).

Образ литератора, от имени которого написано это предисловие, напоминает героев булгаринских сочинений — бравых и простоватых военных. Особенно это заметно в ответе на критики. Булгарин заявляет, что ему «<...> надлежало очищать литературный Архипелаг от литературных кор-

саров и контрабандистов, и крепко отстаивать честь флага Русской Слоvesности» (Булгарин 1828, III, 5: III–IV), и потому ему не избежать «сильной канонады»: «Литературные мародеры поджигают рекрут, а рыцари пустословия, которых оружие притупилось, бьют поход на прорванном барабане» (Там же: V). Булгарин не отвечает на критику по существу, а «отговаривается», уверяя читателя в своей правоте, и изображая критиков в сниженных комедийных тонах: «Они берут вещи с высока, по правилам новаго Любомудрия (которое, прости Господи, они так же понимают, как Китайскую грамату) <...>» (Там же: VI). При этом Булгарин противоречит самому себе. Отвечая на упрёки в неоригинальности, он сначала, признавая их правоту, и пишет: «Скажите, пожалуйста, о чем не было писано и переписано прежде нас?», но тут же заявляет, что готов отстаивать оригинальность своих произведений, даже если бы «<...> каждый противник имел голову с пивной котел, и каждая голова была набита эссенцией Вольтеровскаго остроумия» и заключает уверением:

Все мои статьи — суть оригинальные Русския произведения, родившияся в моей собственной голове, и в моем собственном сердце, при созерцании матери Русской Природы. Если не изволите верить на слово — справьтесь (Там же: VII, VIII).

Одним из действенных способов создания образа «писателя Булгарина» была и прямая реклама. В третьем томе первого собрания сочинений Ф. В. поместил свой портрет, сделав оговорку, что до него этого не делал ни один из живущих литераторов. Объясняя этот ход, он напечатал разговор с книгопродавцем И. В. Слениным, который, якобы, и настоял на том, что портрет необходим, уверяя Булгарина, что среди покупателей «<...> верно найдется двести человек, которым приложение вашего портрета будет приятно» (Там же: XVI).

Чисто рекламную функцию имел и примечательный текст из четвертого тома первого собрания сочинений — «Сцена из частной жизни в 2028 году от рождества Христова». Булгарин рассказывал о будущем, в котором наступило всеобщее просвещение. Все говорят по-русски, танцуют русский кадрили, русские товары — самые востребованные в мире (подольское вино невозможно достать). И вот один вельможа находит на толкучем рынке сочинения Булгарина с портретом автора. Он обсуждает эти сочинения с гостями, удивляясь, насколько непросвещенными были люди, о пороках которых писал Булгарин. В словаре российской словесности 2028 г. нет ни одного слова о литературных врагах Булгарина, зато о нем самом написано много: и то, что он любил правду, и что на его сочинения «<...> накупились неучи-Критики, как вороны на спящаго ястреба, и обругали не на живот, а на смерть!», но что он не грустил, потому что «Публика догадалась о причине критик, и не внимая им, раскупила книги». При этом одна из дам замечает: «От того-то Сочинитель так полон лицом, что он не сердился за критики, а смеялся» (Булгарин 1828, IV, 8: 268).

Литературная тактика представлять критику в свой адрес как происки завистливых врагов, которые «сочинителю Булгарину» не страшны, была выработана еще в 1824 г. и настойчиво использовалась Булгариным в декларативных текстах на протяжении всей его литературной карьеры. В 1828 г. в предисловии к третьему тому собрания сочинений он писал:

Прошу у Вас извинения, почтенная Публика, что в Послании к Вам я намерен поблагодарить сочинителей пристрастных противу меня критик, за то, что они несправедливыми и тупыми суждениями возвысили достоинство моих Сочинений, и снотворными своими статьями поправили мое здоровье (Булгарин 1828, III, 5: XIX–XX).

В предисловии к собранию сочинений 1830 г. появилась подробная характеристика литературных врагов, в действиях которых Булгарин усматривал заговор некоей литературной партии «<...> стремящейся овладеть общим мнением в Литературе, и преследующей неумолимо самостоятельных, независимых от всякаго влияния Писателей» (Булгарин 1830: XI).

Создаваемый Ф. В. образ «литератора Булгарина» был чрезвычайно устойчивым: мы встречаем его, например, в предисловии к «Воспоминаниям...» 1846 г. Булгарин по-прежнему представляет себя как сентиментального героя: «Много испытал я горя, и только под моим семейным кровом находил истинную радость и счастье» (Булгарин 1846, I: VIII) и правдолюбца:

<...> журналист, непреклонный, неумолимый, отстраняющийся от всех партий, на которого не действуют ни связи, ни светские отношения, ни даже собственные его выгоды, и который, так сказать, очертя голову говорит все то, что ему кажется справедливым, и что только можно высказать (Там же: IX–X).

На этого журналиста нападают за его прямоту: «<...> все журналы, сколько их ни было в течение двадцати пяти лет <...> начинали свое поприще, продолжали и кончали его — жестокою бранью против моих литературных произведений» (Там же: XII), но он совершенно от этого не страдает: «Все это меня несколько не трогает, и стоит взглянуть на меня, чтоб увериться, что желчь во мне имеет самое правильное отправление, и что я не высох с горя» (Там же: XV).

Однако такое отношение к критике было лишь литературной позой. На самом деле Булгарин боролся со своими литературными противниками, стремясь их политически дискредитировать в доносах в III-е Отделение (см. об этом подробнее четвертую главу настоящей работы), используя прямые выпады в печати и другие, иногда довольно тонкие, тактические ходы.

Литературная поза Булгарина в первом томе его первого собрания сочинений и особенно виньетка титульного листа, где Булгарин изображался вместе с пришедшей к нему Истиной, вызвала иронию современников. Боратынский в соавторстве с Пушкиным написал эпиграмму «Журналист

Фиглярин и истина», опубликованную в 1827 г. (№ 9) в «Московском телеграфе»:

Он точно, он бесспорно
Фиглярин-журналист,
Марающий задорно
Свой бестолковый лист.
А это что за дура?
Ведь Истина, ей-ей.
Давно ль его конура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьем наведена,
Занятиям мараки
Мешать пришла она
(Русская эпиграмма 1988: 264).

В ответ на эту эпиграмму Булгарин, желая представить себя беспристрастным сторонником истины, упомянул ее в восторженном отзыве о сборнике стихотворений Боратынского 1827 г.:

Честь вам и слава, Г. Поэт! Вы победили меня звуками своей лиры! Вы сделали пародию в стихах, из предисловия к моим Сочинениям: Истина и Автор. Теперь вы удостоверитесь, что я точно так поступаю, как сказал: могу, как человек ошибаться, но никогда с умыслом не отступаю от истины, и не следуя внушению страстей — в общем деле (СП. 1827. № 145. 3 декабря. С.[2]).

В 1830 г., в разгар полемики с Пушкиным Булгарин напечатал в № 17 «Сына Отечества и СА» широко распространенную в списках пушкинскую эпиграмму:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда:
Беда, что ты Видок Фиглярин
(Русская эпиграмма 1988: 256),

заменяв в последней строчке «Видок Фиглярин» на «Фаддей Булгарин» и сопроводив публикацию следующим комментарием: «Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем оное». С упоминанием имени Булгарина эпиграмма превращалась в личное оскорбление и могла дать повод к официальной жалобе. В пушкинском кругу маневр Булгарина был разгадан, и Дельвиг поспешил отправить в цензуру неискаженный текст эпи-

граммы с предложением напечатать ее, на что не было получено разрешения (см. об этом подробнее: Русская эпиграмма 1988: 603)³⁵.

Критику в свой адрес Булгарин использовал и как материал, из которого он строил свои собственные тексты. В 1836 г. он выступил с резкими статьями против «Ревизора», в которых упрекал Гоголя в том, что тот использовал низкую лексику и описывал сниженную действительность. В защиту комедии появилась в «Современнике» статья Вяземского (см. об этом подробнее: Кузовкина 2001: 186–189). В третьем собрании своих сочинений Булгарин опубликовал «Письмо копииста Мирона Бульбулькина к издателям СП о премудрости и суете мира сего», в котором идеи Вяземского были повторены в упрощенном и вульгаризованном виде:

Герои Шекспира, Шиллера, Гете, Вальтер-Скотта и других великих писателей столь же смело входят в питейные дома, как в чертоги, употребляют все слова, находящиеся в словаре, и занимают ум, воображение и сердце, от того именно, что в похождениях сих героев мы видим настоящую жизнь, а в речах их настоящую природу (Булгарин 1836: 101).

Таким образом, даже фрагментарное изучение некоторых сторон образа «литератора Булгарина» демонстрирует, насколько разнообразными способами пользовался Ф. В. для достижения успеха у читателей. Настойчивое рекламирование себя как успешного литератора, окруженного врагами, оказалось востребованным в позднейшей исследовательской традиции, которая защищает Булгарина его аргументами, опираясь на его же автоописания рекламного характера.

Образ Булгарина в «Статьях исторических»

Булгарин прекрасно осознавал, что историческая тематика в царствование Николая I не менее актуальна, чем в предшествующее. Именно поэтому первая часть первого тома первого его собрания сочинений открывалась разделом «Статьи исторические», в который вошли тексты, ранее публиковавшиеся в СА и СП (исключение составляет только текст о Петре I). Содержание этого раздела было следующее:

³⁵ Способность Булгарина помещать в тактических целях критику на себя в редактируемых им изданиях — еще один аргумент в защиту нашей атрибуции рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки» в СП (1836, № 2, 1 февраля. С. 101–102). Мы полагаем, что автором ее был В. В. Строев, который делал в ней иронические выпады против О. Сенковского и Булгарина, с которыми находился в тот момент в сложных отношениях (см. подробнее: Кузовкина 1997). Не согласившись с нашей точкой зрения, Ю. В. Манн, приписывает авторство рецензии Булгарину, аргументируя свою версию следующим образом: «Но в любом случае решающее значение имеет тот факт, что эту якобы антибулгаринскую рецензию опубликовала газета Булгарина» (Манн 2004: 749).

Марина Мнишек, супруга Дмитрия Самозванца
Краткое обозрение военного поприща Графа Коновницына
Воспоминания об Александре Ивановиче Лорере
Память о Бурхарде фон-Вихмане
Воспоминание о добром книгопродавце, Московском купце Василье Алексее-
виче Плавильщикове
Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом, в 1813 году
Смерть Лопатинского
Мысли о характере Суворова
Переход Русских чрез Кваркен в 1809 году
Очерк характера Петра Великого

В «Мыслях о характере Суворова» Булгарин, перефразируя и вульгаризируя высказывания Карамзина из десятого тома «Истории...», писал, что «история есть наука о самом человеке», представлял ее в виде судьи, который наблюдает «дела и побуждения» человека, «взвешивает их на весах справедливости, и, по числу добра и зла, им сделанного, определяет его достоинство». История оценивает «степень просвещения и нравственности целого народа». Цель истории — «сделать людей лучшими»:

Блеск добродетели и заслуги протекших веков должны руководствовать нас в настоящем и будущем. Порок и злодеяние должны наполнять сердца наши ужасом и омерзением (Булгарин 1827, I, 1: 147).

Однако это были только декларации. В булгаринских изображениях исторических деятелей нет однозначной нравственной оценки их деятельности. Так, статья, которой открывалось собрание сочинений, была посвящена Марине Мнишек, чей образ никак не служил цели «сделать людей лучшими». «Гордость ее, высокомерие, пронырливость, разврат возбуждают омерзение», — писал сам Булгарин, но далее добавлял, что во время кратковременного царствования в России Мнишек «<...> снискала себе любовь многих Русских Бояр своею вежливостию, умом и красотою» (Там же: 17). И лучшей участью для нее было бы погибнуть вместе с первым самозванцем. «Тогда история оправдала бы ее, и друг человечества пролил бы слезу сострадания об участи несчастной жертвы» (Там же: 29–30).

Вспомнив, наверное, о роли нравственного писателя, Булгарин завершает статью, употребляя тривиальный риторический прием: «Самое возвышение порока служит к торжеству добродетели, ибо провидение для того возносит его, чтобы в полноте обнаружить его гнусность».

На самом деле, открывая статьей о Марине Мнишек собрание сочинений, Булгарин напоминал читателям о своем амплуа знатока истории и, особенно, эпохи смутного времени. Одной из целей такой композиции, возможно, было стремление отвести подозрения в плагиате из пушкинского «Бориса Годунова».

Следующая статья — про графа Коновницына — единственная, под которой поставлены дата («Писано 5 Сент. 1822») и сноска под словами

«брат императора» («Ныне благополучно царствующий Государь Император»). И сноска, и дата должны были подчеркнуть, что еще в 1822 г. Булгарин писал о Николае I в самом благонамеренном духе:

Сей великий пример уважения к памяти защитника отечества, оказанный Братом Всероссийского Императора, произвел в зрителях сильное впечатление и оживил в сердцах великодушных Россиян глубоко-напечатленную привязанность к Августейшему Дому (Булгарин 1827, I, 1: 95).

Пять статей из десяти — некрологи, в которых жизнь умерших представлена как предмет для подражания. Жизнь «доброего книгопродавца» Василия Плавильщикова была «исполнена делами христианского благочестия», трудолюбие Бурхарда фон Вихмана «удивляло самых неутомимых литераторов». Генерал Лорер был известен своими «отличными» подвигами, поручик Лопатинский — чувствительностью. Рядом с этими добродетельными героями выведен как действующее лицо сам Булгарин — близкий друг покойных. Таким образом, его окружение, как должен был увидеть читатель, составляли самые образованные и благовоспитанные люди (см.: Там же: 105).

В центре галереи исторических лиц первого тома — польский офицер, отмеченный Наполеоном. В начале 1827 г. автобиографизм статьи (о первой публикации которой мы говорили выше) получил новое звучание. Она выглядела теперь как документальное свидетельство. Когда в мае 1826 г. дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов потребовал объяснений от Булгарина, почему тот носит чин французского капитана, Ф. В. ответил ему, что служил французскому императору, увлекшись «общим стремлением умов, страстию к путешествиям, блеском славы Наполеона» и даже что не воевал против России (см.: Булгарин 1998: 43). Рассказ о встрече с Наполеоном под Бауценом (о достоверности которого мы судить не можем) должен был пояснить, откуда у Булгарина появился чин капитана.

В ответе Потапову, хлопоча о получении русского чина, Булгарин подчеркивал, что заслуживает его «<...> во уважение малых моих заслуг на поле брани в 1807 и 1808 годах <...>» (Там же: 44). И потому на страницах собрания сочинений он подробно освещает этот сюжет своей биографии, посвятив ему три из десяти исторических статей и явно преувеличивая значимость этих событий. Подробное описание «Перехода русских через Кваркен в 1809 г.», помещенное сразу после очерка о характере Суворова, должно было вызвать ассоциацию со знаменитым переходом Суворова через Сен-Готардский перевал:

<...> придет время, и гений Истории представит завоевание Финляндии в настоящем блеске (Булгарин 1827, I, 1: 180).

Русские перешли в двое суток около ста верст чрез льдяные громады, глубокие снега <...> (Там же: 179).

Надлежало то карабкаться по льдинам, то сворачивать их на сторону, то выбиваться из глубокого снега <...> Пот лился с чела воинов от излишнего напряжения сил <...> жгущий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу <...> (Там же: 173–174).

Заканчивались «Статьи исторические» изображением Суворова и Петра I. «Ни один поляк не написал бы похвального слова Петру I и *Суворову* <...>», — писал Булгарин позже в одной из записок правительству (Булгарин 1998: 313). Соединение двух этих имен, однако, было уже устойчивым штампом политической риторики³⁶, и, вероятно, поэтому Петр, по Булгарину, становился столь же активным врагом поляков, как и Суворов. Автор неоднократно подчеркивал, что со времен Петра Россия становится сильным государством и активно вмешивается во внутреннюю политику Польши, которая начинает терять свое былое могущество. Так, например, в книге Булгарина о Суворове 1843 г. читаем: «Первое вступление войск Русских в Польшу, при Петре Великом, открыло неисцелимый ей недуг, который долженствовал кончиться политической смертью <...>» (Булгарин 1843: 8).

К 1827 г. миф о Суворове уже сформировался. Еще при жизни фельдмаршала был открыт памятник ему работы М. И. Козловского, проект которого утвердил Павел I. В царствование Александра вышло несколько изданий «Науки побеждать» и «Собраний анекдотов графа Суворова». Уже была переведена на русский язык основательная четырехтомная работа Франца Антинга: «Жизнь и военные деяния графа А. В. Суворова Римникского» (СПб.; М., 1799—1801). В 1812 г. появились символические «Мысли у гробницы Суворова» (СПб.) и целый ряд других изданий.

С восшествием на престол Николая символическое значение имени Суворова укрепляется. В 1826 г. император переименовал любимый Суворовым гренадерский Фанагорийский полк в гренадерский полк генералиссимуса князя Суворова-Италийского «<...> для возбуждения в молодых воинах воспоминания о бессмертных подвигах его» (Полевой 1843: 333). В 1826 г. вышла напечатанная «по высочайшему повелению» трехтомная «История российско-австрийской кампании» Егора Фукса с посвящением Николаю Павловичу. Булгарин, который и до этого публиковал материалы о Суворове в СА, откликнулся на это издание пространной рецензией «Мысли, родившиеся при чтении книги: История российско-австрийской кампании 1799 года, изданной Е. Б. Фуксом», которая печаталась в двух номерах СП (№№ 65–66), а затем в пяти номерах напечатал свои выписки из писем и рескриптов Суворова, назвав их «Дух Суворова, или военные правила, мысли и нравственные изречения сего героя, почерпнутые из его собственных сочинений» (СП. №№ 86, 90–93).

³⁶ Ср., например: «К подвигам Суворова справедливо можно применить сказанное о Петре Великом: “Сердце его не колебалось страхом, не унывало в злоключении и не боялось громов военных”» (Глинка 1819: 299).

Статья «Мысли о характере Суворова», вошедшая в первый том болгаринского собрания сочинений, представляла собой слегка сокращенный вариант рецензии на книгу Фукса из СП 1826 г.: было изменено название и убрано окончание, в котором речь шла о полиграфическом качестве издания.

Булгарин использует характеристику Суворова, которую давали предшествовавшие ему авторы, но расставляет свои акценты. Особенно это заметно там, где речь идет об оригинальности и чудачествах фельдмаршала. Предшествовавшие авторы, говоря о странностях Суворова, оправдывали их гениальностью и славой, а в описании его характера на первое место выдвигали гражданские добродетели³⁷. Они могли отмечать, что Суворов скрывал за чудачествами свой ум, «<...> желал, чтоб в нем ошибались и не видели того, что был он в самом деле» (Собрание писем 1814: 169), но относили это к его оригинальности, не видя в таком поведении никакого умысла.

Булгаринский же Суворов своей простоватостью и чудачествами прокладывает «необыкновенный, новый путь» к величию «посреди обыкновенных, протоптанных стезей» (см.: Булгарин 1827, I, 1: 151), его жизнестроительство — осознанная стратегия достижения успеха. Булгарин подчеркивает, что оригинальность Суворова — «обдуманная в его высоком уме, и исполненная при помощи его сильного характера» — была средством обратить на себя внимание. И он «<...> был сперва *единственным* по оригинальности, сделался *единственным* по достоинству». Суворову, — пишет Булгарин, — необходимо было «отделяться от толпы, заграждавшей дорогу <...> он бросил им на забаву свой Диогеновский плащ» (см.: Там же: 152–153).

Булгарин подчеркивал демократический образ Суворова-балагура и любимца солдат, презираемого знатными вельможами. Он понимал, что после декабрьских событий эта «антиаристократическая» сторона суворовского мифа наиболее востребована. В 1856 г. Булгарин будет критиковать речь одного генерала, который назвал Суворова героем *праотцев*. «<...> Суворов — герой нашего времени!», — возразит ему Булгарин (СП. 1856. № 247, 7 ноября. С. [1]). Он и сам моделировал свой образ в «суворовских» тонах как бравого военного, борца за правду, но простоватого только на первый взгляд:

Я не мог показаться пред вами так, как бы желал: явился на сцену в плаще, и лучшее убранство должен был оставить за кулисами обстоятельств (Булгарин 1828, III, 5: II), —

³⁷ «Если с сими прекраснейшими свойствами бывали смешаны некоторые странности в привычках, то должно признаться, что во всех родах слава влечет за собою особенности, к которым привыкаем без намерения. И что в том нужды, что Суворов обедал иногда в 9 часов утра? Он рано вставал, спал днем» (Победы 1815: XI).

писал Булгарин в предисловии к третьему тому того же первого собрания сочинений, употребляя по отношению к себе ту же метафору, что и в портрете Суворова, как бы «по-суворовски» открыто бравируя своей «простоватостью»:

<...> во всех пяти томах моих Сочинений, вы увидите только <...> одну часть моего образа мыслей, слабый отпечаток моих чувствований и не более как половину моего умишка — каков он ни есть (Булгарин 1828 III, 5: I–II).

В 1843 г. в книге Булгарина «Суворов», изданной за несколько месяцев до появления истории Суворова Н. А. Полевого, автобиографические мотивы звучат более отчетливо³⁸. Булгаринский Суворов окружен недоброжелателями, потому что он «попрал» «наружные формы» «высшего общества»:

Называя себя солдатом, живя по-солдатски, говоря языком, самим им созданным, Суворов казался высшему обществу более нежели странным, и в высшем кругу никто не хотел верить, что он одарен необыкновенным умом.

Суворов у Булгарина становится сатириком и обличителем:

Он не умел молчать к стати — и никому не спускал! Стрелы его сатиры поражали сильно и неожиданно любимцев счастья, интригантов и вообще всех, кто только лез в гору без заслуги и достоинств, и кто брался за дело не по своим силам (Булгарин 1843: 142).

Но зато Суворова обожали солдаты. «Кажется, что Суворов желал, чтоб странности его сделались известными всей России — и достиг своей цели». Через три года, в предисловии к своим «Воспоминаниям...» Булгарин напишет о себе:

³⁸ В «Мыслях о характере Суворова» Булгарин сетовал на то, что до сих пор не написана полная и подробная история героя. Когда в 1840-е гг. за нее принялся Н. А. Полевой, Булгарин постарался к его имени присоединить и свое. В 1841 г. он издал со своим предисловием «Капитолий, или собрание жизнеописаний великих мужей с их портретами», в котором вместе с биографиями Лафонтена, Гете, Рафаэля, Шиллера, Мольера, Ньютона, Франклина и Фридриха II и др., написанными А. А. Делакроа, поместил краткую историю Суворова, написанную Полевым. В ней в сжатой форме была изложена концепция той развернутой, богато иллюстрированной истории Суворова, которую Полевой готовил к изданию и которая после выхода в свет в 1843 г. переиздавалась потом 6 раз вплоть до 1900-х гг. и служила основой для массовых изданий о Суворове. Книга Булгарина «Суворов» с иллюстрациями Тимма вышла за несколько месяцев до появления истории Суворова Полевого. В предисловии Булгарин подчеркивал, что пришел в армию через восемь лет после смерти Суворова, но войско еще было проникнуто его духом, о Суворове рассказывали те, кто его видел. Далее Булгарин уже писал, что общался с близкими Суворову людьми, например, с графом Ферзенем, а к концу предисловия — он уже сам видел Суворова, добавляя при этом: «Великий муж удостоил меня даже ласковым словом!» (Булгарин 1843а: 6).

Много испытал я горя <...> и, наконец, дожил до того, что могу сказать в глаза зависти и литературной вражде: что все грамотные люди в России знают о моем существовании! (Булгарин 1846, I: VIII–IX).

Булгарин рисует «своего» Суворова, явно соотнося его образ с собой. У Полевого Суворов — герой народной памяти. Его характер «<...> был прекрасно высок». Полемизируя с булгаринским Суворовым, Полевой писал:

Но как различно было его честолюбие от мелкого честолюбия, как глубоко было его презрение к интриге, к тому, чем успевали другие. Польза, истина были у него впереди всех страстей <...> (Полевой 1843: 324, 325–326).

Завершались булгаринские «Статьи исторические» «Очерком характера Петра Великого», который впервые появился, насколько нам известно, только в собрании сочинений.

В нем ряд рассуждений поразительно напоминает идеи «Стансов» Пушкина: «Петр одним присутствием своим обезоружил мятежников»; «Петр был правосуден в высочайшей степени» (Булгарин 1827, I, 1: 187); «Петр желал лучами просвещения разогнать мрак невежества (в котором гнездятся все пороки) и дать России вкусить сладкие плоды образованности — и Россия просветилась. — Он хотел продлить жизнь России в грядущие веки, утвердить ее силу, дав новую жизнь разслабленному ее составу <...>» (Там же: 185–186)³⁹. В пушкинском обращении к Николаю: «Во всем будь пращурю подобен» главным было «И памятью, как он, незлобен». Этого мотива, разумеется, у Булгарина нет. Но, изображая Петра, он тоже дает советы Николаю, неоднократно повторяя, что Петр приближал к себе людей незнатных, находил сподвижников «не в кругу одних своих царедворцев, — но везде, где только видел ум, усердие и доброе сердце».

³⁹ Существовал рассказ о том, что Пушкин написал «Стансы» прямо в кабинете Николая при их свидании 8 сентября 1826 г. Пушкинисты датируют пушкинское стихотворение 22 декабря 1826 г. Остается возможность предположить, что они были известны Булгарину до того, как он отдал первый том своих сочинений в цензуру. В одной из записок в III Отделение, датируемой самым началом января, Булгарин писал: «Удивительно, как скоро распространилось в народе какое-то невольное побуждение сравнивать Государя с Петром Великим, при каждом случае» (Булгарин 1998: 124). Более точных подтверждений того, что Булгарин знал содержание «Стансов» до написания своей статьи, у нас нет. «Стансы» Пушкин передал Бенкендорфу 6 июля 1827 г. В сентябре Булгарин писал в III Отделение о вечеринке петербургских литераторов у Сомова 31 августа, на которой «Барон Дельвиг подобрал музыку к “Стансам” Пушкина, в коих государь сравнивается с Петром»; воодушевленные литераторы пили за здоровье «пушкинского цензора» «и все выпили до дна, обмакивая “Стансы” Пушкина в вино» (см.: Там же: 206). Эта записка послужила основанием для вывода пушкинистов, что «Стансы» были обнародованы осенью 1827 г. (см.: Немировский 2003: 155).

«Пред лицом самодержавного монарха, как пред Богом, все подданные равны. От него зависит озарить светом своего величия заслугу и достоинство, и презреть ложный блеск светских приличий» (см.: Булгарин 1827, I, 1: 190). Параллельно с тем, как в «Очерке» Булгарин писал, что Петр «почитал другом того, кто представлял ему истину без покрова, <...> презирал постыдное равнодушие в делах общественных», в своих записках в III Отделение он повторял, что желает всеми силами, способностями и опытом быть полезным Николаю I: «<...> я беспрестанно в душе моей забочусь о средствах, могущих утвердить навсегда его священное спокойствие» (Булгарин 1998: 60).

Таким образом, Булгарин, понимая, что исторический дискурс — один из самых востребованных в 1820-е гг., различными способами, часть из которых мы попытались показать, использовал его в целях саморекламы, вписывая себя в историю в разных обликах — историка, храброго военного, деятеля просвещения, «истинного литератора».

Образ Булгарина в мемуарном сюжете о Грибоедове и контекст его возникновения

Одним из самых ярких примеров того, насколько живучими оказались созданные Булгариным «образы Булгарина», является история изучения темы «Булгарин и Грибоедов». Со времен Н. К. Пиксанова многие свидетельства Булгарина приняты за аксиому, и хотя опубликован большой массив различных источников, они используются в отрыве от контекста, фрагментарно, без сопоставления друг с другом. Сопоставление их, однако, приводит к тому, что сложившиеся представления буквально о каждом сюжете взаимоотношений двух литераторов требуют коррекции.

Первый сюжет — о знакомстве Булгарина и Грибоедова, — который кочует из комментария к первому собранию сочинений Грибоедова 1911—1917 гг. через все исследовательские работы (см., например: Грибоедов в воспоминаниях 1980: 394; Мещеряков 1983: 156), построен на сведениях из мемуарной статьи Булгарина «Как люди дружатся», опубликованной в СП за 1837 г.

На основании этого текста исследователи пишут, что Булгарин и Грибоедов познакомились благодаря Петру Ивановичу Генисъену — бывшему сослуживцу Грибоедова по Иркутскому полку, который, попав на лечение в Варшаву, оказался в бедственном положении, был случайно подобран Булгариным и умер у него на руках. Генисъен рассказывал Булгарину о своем прекрасном друге из Иркутского полка, не называя, впрочем, его по имени, а в своих предсмертных письмах Грибоедову писал о необыкновенных душевных достоинствах Булгарина. Когда позже в Петербурге Булгарин и Грибоедов встретились и познакомились, то, помня о письмах

Генисьена, Грибоедов был к Булгарину ласков и удостаивал его своей высокой дружбы (см., например: Мещеряков 1983: 155–156).

Версия Булгарина приобрела статус достоверного источника и, кстати, получила подкрепление в архивных изысканиях П. С. Краснова: Генисьен, действительно, оказался сослуживцем Грибоедова по Иркутскому полку (см. подробнее: Грибоедов в воспоминаниях 1980: 394). Однако не существует никаких иных свидетельств о том, что Булгарин спасал его в Варшаве, и тем более о том, что эта история легла в основание высокой дружбы двух литераторов. Более того, исследователи никак не комментируют то обстоятельство, что «справедливый рассказ» Булгарина появился через семь лет после его первого мемуарного текста о Грибоедове, где имя Генисьена вообще не упоминалось. Почему Булгарин не рассказывал о столь романтическом сюжете раньше?

Первый текст Булгарина — «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» — был опубликован в «Сыне Отечества» через год после гибели комедиографа. Рассказ об идеальной дружбе был выстроен по сентиментальному канону:

при каждом воспоминании о нем глубокая скорбь, обьяв душу, заглушала в ней все другие ощущения, затемняла разум и лишала возможности мыслить... я мог только проливать слезы... <...> Не могу написать ничего связного о Грибоедове: ибо, когда только должен вспомнить о душе его, о его качествах, сердце мое разрывается на части... <...> Раны сердца моего растворились... я не могу писать более... (Булгарин 1990: 636, 638, 655).

Грибоедов изображался Булгариним как сошедший со страниц чувствительных сочинений идеальный друг:

Чувства, мысли, труды, имущество, все было общим в дружбе с Грибоедовым. Нет тех жертвований, на которые бы не решился Грибоедов для дружбы: всем жертвовали друзья для Грибоедова <...> Его нежная привязанность к другу, внимание, искренность, светлые, чистые мысли, высокие чувствования переливались в душу и зарождали ощущение новой, сладостной жизни (Булгарин 1990: 638).

Избыточная чувствительность булгаринского сочинения воспринималась современниками как фальшивая и вызывала иронию. М. А. Бестужев-Рюмин писал:

Многие невольно могут подумать, что начало и конец сей статьи переделаны Автором в прозу из Элегии какого нибудь слезливого романтика <...>. Излишняя плаксивость приторна в стихах, а еще более в прозе. За чем-бы, кажется, во вступлении в статью, предварять Фад. Вен. своих читателей, что он, при воспоминании о Грибоедове, всегда *плачет*; а при заключении статьи своей упоминать, что *раны сердца его растворились?*.... Наставленные в сих местах точь-в-точь слились с пера почтеннаго Автора как бы в замен слезинок его (Северный Меркурий. 1830. № 62. 23 мая. С. 246).

Однако сквозь сентиментальную риторику явственно проступали и иные мотивы. Булгарин подчеркивал, что Грибоедов видел в нем такого же патриота, каким был и он сам. Грибоедов, по Булгарину, не почитал «чужеземцами» тех, кто родился в областях «присоединенных к России оружием или трактатами», «не любил разделения между славянскими племенами» (см.: Булгарин 1990: 644, 645), кроме того, и сам род Грибоедовых происходил из Польши (см.: Там же: 238).

Прагматика булгаринского текста была очевидна современникам: в № 53 «Литературной газеты» анонимно публиковалась эпиграмма П. А. Вяземского:

Ты целый свет уверить хочешь,
Что был ты с Чацким всех дружней:
Ах ты бесстыдник! Ах злодей!
Ты и живых бранишь людей,
Да и покойников порочишь
(цит. по: Эпиграмма 1931: 380).

Эпиграмму можно, конечно, считать лишь данью литературной полемике, если бы не тот факт, что как раз в это время Булгарин выяснял финансовые отношения с наследниками Грибоедова. Мать комедиографа Настасья Федоровна на основании расписки, которую она видела у сына, обвинила Булгарина в том, что тот присвоил 34 000 рублей, выданных Грибоедову в 1828 г. в качестве награды за заключение Туркманчайского мирного договора и оставленных Булгарину на хранение. Булгарин имел по этому поводу неприятное объяснение с Настасьей Федоровной. Хотя она не подавала никаких официальных жалоб, он, видимо, боясь огласки (мать Грибоедова была родственницей генерала И. Ф. Паскевича, имела и другие влиятельные связи, кроме того, обладала резким характером), решил прибегнуть к превентивной защите и в печати («Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове»), и у влиятельных лиц.

22 февраля 1830 г. он пишет письмо «отцу сирот, примирителю, покровителю добрых» А. Х. Бенкендорфу. Противоречивость оправданий Булгарина становится ясной при сравнении белого варианта письма (опубликованного Рейтблатом) с черновиком (опубликованным ранее Н. К. Пиксановым).

В черновике Булгарин подробно объяснял происхождение расписки, всячески стараясь умалить ее значение:

Не росписку, а просто записочку (эти слова вместо зачеркнутого: росписку), точно я дал, противу желания Грибоедова, и сам насильно положил в шкатулку, от которой у меня же хранились ключи. Доказательством, как верны были наши письменные дела, служит то, что памятная записочка моя в 34 000 рублей, а я сам показываю теперь, что осталось у меня 36 000 рублей. Сия разница случилась оттого, что записка дана была прежде, нежели я рассчитал, сколько могу положить в ломбард, а Грибоедов никак не соглашался, чтоб я переменял

записку, или приписывал что-либо на ней, говоря: вздор — все это не нужно! (цит. по: Пиксанов 1905: 712–713).

В беловике, однако, существование расписки начисто отрицалось: «Каким образом г-жа Грибоедова могла видеть расписку в 34 000 рублей, когда я сам теперь показываю, что покойный Грибоедов оставил у меня на руках 36 000 рублей?» (Булгарин 1998: 390).

Выступая в роли обиженного друга, Булгарин в то же время писал о юридической несостоятельности претензий Настасьи Федоровны («<...> по закону она не наследница после своего сына и не представила доверенности от дочери своей Дурновой и жены покойного для расчета со мною») и подчеркивал, что, с точки зрения закона, против него не могут быть выдвинуты обвинения: «сам Грибоедов не любил заниматься механизмом жизни, не знал положения дел своих <...>; следовательно, все лежит на моем слове» (Там же: 391). Противореча своим собственным указаниям, типа: «В 1826 году Грибоедов взял у меня 3000 руб. и дал расписку, которая была послана к нему по уплате в ноябре 1828 г. с **другими квитанциями**» (Там же: 389), Булгарин постоянно утверждает, что все денежные дела с Грибоедовым велись у него на слово:

Всем в России известно, какая тесная дружба связывала меня с покойным Грибоедовым. Мы любили друг друга более, нежели братья. У нас все было общее, но как он частенько нуждался в деньгах, а я имел их, то, разумеется, что в денежных делах я имел случаи оказать ему услуги, хотя все делалось у нас на слово (Там же).

Однако в известных нам записках и письмах Грибоедова Булгарину денежные дела между ними обсуждались довольно щепетильно. Так, когда, находясь под арестом, 19 марта 1826 г. Грибоедов просил у Булгарина в долг 150 рублей, то оговаривал и залог: «В случае, что меня отправят куда-нибудь подальше, я через подателя этой же записки передам тебе мой алмановый крест, а ты его по боку» (Грибоедов 2006: 110). Получив просимое от Булгарина, написал расписку: «19-го Марта получил взаймы от Фадея Венедиктовича Булгарина ассигнациями сто пятьдесят рублей. Александр Грибоедов» (Там же: 111)⁴⁰.

Несмотря на заверения в своей непогрешимости и прилагаемые денежные выкладки об уплате многочисленных долгов Грибоедова, в которые Бенкендорф должен был поверить, т.к. они не сопровождались ни чеками, ни расписками, Булгарин, однако, приложил к письму ломбардный билет

⁴⁰ В отличие от просьб к Булгарину, денежные просьбы к С. Н. Бегичеву были весьма свободными, хотя речь порой шла о значительно более крупных суммах. См., например, в письме от 9 июля 1825 г. из Симферополя: «Пришли, брат, на подъем. Наперед тебя уверяю, что скоро никак не могу тебе заплатить, а когда Бог даст, покудова никаких способов и в виду не имею. Но если тебе полторы тысячи не сделают разницы, поделись со мною» (Грибоедов 2006: 97).

на 25 000 руб., который впоследствии был передан сестре Грибоедова. То, что признание удерживаемых им грибоедовских денег было сделано только через год после гибели комедиографа и в связи с поднятым скандалом, сильно подрывает доверие к болгаринским оправданиям. Но в сложившейся щекотливой ситуации Булгарин верно выбрал как защитников, так и тон, и аргументацию: личное вмешательство руководителей III Отделения привело к тому, что никаких неприятностей для него не последовало. Бенкендорф сразу по получении болгаринского письма писал М. Я. фон Фоку:

Я охотно беру на себя обязанность посредника, но не вижу, с кем должен иметь дело. Мать жаловалась ли? и кому? Жена требует ли отчета и есть ли настоящая наследница? Или сестра? Нужно все сие мне объяснить и указать мне лицо, с которым я должен переписываться или объясниться словесно. Все сии бумаги прошу хранить покаместь в вашей канцелярии (цит по: Булгарин 1998: 392).

Однако через два года возник новый конфликт с наследниками. Как известно, в 1828 г., уезжая в Персию, Грибоедов написал на хранившемся у Булгарина списке своей комедии: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов», рассчитывая, видимо, на то, что Булгарин проведет в печать полный текст комедии. Об этом факте упоминается во всех исследованиях о Грибоедове, где болгаринский список подробно сопоставляется с жандровским и другими. Но никто из исследователей не задается вопросом о смысле грибоедовского поручения и о том, насколько точно следовал ему Булгарин.

Как выясняется, издательские планы у Булгарина имелись, но он трактовал надпись Грибоедова несколько расширительно — как передачу ему всех прав на текст «Горя от ума». О том, что он и распорядился комедией как своей собственностью, свидетельствуют многие современники. В частности, актер П. А. Каратыгин, будучи и сам уверен в авторском праве Булгарина, приводил примеры того, как актеры просили у него разрешения на постановку отрывков комедии в свои бенефисы и считали за норму, что за это разрешение нужно платить (см.: Каратыгин 1929: 315–316).

26 января 1831 г. в бенефис актера Я. Г. Брянского, с разрешения цензуры, «Горе от ума» было впервые представлено на петербургской сцене целиком. «За дозволение сыграть» комедию Брянский заплатил Булгарину 1000 руб. ассигнациями. Сам Булгарин в официальном письме (см. ниже) скрывал, за что именно получил деньги: писал, что продал четвертый акт, хотя четвертый акт ранее уже неоднократно ставился (см.: Каратыгин 1929: 316). Любопытно, что за два дня до постановки в СП появилась восторженная реклама:

Наконец пламенное желание просвещенной публики и всех друзей Русской Литературы исполнилось! Комедия *Горе от ума* будет играна вполне. Когда играли только отдельные сцены, Театр всегда был полон, и не взирая на то, что представления непрерывно повторялись, публика не уставала хлопать и сме-

яться. Вот наконец увидим мы это бессмертное творение в целом! (СП. 1831. № 19. 24 января. С. [2]).

Булгарин, в связи со своими планами по изданию «Горе от ума», защищал комедию:

Комедия *Горе от ума*, в нашем веке, есть то же, что была в *свое время* Комедия *Недоросль* — фон-Визина. Благодаря фон-Визину, у нас исчезли настоящие *недоросли* <...>. Грибоедова Комедия должна в свою очередь истребить Фамусовых, Молчалиных, Репетиловых и Загорецких, и нет сомнения, что чрез двадцать, тридцать лет — их будет гораздо менее. Какая великая цель быть исправителем нравов! (Там же).

Примечательно, что после этой премьеры, 9 февраля 1831 г., Главное управление цензуры не разрешило использовать выписки из «Горя от ума» в статье Е. В. Аладьина в «Санкт-Петербургском вестнике» на основании того, что «<...> комедия еще не обнародована и рукопись оной составляет собственность владельца ее <...>» (цит. по: Бабинцев 1960: 430). Под *владельцем*, по всей очевидности, подразумевался Булгарин (жена, сестра или мать названы были бы *владелицами*). Но в тот же день в СП была напечатана развернутая рецензия на представление комедии *с выписками из текста*, написанная Булгариным. В статье звучала мысль о том, что комедию необходимо напечатать, потому что ее знает почти вся Россия:

Один из наших знакомых, проехав Россию несколько раз вдоль и поперек, с тех пор, как сия Комедия пошла по рукам в рукописи, уверял нас, что в России находится более сорока тысяч списков сего единственного произведения. <...> Весьма многие знают ее наизусть, от доски до доски (СП. 1831. № 31. 9 февраля. С. [1]).

И опять повторялась мысль о ее полезности: «<...> Комедия *Горе от ума* не подвержена критике, ибо она есть верное изображение того, что мы видим ежедневно и там и сям, и в чем нам должно исправиться» (СП. 1831. № 32. 10 февраля. С. [3]).

13 февраля 1831 г. в цензурном комитете Санкт-Петербургского учебного округа слушали представление цензора О. И. Сенковского «об известной комедии». Цензор, ссылаясь на СП, говорил о том, что в России распространены более 40 тысяч списков комедии, что рукописные книги гораздо опаснее печатных, так как предоставляют возможность дописывать содержание, что следует примирить цензуру с общественным мнением, и на основании всего этого призывал разрешить комедию к печати (см. подробнее: Бабинцев 1960: 427). Комедия была отдана на рассмотрение цензору В. Н. Семенову, а от него — Фоку (см. об этом: Стасов 1903: 645). Дело затянулось, но не только из-за цензурных придирок.

О булгаринских планах издания комедии стало известно вдове и сестре Грибоедова. 11 марта 1831 г. они поместили в «Московских ведомостях» объявление о том, что после смерти мужа и брата «состоят единственными

наследницами», и подали ходатайство о своих правах в Черньский уездный суд Тульской губернии (сестра Грибоедова, Мария Сергеевна Дурново, проживала в Черни). Дело рассматривалось больше года.

Булгарин был вынужден объясняться. В оправдательном письме советному судье М. А. Дондукову-Корсакову от 1 марта 1832 г. он писал:

<...> Грибоедов, уезжая посланником в Персию, дал мне полное право распоряжаться сею комедиею и передал на нее право собственности собственноручною надписью на подлинной комедии и особою формальною бумагою <...>.

Однако, кроме известной надписи, никакой формальной бумаги не приводил и буквально в следующей части фразы добавлял:

<...> *но я не пользовался этим* и никогда не намерен был пользоваться для *своих* выгод, а принял сие в угождение воли друга (Булгарин 1859: 621).

Далее, противореча самому себе, он подробно расписывал, как именно он **пользовался** правом на комедию, но каждому такому случаю находил оправдание, подчеркивая, что преследовал цель увековечить память Грибоедова. Так, например, он писал, что на деньги, полученные от Брянского, подновил гравировку портрета Грибоедова для издания своих «Воспоминаний...». Подтверждая, что хотел издать комедию, и даже сообщая, что продал право ее напечатания книгопродавцу Смирдину за 10 000 рублей с тем, чтобы получить деньги, когда комедия появится в печатном виде, Булгарин тут же прибавлял, что все средства намеревался отдать «в пользу воздвигаемого памятника Грибоедову в Тифлисе». Окончание официального письма содержит гневные фразы в адрес Марии Сергеевны, за риторикой которых суть дела совершенно теряется:

Если-же ей кажется мало 10000 рублей, то она может уничтожить условие по одному своему слову, но не уничтожит репутации моей честнаго человека обидными для меня подозрениями <...> Я добровольно отказываюсь от моего права на комедию, права утвержденного подписью Грибоедова **и признанного цензурою**; но если Мария Сергеевна не признает сего права, то и в таком случае спорить не об чем, ибо я <...> не получил за него не копейки, кроме 1200 рублей <...>. Этими 1200 рублями я также не пользовался и не употреблял *на свои нужды*; но если Мария Сергеевна хочет иметь эти деньги, то я портрет и доски брошу в Неву <!> и отдам ей деньги <...> (Булгарин 1859: 622–623).

31 августа 1832 г. Черньский уездный суд принял решение, по которому законными наследницами утверждались жена и сестра Грибоедова. Особо оговаривалось, что «<...> *и если осталась по смерти господина Грибоедова книга комедия Горе от ума, то оная принадлежит господам Дурново и Грибоедовой*» (цит. по: Краснов 1967: 253).

Любопытно, что еще до принятия судебного решения и уже после того, как не удалось издать «Горе от ума» в Петербурге, первое полное печатное издание текста комедии появилось в Ревеле на немецком языке в переводе

К. Кнорринга (разрешение Дерптского цензурного комитета от 18 сентября 1831 г. было помещено в третьей книжке “Russischer Bibliothek für Deutsche”). В контексте описываемых событий вполне логично предположить, что Булгарин мог иметь какое-то отношение к этому изданию, хотя никаких фактов, подтверждающих это, исследователями не обнаружено (см. исчерпывающую на сегодняшний день статью по этому вопросу: Исаков 2005).

Когда Булгарин понял, что издать комедию как свою собственность ему не удастся, он перестал предпринимать какие-либо шаги для ее напечатания. На основании судебного решения 1832 г. изданием комедии занялись наследницы, и в 1833 г. полный печатный текст комедии на русском языке, преодолев цензурные трудности и с личного разрешения Николая I, вышел из печати.

Булгарин до конца жизни не оставлял планов собственного издания «Горе от ума». 30 января 1854 г. закончился двадцатипятилетний срок собственности рода Грибоедовых на авторские права. Среди быстро появившихся многочисленных изданий комедии, ставшей теперь общей литературной собственностью, в 1854 г. вышло и булгаринское с факсимильным воспроизведением грибоедовской надписи. Книгу пустили в продажу чрезвычайно дешево, что представляло серьезную конкуренцию предыдущим изданиям, но Булгарин здесь не преуспел: следующее издание продавалось еще дешевле (см. об этом подробнее: Гарусов 1874: 601–603).

После спора с наследниками Булгарин на некоторое время прекращает рекламировать свою дружбу с Грибоедовым и говорить о необходимости публикации полного текста комедии, но в 1835 г. вновь возвращается к этому сюжету — в более завуалированной форме в романе «Памятные записки титулярного советника Чухина, или краткая история обыкновенной жизни» (СПб., 1835). Главный герой романа, Вениамин Петрович Чухин, добивается всего в жизни сам. От рождения он беден, но обладает высокими нравственными достоинствами. Жизнь его полна приключений, он, как и герой булгаринского «Бедного Макара...», страдает за правду, оказывается невинно оклеветанным, но спасается благодаря тайному родственнику и благодетелю. Годы, полные бурных приключений, оканчиваются счастливой семейной жизнью в маленьком лифляндском городке.

Чухину приданы черты того идеализированного «образа Булгарина», о котором мы писали выше. Кроме того, в конце романа и в отдельных эпизодах, среди которых один из самых важных — описание дружбы Чухина с Александром Сергеевичем Световидовым — прочитываются отсылки к реальной булгаринской биографии⁴¹. И само имя, и подробности био-

⁴¹ По мнению А. С. Немзера, высказанному по поводу нашего доклада на Лотмановском семинаре (Тарту, 2007), Булгарин в «Памятных записках...» конструировал свою биографию и признавал свое поражение на литературном поприще. Роман, действительно, пронизан автобиографическими отсылками, скрытой

графии Световидова соотносились с грибоедовскими. Изображая Световидова, Булгарин в гораздо большей степени следовал реальной биографии Грибоедова, чем в своих идеализированных «Воспоминаниях...» 1830 г.: намекал и на известные многим эпизоды из бурной молодости Грибоедова, когда тот служил в Иркутском гусарском полку, и на историю дуэли Шереметева и Завадовского, в которой Грибоедов принимал участие:

В короткое время Световидов прошел все поприще соблазна, и испытал все буйные наслаждения. Но он вскоре опомнился, почувствовал пустоту в сердце, и вышел в отставку. Одно неприятное приключение в столице, которое он навлек на себя остатками своих гусарских привычек, заставило его удалиться от света (Булгарин 1835: 118–119).

Более подробным и живым был и портрет Световидова-Грибоедова:

Природа наделила его удивительною памятью и необыкновенным даром убеждения. Черты его были правильныя и выражение смуглага лица его носило на себе какой-то отпечаток величия, и вместе простодушия <...> Он объяснялся просто, ясно, логически, без фигур, и часто даже лаконически, распространяясь тогда только, когда его не понимали. Он имел от природы этот, так сказать, сверхъестественный дар, эту симпатическую силу очаровывать сердца одним взглядом и заставляя верить себе на слово. Привилегия истиннаго гения! (Там же: 119–120).

Для Булгарина было важно подчеркнуть, что его необразованный и много переживший на своем веку Чухин таким же чудесным способом получил от Световидова интеллектуальные сокровища, как некогда сам Булгарин от Греча — тайны знания русского языка:

Он руководствовал меня в выборе чтения, объяснял непонятное для меня, и, в один вечер, в дружеской беседе, открывал мне более истин, нежели сколько бы я мог почерпнуть из книг в несколько годов (Там же: 122).

Через два года после романа о Чухине в СП появился упомянутый выше очерк Булгарина «Как люди дружатся» с трогательной историей о Генисьене как первопричине незыблемой высокой дружбы.

Таким образом, мы видим, что сюжет о дружбе с Грибоедовым Булгарин развивался на протяжении семи лет, и чем больше времени проходило со смерти комедиографа, тем больше новых подробностей возникало в его версии. Это характерно для всех булгаринских текстов мемуарного характера: чем дальше по времени стояло описываемое им событие или лицо, тем более значимые и сенсационные факты ему «вспоминались». Именно так оформлялся мемуарный сюжет о Суворове или о Гоголе. Если при жизни писателя Булгарин выступал как его неизменный и яростный кри-

полемикой с современниками, и, кроме того, многие его герои имеют реальных прототипов. Комментированное переиздание романа — насущная проблема булгариноведения — дополнило бы картину литературного процесса в России конца 1820-х — начала 1830-х гг.

тик, то после смерти Гоголя, когда его слава росла год от года, болгаринские тексты претерпевали заметные изменения. При жизни Гоголя Ф. В. писал, что не знаком с автором «Ревизора», а после смерти — о том, как он устроил Гоголя на службу в III Отделение, а позднее — что тот именно ему первому читал «Вечера на хуторе...» (см. подробнее: Кузовкина 1995: 38–44).

Совершенно очевидно и то, что в очерке «Как люди дружатся» Булгарин, как и во многих других своих текстах, создавал образ Булгарина — сентиментального и возвышенного друга Грибоедова, и то, что отношения между Булгариным и Грибоедовым на самом деле не совпадали с той идеализированной версией, которую после смерти комедиографа Булгарин представлял⁴².

Таким образом, рассмотрение «образа Булгарина» в предисловиях к первым двум изданиям собрания сочинений, в исторических статьях 1820-х гг. и в мемуарном сюжете о Грибоедове приводит нас к выводу о том, что интерпретация болгаринских текстов не может строиться только на имманентном анализе. Так как Булгарин в своем творчестве решал, прежде всего, тактические задачи, полноценное толкование его произведений возможно лишь с учетом литературно-бытового контекста, в котором они возникали и функционировали.

«Какая-то грусть объемлет сердце, — писал Булгарин, бросая «взгляд на миллионы людей, которые восстают целыми поколениями из ничтожества и снова переходят к забвению» (Булгарин I: 149). Себе он такой участи не желал. Став на путь профессионального писателя, он верно уловил законы, по которым мог влиять на массовую читательскую аудиторию и постоянно напоминал читателю о себе, используя для этого любые средства и даже критику в свой адрес. Стремление моделировать и рекламировать образ «Булгарина-литератора, исторического деятеля, друга великих» было одним из главных ходов его литературной тактики.

Однако самым востребованным «образом Булгарина» был образ «благонамеренного литератора» — автора и редактора СП.

⁴² Подробнее отношения Булгарина и Грибоедова рассматривались нами в докладе на Лотмановском семинаре 2007 г., по которому в данный момент готовится публикация для очередного выпуска «Трудов по русской и славянской филологии».

ГЛАВА III

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАКТИКА БУЛГАРИНА КАК РЕДАКТОРА «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

Одним из самых удачных и успешных в коммерческом отношении предприятий Булгарина было издание частной ежедневной общественно-политической газеты СП. Долгие годы она была единственной широко распространяемой газетой в России, которой было разрешено печатать политический новости. 13 апреля 1832 г. Вяземский с иронией писал И. И. Дмитриеву: «Известно, что в числе коренных государственных узаконений наших есть и то, хотя не объявленное Правительствующим Сенатом, что никто не может в России издавать политическую газету, кроме Греча и Булгарина. Они одни — люди надежные и достойные доверенности правительства; все прочие, кроме единого Полеваго, злоумышленники» (Вяземский 1868: 616). Редактирование СП заставляло Булгарина искать такой язык и стиль изложения материала, который, с одной стороны, удовлетворял бы власть, а, с другой, — массового читателя. Не ставя перед собой задачи описать все стороны литературной тактики Булгарина как редактора СП, остановимся на некоторых сюжетах, связанных с его деятельностью по пропаганде официальной идеологии среди широкой читательской аудитории, с поисками в области газетного языка, проявившимися в сюжетах о национальных бедствиях и в некрологах.

С начала выхода в свет — с 1 января 1825 г. — мы не найдем в СП ни стилистических формул, ни сюжетов, связанных с прямой пропагандой официальной идеологии. Общая тональность изображаемых событий — положительная, но она не сводится напрямую к подчеркиванию заслуг властей и императора:

Могу уведомить вас, что в главной колонии, равно как и во всех прочих Российско-Американских колониях, все состоит в добром порядке и благоустройстве. Русские, Креолы, Алеуты наслаждаются желаемым здоровьем; больных мало, а особенных болезней, благодарение Богу, нет и не было. С окружающими нас дикими народами настает мир и тишина <...> (СП. 1825. № 1. 1 января. С. [1]).

Характерно, что, например, сообщение о героическом поступке казака Василия Граба, который вынес из горящего дома двух малолетних детей, не подавалось как пример верноподданнического рвения, а сопровождалось следующим комментарием: «<...> известие о всяком благородном подвиге приятно нашим соотечественникам <...>» (СП. 1825. № 3. 6 января. С. [1]).

Вплоть до 1827 г. в СП не заметно установки на идеализацию действительности. Почти в каждом номере можно было прочесть булгаринские

нравоописательные очерки, в которых выводились образы светских мотов, их расточительных жен и болтливых приятелей. Булгарин критиковал галломанию, ратовал за общение на отечественном языке, намекал на взяточничество чиновников и судей (см., например, «Предсказания на 1827 год»: СП. 1827. № 1).

С 6-го номера 1827 г. в отделе «Нравы» начали печататься записки разных сатирических персонажей из столицы к «сердечному другу» Цапцарапкину, отставленному за взятки от службы и лишенному права ходатайствовать по делам. В этих булгаринских текстах находим первую попытку идеализированного изображения николаевского времени. Так подьячий Задушатин пишет Цапцарапкину, что «<...> настал черный год для нас; какой-то дух безкорыстия входит в моду <...>». Он пришел в театр, где играли «Ябеду» Капниста и услышал за спиной: «<...> уж ныне и взяточники ходят в Театр» Задушатин попытался прервать обвинения в свой адрес, но услышал в ответ: «Пришло время правды <...> и людей ныне ценят в почтенных обществах не по богатству, а по средствам, употребленным к составлению богатства» (СП. 1827. № 46. 16 апреля. С. [3–4]).

Характерно, что первые признаки идеализации действительности появляются в СП в художественных текстах. Художественная литература была почвой, из которой черпались и стилистические конструкции, и сюжетные ходы для построения официального языка. Это станет особенно заметным в СП 1830-х гг., когда основные идеологические составляющие официального языка уже будут выработаны.

Истинный литератор — «верноподданный литератор»

<...> способных распространить, изложить, украсить всякую заданную тему — должно сознаться, к стыду, также весьма мало.

Ф. В. Булгарин

С началом правления Николая I Булгарин верно почувствовал, что формирующаяся идеология (затем выразившаяся в лозунге «православие, самодержавие, народность») выдвигала особые требования по отношению к деятельности писателя. В записке «О цензуре в России и о книгопечатании вообще»⁴³ он обстоятельно доказывал, почему и как правительству нужно формировать общественное мнение. Он перефразировал выдвинутый еще Екатериной II тезис о том, что «<...> вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть» (Екатерина II 1770: 20). Продолжая знаменитое положение «Наказа» о том, что «Россия есть Европейская держава», но ее «Государь есть само-

⁴³ Ее наиболее подробный, хотя и спорный в некоторых аспектах, анализ см.: Алтунян 1998.

державный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно со пространством толь великаго государства» (Екатерина II 1770: 6, 8), Булгарин утверждал, что Россия по своему положению «<...> более других государств имеет нужду в нравственном и политическом воспитании взрослых людей и направлении их к цели, предназначенной правительством». Он подчеркивал, что в стране уже существует «общее мнение», которое невозможно уничтожить, поэтому «<...> гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным посредством *книгопечатания*, нежели предоставлять его на волю людей злонамеренных». Успех такого управления, по мнению Булгарина, будет обеспечен тем, что большая часть людей «<...> гораздо способнее принимать и присваивать себе чужие суждения, нежели судить сами» (Булгарин 1998: 45).

По содержанию концепция Булгарина не была оригинальна. В начале правления Николаю I подавались записки и более консервативного содержания. Такова, например, записка «О народном просвещении в России» попечителя Харьковского университета А. Перовского⁴⁴, который утверждал, что правила народного просвещения, принятые в одном государстве, вредны в другом, и предлагал свои меры по воспитанию юношества, выдвигая на первое место телесные наказания. Ненаказываемое дитя, по Перовскому, «<...> мечтает о правах своих, преждевременно почитает себя зрелым человеком и таким образом приучается судить и рядить о предметах, далеко превышающих слабыя его понятия» (Перовский 1901: 366).

Оригинальным у Булгарина был тон, который предлагался правительству для общения со своими подданными, и явная установка на то, что можно легко «сладить» со всеми сословиями, нужно только правильно выбрать тактику. Развивая метафору: «Государь — отец своего народа», он вводил образ народа-ребенка, с которым следует разговаривать свысока, втолковывая хорошо известные истины разными способами.

Так, например, с литераторами «гораздо легче сладить в России, нежели многие думают», их следует привязать «ласковым обхождением и снятием запрещения писать о безделицах» (см.: Булгарин 1998: 47). Еще более схематичными выглядят рекомендации по поводу управления средним сословием, самым многочисленным и читающим. Россию, с точки зрения просвещения, — писал Булгарин, — «нельзя сравнить с другими государствами», она подобна юноше, который живо ощущает все впечатления, «способнее принять всякое направление и довольствуется весьма немногим». Такую публику-ребенка Булгарин советует «покорить, увлечь, привязать к трону одною тенью свободы в мнениях насчет некоторых мер и проектов правительства». Употребив два средства: справедливость и «некоторую *гласность*», правительство без больших усилий станет любимо ею.

⁴⁴ Известного нам более как автора «Монастырки» и «Черной курицы».

Цинично-поучительное отношение к читающей публике особенно ярко проявляется при перечислении рекомендаций по поводу воспитания «нижнего состояния» (мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и раскольников). «Магический жезл», которым можно легко покорить умы нижнего состояния, — это «*Матушка Россия*». Искусный писатель должен показывать «сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе».

По Булгарину, ситуацию в стране можно исправить легко и быстро. Государю следует только научиться управлять общим мнением: «Составив *общее мнение*, весьма легко управлять им, как *собственным делом*, которого **мы знаем** все тайные пружины» (см.: Булгарин 1998: 46–47). Тайные пружины — это книгопечатание и сотрудничество с верноподданными литераторами.

И здесь на первый план выдвигалась фигура именно «верноподданного литератора», который и стал бы голосом правительства. Это должен был быть особенный, «истинный литератор», т.е. тот, кто «владеет языком, начитан, знает Россию и ее потребности и способен распространить, изложить, украсить всякую **заданную** тему» (см.: Там же). Несомненно, что в этом отрывке Булгарин намекал, прежде всего, на себя. В текстах различных жанров он неоднократно подчеркивал свою благонамеренность, а в многочисленных полемических статьях выступал как языковой пурист, постоянно напоминая читателям, что сокровища русского языка сообщил ему сам грамматист Греч⁴⁵. Позднее Булгарин был особенно строг по отношению к Гоголю, язык которого критиковал за употребление низких или неправильных с грамматической точки зрения слов⁴⁶.

⁴⁵ Типичность такого отношения к языку со стороны людей, находящихся на периферии общества и активно пробивающихся к успеху, иллюстрирует Касьян Касьянов описанием современника и «сниженного двойника» Булгарина — А. Л. Элькана. Чиновник департамента путей сообщения, театральный критик, переводчик и агент III Отделения Элькан был скандально известен своим необузданным тщеславием и стремлением проникнуть во все слои общества: «<...> встречаемый повсюду и почти одновременно, вечный посетитель всех театров, концертов, маскарадов, балов, раутов, *dejeuners dansants*, загородных поездок, зрелищ всякого рода и сорта, господин-юла, неутомимый хлопотун <...> всеобщий фактор, сводчик, знакомый всему Петербургу <...>». Элькан прекрасно владел всеми европейскими языками, и поразительно чисто говорил на русском: «<...> он знал все оттенки чистаго русского говора, все особенности, тонкости, все поговорки, все пословицы, все местные русския при словья, подражал всем акцентам <...>» (см.: Касьянов 1875: 230).

⁴⁶ Современники сразу увидели в булгаринских нападках позу, за которой скрывались его маргинальность и провинциализм. Защищая язык Гоголя, П. А. Вяземский писал: «Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее других в употреблении *собственных слов*: жеманство, чопорность, щепетность, оговорки, отличительные признаки людей — не живущих в хорошем обществе, но желающих корчить хорошее общество. <...> Посмотрите на провинция-

Деятельность Булгарина как редактора СП в николаевскую эпоху явилась последовательным выполнением намеченной в 1826 г. программы.

«Идеологически верное» изображение национальных бедствий

Внедрение официальной идеологии в массовое сознание стало одной из основных задач тактики Булгарина как редактора СП. Газета учила читателей «правильно» воспринимать происходящее, т.е. заменять собственные впечатления от реальных событий их «идеологически верной» интерпретацией. Наряду с подобными текстами других литераторов репортажи о событиях при дворе, о появлении императорской семьи на публике и т.п. создавали миф о необыкновенной любви народа к Николаю, о всесии и вездесущности его власти, о семейной идиллии императорской четы как залого нравственной крепости нации (см. об этом подробнее: Уортман 2002: 336–544).

Особое место в этой модели идеального самодержавия занимал сюжет о национальном бедствии как о консолидирующем факторе. Сообщения о пожарах, наводнениях и эпидемиях — событиях, не относящихся ни к политике, ни к идеологии, приобретали в СП политический статус.

Первой развернутой идеологической трактовкой такого происшествия стала статья «Наше положение и наш долг (отрывок из письма в Москву, к В. А. У.)», написанная по поводу эпидемии холеры 1831 г. и связанных с нею событий (см.: СП. 1831. № 156. 15 июля. С. [3–4]). Уже с первой фразы читателям предлагалось уверовать в патерналистскую модель отношений между императором и подданными:

Великия, славныя события и дела полезныя соединили навек Русския сердца с престолом взаимною нежною любовию. Мы видим в Государе отца России, а Он любит нас, как собственных детей Своих (Там же: С. [3]), —

а также в то, что победа над холерой возможна только при условии личного вмешательства императора и исходящей от него власти:

Придет время, холера утихнет, и тогда народ убедится, что только Государю и тем, кому Он вручил власть, народ обязан истреблением заразы и водворением здравия (Там же: С. [4]).

Вера в эти два тезиса, по Булгарину, — лекарство от страха перед болезнью:

ла, на выскочку: он не смеет присесть иначе, как на кончике стула: шевелит краем губ, кобенясь, извиняется вычурными фразами наших нравоучительных романов, не скажет слова без прилагательного, без оговорки. Вот от чего многие критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и ненарушимости законов его, попадают в такие смешные промахи, когда говорят, что такое-то слово неприлично, такое-то выражение невежливо» (Современник. 1836. Т. 2. С. 296).

Пастыри Церкви молятся за нас; слуги Царские денно и ночью пекутся об нас; Сам Государь заботится о Своем народе, и так робеть нечего, а перекрестясь делать то, что велят (СП. 1831. № 156. 15 июля. С. [4]).

Дело подданных — безропотное повиновение: «Мужество и послушание начальникам доставляют победу над врагами и над всяким злом». По Булгарину, большая — просвещенная — часть России уже смотрит на события так, как должно:

Будем справедливы, и сознаемся, что девять десятых жителей России чувствуют в полной мере всю благодать нашего Правительства, а те, которые не чувствуют, то именно от того только, что не понимают мер онаго, по своему невежеству (Там же).

Успешное исполнение задачи — донести утопическую модель реальности до массового читателя — требовало ориентации на его вкусы. Создавая канон идеологически «верного» изображения жизни, Булгарин использовал поэтику и стиль произведений низовой беллетристики: романов, фантастических повествований и т.п. Это особенно заметно в сюжете о леманском пожаре (см. его подробное изложение: Кузовкина 2002: 184–190).

2 февраля 1836 г., в воскресенье, в первый день масленицы, в Петербурге на Адмиралтейской площади сгорел большой балаган Лемана. Как обычно, там было много зрителей: цирковые представления и пантомимы французского актера-предпринимателя были очень популярны (см. подробнее о балаганах Лемана: Некрылова 1988: 177–182). А. В. Никитенко писал: «К Леману нелегко пробраться. У дверей его храма удовольствий так тесно, как в церкви в большой праздник до проповеди» (Никитенко 1955: 106). Даже Николай I с наследником-цесаревичем посещали эти представления (см.: СП. 1830. № 46).

Как свидетельствовали современники, пожар, в результате которого погибло 275 человек, произошел из-за полного несоблюдения мер противопожарной безопасности.

Народ, сидевший в задних рядах, ринулся спасаться к дверям: их было всего двое. Те, которые сидели ближе к выходу <...> действительно спаслись. Но скоро толпа, нахлынувшая к двери, налегла на них так, что не было возможности их открывать. Огонь между тем с быстротою молнии охватил все здание и в несколько мгновений превратил его в пылающий костер, где горели живые люди (Никитенко 1955: 180).

Полиция не разрешила собравшейся вокруг толпе сломать стены до прибытия пожарных. При этом «<...> несколько смельчаков не послушались полиции, кинулись к балагану, разнесли несколько досок и спасли трех или четырех людей. Но их быстро оттеснили». «Пожарная же команда поспела как раз во-время к тому только, чтобы вытаскивать крючками из огня обгорелые трупы» (Там же: 181). Через некоторое время на пожаре появ-

вился и сам император, который «<...> сделал все, что мог, для спасения несчастных, но было уже слишком поздно» (Никитенко 1955: 180).

На следующий же день после пожара СП опубликовала о нем сообщение (см.: СП. 1836. № 28. 4 февраля. С. [1–2]). В интерпретации Булгарина все происходило совершенно иначе — самые необходимые меры принимались с фантастической быстротой. Полиция и пожарные прибыли «при первом появлении дыма» и «в ту же секунду отовсюду появились врачи». В центре этой благостной картины находился Император, который принял в судьбе страждущих «истинно родительское участие, распорядился всеми мерами спасения» и удерживал толпу в несколько десятков тысяч людей в безмолвном порядке. Да и само начало пожара было представлено в «правильном» свете — чуть только загорелись стропила, публику сразу же предупредили:

В то же мгновение открыты были настежь восемь <!> широких дверей, и все зрители, находившиеся в креслах, в первых и во вторых местах, выбрались за-благовременно.

По СП, остались в горящем балагане только те, кто не воспользовались широкими дверями:

Пламя появилось с правой стороны балагана <...>, и на этой же стороне были широкие выходы; но зрители, наполнявшие амфитеатр, все бросились влево, по узким лестницам, к тесным дверям. <...> Таким образом **дверь** вскоре загромодилась, и нельзя было найти выходу.

Заметим, как противоречив болгаринский текст: сначала сказано о восьми широких дверях, затем упомянуты тесные, с узкими лестницами, наконец, сообщается, что основная масса стремилась выйти через **одну** дверь.

Такие якобы неточности в описании деталей встречались у Булгарина нередко. Если они замечались сторонними читателями, то должны были восприниматься как мелкие не искажающие сути оплошности. А у тех читателей, которые были очевидцами описываемых событий, могло сложиться впечатление об иной точке зрения на происходившее. Но главным в тексте было не описание фактов и не восстановление хода событий, а тон изложения, который и формировал основное впечатление читателей при составлении «правильного» понимания преподнесенной новости. Этот механизм — сочетания несочетаемого — заметный не только на уровне описания деталей, но и на стилистическом, и на идейном уровнях, был одним из основных признаков болгаринской поэтики.

Современники — очевидцы леманского пожара — были возмущены и искажением реальных фактов и тоном СП. Никитенко записал в дневнике, что СП «<...> объявила, что люди горели в удивительном порядке <...>» (Никитенко 1955: 181). Еще более резким был отзыв П. А. Вяземского в письме А. И. Тургеневу от 8 февраля 1836 г.:

“Северная пчела” умела и тут сделаться или остаться петербургскою свиньей. В рассказе своем об этом бедствии она только что не отдает под суд несчастных жертв, обвиняя их совершенно в несчастии, что они не умели, не хотели спастись <...> Все ложь, безчеловечная ложь! (цит. по: ОА III: 294–295).

Какие цели преследовал Булгарин, преуменьшая масштаб катастрофы? Можно, конечно, предположить, что он хотел помочь Леману, реклама балаганов которого приносила владельцу СП доход. После пожара Леман продолжал давать представления, а уже через два месяца они опять рекламировались в СП (см.: СП. 1836. № 73. 2 апреля. С. [3]). Но главная причина была в том, чтобы действовать согласно установке властей. Правительство, боясь разговоров о своем бессилии, сознательно преуменьшало масштаб бедствия. Так, в отчете учрежденного императором Комитета для распределения сумм, пожертвованных в пользу пострадавших, приводился список лиц, получивших повреждения и оставшихся в живых, и при этом сообщалось, что цель публикации —

<...> подтвердить точность обнародованных в самом начале показаний о числе погибших, которое крайне увеличено слухами, не только в С.-Петербурге, но и за границу: в Гамбурге получено известие, что при сем несчастном случае погибло до пяти сот человек.

Далее автор отчета добавлял: «Сие нещастие велико, но все, что можно было сделать для облегчения страдания оставшихся в живых, для успокоения осиротевших, сделано» (Московские ведомости. 1836. № 23. 18 марта. С. 497–498).

Наконец, присутствие на пожаре императора придавало и самому событию, и его освещению в печати официальное значение. Статус текста Булгарин декларировал в самом начале четким определением его цели и ссылкой на источник информации:

Для прекращения ложных толков и предупреждения преувеличенных, опишем дело, как оно происходило, во всей точности, по сообщенным нам официальным сведениям (СП. 1836. № 28. 4 февраля. С. [1]).

Возможно, текст о пожаре был заказан: он перепечатывался затем в «Московских ведомостях» и упоминался в более поздних записках современников как единственная версия произошедшего.

Булгарин нарочито избегал личных оценок и описания собственных впечатлений. Нет в его тексте и драматических подробностей, описания деталей, вместо этого — сухое перечисление фактов: «Упадшие задыхались от напора других. Между тем пламя обхватило весь балаган; крышка обрушилась и покрыла толпу горящими головнями» (Там же). Ранее такая манера изложения не была для него характерна. Так, например, в «Письме приятелю» по поводу петербургского наводнения, опубликованном в 1824 г. в «Литературных листках», Булгарин использовал образный язык

романтической прозы, в котором через ряд метафор явно прочитывалась точка зрения рассказчика:

Необозримое пространство вод казалось кипящею пучиною, над которою распростерт был туман от брызгов волн, гонимых противу течения, и разбиваемых ревушими вихрями. Белая пена клубилась над водяными громадами <...>

Описание драматических подробностей усиливало трагизм произошедшего:

Разрушенные дома, разбитыя суда, истребленные пожитки составляли нестройныя груды, прикрывавшия обезображенные трупы: толпы несчастных рыдали над сими развалинами, оплакивая невозвратныя свои потери (Литературные листки. 1824. №№ XIX–XX. С. 68, 73).

Однако в николаевскую эпоху такой стиль описания бедствий не соответствовал официальному канону. У читателей должно было создаваться представление, что в общем размеренном и благополучном течении жизни в России просто не может быть места стихийным бедствиям, неповиновению подданных и разрушительным пожарам⁴⁷. А если они и случаются, то только для того, чтобы подчеркнуть идеальность всеобщего устройства:

В сем ужасном случае, утешительна мысль, что не было упущено ни малейшаго средства к спасению погибавших, к облегчению страдания раненых, к успокоению жителей столицы (СП. 1836. № 28. 4 февраля. С. [2]), —

писал Булгарин о леманском пожаре. В том же ключе трактовала СП и другой, более известный, пожар — Зимнего дворца 1837 г.

Интересно, что тексты об этом пожаре — не только Булгарина, но и других авторов (А. П. Башуцкого, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского), несмотря на стилистические отличия, следовали основным положениям верноподданнического канона и уже существующей традиции описания бедствия (см. подробнее об этом: Кузовкина 2002: 190–201). Император описывался как отец своего народа, Зимний дворец — как дом родной. СП писала:

Как добрыя дети с печалию душевною окружают развалины любезнаго отчаго дома, в котором они получили жизнь и все блага жизни, так мы, верные подданные, сетуем на дымящихся остатках дома великих наших Государей <...> (СП. 1837. № 290. 21 декабря. С. 1155).

Важные роли отводились и другим членам царской семьи, что также вполне согласовывалось с моделью патерналистского самодержавия. Булгарин подробно описывал, как императрица, убедившись, что дети уже в безопасности, позаботилась о том, чтобы из дворца вывезли тяжело больную

⁴⁷ Именно в таком ключе воспринимала негативную информацию о внутренних и внешних делах России и вся административная элита второй четверти XIX века (см.: Долгих 1997).

фрейлину С. П. Голенищеву-Кутузову. При этом он делал акцент на том, что для императрицы судьба подданной так же важна, как и судьба ее детей:

Исполнив царственный долг, Императрица поспешила к своим детям, и в их объятиях нашла награду своей великодушной попечительности о судьбе подданной, которой в сердце своем не отделила от родных (СП. 1837. № 291. 22 декабря. С. 1159).

Роль народа сводилась либо к молчаливому сопереживанию, либо к возвышенному стремлению сохранить царское добро:

Нижние чины войск Гвардейского корпуса переносили все вещи с таким чувством благоговения к собственности Царской, и с такою осторожностью, при всей быстроте, что не оказывается почти ни малейшаго в чем либо повреждения (Там же: № 293. 24 декабря. С. 1169).

Характерно, что Булгарин, чтобы угодить вкусам массового читателя, в нескольких номерах СП подробно описывал все вынесенные из дворца вещи.

Опять, как и в ситуации с леманским пожаром, газетная версия расходилась с реальным положением дел. В реальности, для того, чтобы сохранить порядок, вокруг дворца в несколько рядов были выстроены гвардейские полки. Однако, несмотря на это, при выносе вещей было украдено 84 серебряных предмета, выпито 215 бутылок вина, растащен весь хлеб из пекарни и испорчено много картин и украшений (см.: Глинка 1959: 233).

Особенно сильной мифологизации был подвергнут в СП процесс восстановления Зимнего дворца, которое Булгарин представлял как сказочно быстрое исполнение воли императора:

По одному слову Русского Царя: *да будет* — чудное здание возникло с быстротою мысли, и это чудо совершилось волею Царя, безпредельною преданностию к Нему Русского народа, и усердием верных слуг Его! (СП. 1839. № 69. 31 марта. С. 273).

Мысль и исполнение летели дружно вперед. Едва придумано, и немедленно сделано. <...> для Русских нет ничего невозможного, <...> в Царском слове заключается все могущество России (Там же: № 73. 4 апреля. С. 290).

В тексте СП не только сам император был наделен сакральными функциями, но и факт восстановления дворца трактовался как залог веры:

Наступил праздник Светлага Христова Воскресения, и воля Царская исполнилась: дворец освящен. <...> Верим, потому что видим возобновленный дворец (Там же: С. 291).

Стремясь донести идеологически «правильную» интерпретацию событий до самых широких слоев населения, Булгарин активно эксплуатировал привязанность массового читателя к необыкновенным героям и необычным приключениям. Карамзин в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» заметил:

<...> сей род сочинений, без сомнения, пленителен для большей части публики <...> Не всякий может философствовать или ставить себя на месте героев истории; но всякий любит, любил или хотел любить и находить в романтическом герое самого себя (Карамзин 1984: 118).

Описывая действительность николаевской России, Булгарин воспроизводил ее в стиле фантастических повествований, авантюрных романов, переложений сказочных сюжетов. Кроме того, как и в остальном своем творчестве, в официальном языке СП Булгарин использовал, упрощая и снижая, литературные формулы карамзинского канона. И здесь чутье его не подвело — он оказался в русле времени: литераторы из «лагеря карамзинистов» становились главными идеологами николаевской эпохи (см. об этом подробнее: Киселева 1998: 24–39; Уортман 2002: 375).

Отражение болгаринской литературной тактики в некрологах «Северной пчелы»

В любом идеологизированном обществе некрологи в большей степени, чем другие газетные жанры, демонстрируют основные константы официального языка той эпохи, в которую они создаются. Некролог, сообщая о смерти того или иного лица, обязательно называет место в социальной структуре общества, которое он занимал. Оценка заслуг и личных качеств умершего, помимо ценностных ориентиров автора некролога, прежде всего демонстрирует, каковы приоритеты общества в целом⁴⁸.

И объем, и поэтика, и композиция некрологов СП были подчинены тем литературно-тактическим задачам, которые решал Булгарин. Во-первых, эти тексты демонстрировали верноподданность редактора СП и четкое осознание им важности социальной иерархии. Когда в газете появлялись сообщения о смерти членов императорской фамилии, то ее страницы обводились черной траурной каймой. Развернутые некрологи видным чиновникам и военным помещались в разделе «Некрология», занимавшем иногда две полосы газеты. Некрологи мелким чиновникам, актерам и писателям публиковались либо в разделе «Внутренние известия», либо в «Журнальной всякой всячине».

Социальная градация жестко соблюдалась и в сводных списках деятелей, умерших за прошедший год, которые печатались в газете в начале каждого нового года. Например, в списке поименного «Некролога 1841 г.» эти группы выделены в следующем порядке:

⁴⁸ Наши размышления над особенностями поэтики и функционирования некрологов СП сложились во время работы докторантского семинара Р. Г. Лейбова в 2002/2003 учебном году. Мы благодарны коллегам по семинару за творческую атмосферу, которая им способствовала.

Владельцы особые и принцы
Государственные люди
Генералы
Высшие гражданские сановники
Духовные
Знатные придворные дамы
Ученые и врачи
Литераторы⁴⁹
Художники
Женщины писательницы, художницы и ученые
Драматические артисты и артистки
Негоцианты и мануфактуристы (см.: СП. 1842. № 20. 26 января. С. 77–78).

Некрологи в большей степени, чем другие жанры, демонстрировали, что самыми значимыми типами николаевской эпохи были не яркие индивидуальности с сильными характерами, а благонамеренные чиновники и военные, которые многолетней службой достигали высоких чинов. В развернутых повествованиях их жизни описывалось постепенное восхождение по карьерной лестнице и подробно перечислялись все чины и награды. Нередко такие некрологи украшались вставными назидательными новеллами в патриотическом духе и/или пышными вступлениями:

Если имя каждого доброго сына отечества и верного слуги Царского, истинно Русского по делам, достойно воспоминания современников и того, чтобы память об нем передать потомству, тем более да почтит признательное воспоминание наше человека, совершившего путь жизни долголетней, ознаменованной великим трудом и неистощимым усердием на пользу службы Государя, Отечества и ближних, и заслужившего высокое отличие и внимание Царей России, —

так начинался некролог адмиралу П. М. Рожнову, особенной добродетелью которого было сочтено то, что в жизни его не было места подвигу:

Такова была добродетельная и религиозная жизнь мирного, кроткого, терпеливого мужа, подобно кораблю, плавающему на Океане, то тихом, то бурном, но всегда под ровными парусами, так, что излишнюю парусностию никогда не подвергался рангоут его опасности (СП. 1840. № 3. 4 января. С. 11, 12).

Даже короткие некрологи видным чиновникам или их женам в разделе «Внутренние известия» отличались полнотой использования характерных для этого жанра риторических формул.

Поэтика некролога резко менялась, когда речь заходила о людях творческих профессий. Поскольку их социальный статус был низок, то развернутый некролог им мог появиться только с подобным объяснением:

⁴⁹ Среди них упомянут М. Ю. Лермонтов, не удостоившийся отдельного некролога.

Ныне, когда в отечестве нашем начинают обращать внимание на отличные таланты, к какому бы сословию они ни принадлежали — звание Актера сделалось уже неунизительным, и может быть заметнее других, совершенно бесполезных. Теперь мы научились ценить Артистов, делающих честь успехам нашего просвещения. Посему я надеюсь, что краткое исчисление сценических заслуг Сабурова не будет сочтено излишним (СП. 1831. № 158. 17 июля. С. [3]).

Иногда некрологи людям творческих профессий вовсе не соответствовали уже сложившемуся жанровому канону. Например, следующий текст звучит почти пародийно:

В Москве скончался 8-го Марта артист Императорских Театров Д. Т. Козловский. По странному капризу природы, покойный не был одарен талантом, а между тем страстно любил сценическое искусство. Главное амплуа его было в ролях благородных отцов, тиранов и второстепенных героев (СП. 1842. № 67. 26 марта. С. 265).

Некрологи СП писателям также подчеркивали их низкий социальный статус. Когда Булгарин опубликовал некролог литератору В. И. Козлову в почетном разделе «Некрология», то сразу же сообщил, за какие именно заслуги:

Участие, которое он принимал в издании СП, отличные его познания и благородство его души налагают на нас обязанность сообщить о жизни его хотя краткое, но достаточное известие. <...> Он <...> был нам весьма полезен своим усердием, трудолюбием и опытностью — к несчастью недолго.

Однако далее некролог «почтенному и трудолюбивому литератору» постепенно превращался в нравственно-сатирический очерк. СП сообщала, что Василий Иванович был «скромнен, учтив и услужлив», «кроткого нрава» и «самого благородного образа мыслей», не был членом литературных обществ, а «окончив труды свои по журналу, отправлялся с визитами к почетным особам» и,

Оставив далеко за полночь блистательное собрание, он взбирался в скромную свою комнатку, и раннее утро заставало его уже за корректурую или переводом (СП. 1825. № 58. 14 мая. С. [4]).

Отметим, что Булгарин чаще всего помещал в СП некрологи второстепенным и мало известным литераторам и подчеркивал это как свою принципиальную позицию:

Одним словом, если В. Г. Анастасевич был не поэтом и не шегольским прозаиком, то он был добрым, трудолюбивым и полезным человеком — и этого очень довольно, даже для того, чтоб приобрести тихий уголок в Истории Русской Литературы (СП. 1845. № 42. 21 февраля. С. 166).

Как только СП отклонялась от установившегося канона изображения николаевской эпохи, это сразу же замечали власти. Именно такая ситуация сложилась с некрологом Пушкину. Он был опубликован в СП 30 января

1837 г. (№ 24), в тот же день, что и знаменитый некролог В. Ф. Одоевского в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» А. А. Краевского. Булгарин, будучи опытным журналистом и желая упомянуть о столь значимом событии, постарался, однако, обезопасить себя от цензурных нападений тем, что поместил его в самом конце раздела «Внутренние известия», после сообщения об отпусках и новых назначениях чиновников и пространной статьи о страховых компаниях. Кроме того, под текстом стояла подпись: *Л. Якубович*, хотя обычно некрологи во «Внутренних известиях» подавались как редакционные. Но все-таки некролог Пушкину резко противоречил той традиции некролога, которая была утверждена в СП. Творчество поэта оценивалось как национальное достояние:

Сегодня, 29-го Января, в 3-м часу по полудни, Литература Русская понесла невознаградимую потерю: *Александр Сергеевич Пушкин*, по кратковременных страданиях телесных, оставил юдольную сию обитель. Пораженные глубочайшею горестию, мы не будем многоречивы при сем извещении: Россия обязана Пушкину благодарностию за 22-х-летния заслуги его на поприще Словесности <...> много, очень много могло бы еще ожидать от него признательное отечество (СП. 1837. № 24. 30 января. С. 94), —

писала СП хотя и несколько канцелярским стилем, но почти в унисон со знаменитым некрологом «Литературных прибавлений...».

Некрологи Пушкину вместо иерархии чинов утверждали иерархию таланта и демонстрировали, насколько велика роль литературы в общественной жизни. В этом смысле они продолжали традицию некрологов писателям, сложившуюся в послепетровскую эпоху, когда, по мнению Ю. М. Лотмана, светская литература заняла место, равное по значимости «<...> церковной письменности и — шире — религиозной культуре» (Лотман 1996: 91)⁵⁰.

Стремление подчеркнуть важное место писателей и литературы в духовной жизни русского общества с конца XVIII в. неизменно вызывало напряженное отношение со стороны правительства. Оппозиционность некрологов Пушкину сразу же почувствовали творцы официальной идео-

⁵⁰ Уже в первом из некрологов писателям, который нам удалось обнаружить, — прозаическом отрывке внутри стихотворения Борна «На смерть Радищева» (альманах «Свиток муз», 1803 г.) — о жизни А. Н. Радищева рассказывалось как о примере верности просветительским идеалам. Его самоубийство трактовалось как событие общечеловеческого масштаба: «Или познал он ничтожность жизни человеческой? Или отчаялся он, как Брут, в самой добродетели? Положим перст на уста наши и пожалеем об участи человечества» (Борн 1979: 189). Текст Борна появился в малотиражном издании, предназначенном для узкого круга читателей, и поэтому не вызвал нареканий свыше. Однако когда Н. М. Карамзин в «Вестнике Европы», имевшем большее количество читателей, тоже опубликовал сообщение о смерти Радищева, то замаскировал его под перевод с французского (это доказывал Лотман в статье, которая до сих пор считается утерянной. См. об этом: Лотман 2003: 37).

логии эпохи Николая I. А. В. Никитенко отмечал, что Уваров был недоволен пышной похвалой, напечатанной в «Литературных прибавлениях...», а председатель цензурного комитета дал Никитенко предписание «не позволять ничего печатать о Пушкине, не представив сначала статьи ему или министру». За слова «Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-летние заслуги его на поприще словесности» в некрологе Л. А. Якубовича Греч, как один из издателей СП, получил от Бенкендорфа строгий выговор (см.: Никитенко 1955: 195–196).

Когда в 1852 г. подобная ситуация возникла с некрологами Гоголю, за один из которых И. С. Тургенев был арестован и выслан, Булгарин сразу же выступил в защиту утвержденного — и прежде всего им самим в СП — некрологического канона. Он возмущался, что в «Москвитянине» некролог Гоголю был опубликован с черной траурной каймой вокруг страниц:

Ни по смерти Державина, ни по смерти Карамзина, Дмитриева, Грибоедова и всех вообще светил Русской Словесности, Русские журналы не печатались с *черною коймою!* (СП. 1852. № 87. 19 апреля. С. 346)⁵¹.

В своих выступлениях Булгарин вновь шел вслед за официальной точкой зрения. Московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому было выражено высочайшее неудовольствие за то, что он присутствовал на похоронах Гоголя, после чего Закревский в свою очередь начал обращать внимание попечителя московского округа на все статьи о писателе, приказав печатать их «с особенным разбором и строгостью» (Лемке 1908: 204).

Таким образом, некрологи СП в не меньшей степени, чем тексты других жанров, отражали литературную тактику Булгарина. Их оформление, стиль, композиция и содержание соответствовали той программе благонамеренного литератора и редактора, исполнение которой было необходимо для успешной реализации самого крупного булгаринского издательского проекта.

⁵¹ Однако в этой ситуации не менее важной для Булгарина была борьба с посмертной славой Гоголя (см. подробнее: Кузовкина 1995: 41–44).

ГЛАВА IV

БОРЬБА БУЛГАРИНА С КНИГОЙ Г. КЕНИГА

А что скажут иностранцы?

Гоголь

Одной из главных составляющих болгаринской саморекламы, в организации которой участвовал и Греч, была апелляция к точке зрения иностранцев. Так, например, еще в 1827 г., перед выходом первого собрания сочинений Булгарина в России, Греч писал, что его произведения переводились в Германии, Франции и Англии, а в обзорах русской литературы в “Westminster Review” и “Revue Britannique” Булгарина называют ведущим русским писателем (см.: СП. 1827. № 50).

Распространение и рецепция болгаринского творчества за пределами России — малоизученная тема. Обращение к ней обычно ограничивается тезисом о многочисленности переводов произведений Булгарина на иностранные языки, но о том, кем и как они переводились и как воспринимались, пишут редко⁵². Есть мнение исследователей (которое еще нуждается в подтверждении фактами), что переводы произведений Булгарина и Греча в 1820—1840-х гг. частично инспирировались их авторами, «<...> а отдельные из них издавались на средства правительства Николая I» (Фридендер 1954: 796).

В 1830-е гг. в Германии существовало представление о Булгарине как о «едва ли не единственном достойном внимания представителе русской прозы» (Данилевский 1969: 126). В 1828 г. в Лейпциге на немецком языке вышло его четырехтомное собрание сочинений, переведенное Евсеем (Августом) Ольдекопом (первое собрание сочинений русского автора на иностранном языке!), а в 1830 г. — через год после русской публикации — роман «Иван Выжигин». Всего между 1828 и 1834 гг. появилось пять изданий Булгарина по-немецки (см.: Bulgarin 1828—1834).

Решительный удар по литературной репутации Булгарина за пределами России нанесла вышедшая в 1837 г. книга «Очерки русской литературы» Генриха-Иосифа Кенига (см.: Koenig), известного немецкого либерального мыслителя и литератора, депутата оппозиции в Гессенском ландтаге, авто-

⁵² Нам известны две работы: часть монографии Эйно Карху «Финляндская литература и Россия. 1800—1850», в которой довольно подробно рассмотрена рецепция произведений Булгарина в Финляндии (см.: Карху 1962: 199–211), неучтенная, однако, комментатором и переводчиком произведений Булгарина на финский язык в новейшем издании «Сердце солдата» (см.: Bulgarin 1996) и статья С. Г. Исакова, где говорится о причинах успеха произведений Булгарина у читателей немецких периодических изданий Прибалтики 1830—1850-х гг. (см. Исаков 1973: 405–407; 414; 418; 421–425).

ра статей, направленных против католической церкви, исследований о Шекспире, а также исторических романов. История борьбы Булгарина с книгой Кенига является одним из ярких образцов его литературной тактики.

«Очерки русской литературы» были первым полным обзором русской литературы на немецком языке, в котором вместе с историческим очерком содержалось и подробное описание ее современного состояния. В предисловии Кениг писал о том, что интерес к русской литературе возник у него под влиянием известий о трагической смерти Пушкина и бесед в 1837 г. в Ганау с Н. А. Мельгуновым.

В том же году еще до выхода книги Кенига в Германии появилась «Учебная книга о русской литературе» Ф. Отто (см.: Otto 1837), которая представляла собой сплошной перевод «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча (см. об этом: Алексеев 1937: 127). В отличие от перевода «полуофициального» сочинения Греча, в котором большая часть информации о современных литераторах представляла собой перечисление их чинов и наград, книга Кенига не только рассказывала о творчестве 42 русских писателей, начиная с Дмитрия Ростовского, но и описывала черты характера писателей и подробности — иногда скандальные — их биографии. Так, в «Очерках» пересказывался анекдот о том, как Феофан Прокопович «веселый и разгульный столько же, сколько и умный» встречал Петра I песнью: «се жених грядет в полунощи» (см.: Кениг 1862: 17–18)⁵³, упоминалось о том, что Державин умер от несварения желудка, а Ломоносов — от пьянства, подробно перечислялись шалости Боратынского в Пажеском корпусе. Встречались и курьезные неточности, например, упоминание о том, что Петр I реформировал русский алфавит, исправив в нем кириллические буквы на латинские, или пояснение понятия *юродивый* (в рассказе о «Борисе Годунове» Пушкина) через рассказ о русских раскольниках и изображение сцены хлыстовского радения.

Кениг относился к русской литературе благожелательно, но свысока, Россию называл «полуазиатской и полуварварской». Получив известия о смерти Пушкина, — писал он, — западный читатель с удивлением обнаружил, что Россия может «<...> в своем холодном климате производить людей с душою, способною к высокой поэзии <...>» (Там же: 2). Литература России, по Кенигу, началась с Петра I, который разбудил русских от 800-летнего сна, поэтому она — «молода и свежа» и может быть интересна «прелестью новизны».

Как всякая юная литература, она развивалась благодаря усвоению традиции более развитых литератур соседних стран. Эпическая поэзия была занесена в Россию «из отдаленных стран восточными и южными ветрами» (см.: Там же: 243); русские народные сказки — путешественниками и художниками из Италии (см.: Там же: 5); драматическая поэзия заимство-

⁵³ Здесь и далее цитируем книгу Кенига в русском переводе, см.: Кениг 1862.

вана с Запада через Польшу и Киев. Одним из сильных влияний было французское. Но там, где об этом заходит речь, у Кенига появляются иронические интонации. «Французское» ассоциируется у него с «легкомысленным», «неглубоким», «порочным». Так, например, князь Кантемир — русский посланник в Париже — дружил с Монтескье и другими «остроумными и учеными мужьями», «и эта веселая романтическая, утонченно-чувственная жизнь» «истощила его силы» (см. Кениг 1862: 26).

В положительном отзыве о Пушкине встречаются те же иронически-сниходительные ноты: «Был остроумен, блестящ, без особенной глубины; склад ума его был более французский, чем немецкий». Описание внешности и характера поэта лишено всякой идеализации: «Он был невысокого роста и наружности непривлекательной. <...> широкий нос и живые мышинные глаза <...>». Пушкин, по Кенигу, — человек страстей: брак «<...> не спас его от страсти к чувственным наслаждениям и от ревности <...>», кроме того, он был азартным игроком и проигрывал в карты свои сочинения (Там же: 112–113).

Совсем другой тон появляется у автора «Очерков...», когда он пишет о немецком влиянии на русскую литературу. Его не избежал даже самый оригинальный русский поэт — Державин, который не знал никакого иностранного языка, кроме немецкого. Лучшая державинская ода «Бог» написана под влиянием оды «На Бессмертие» Галлера. Высокий отзыв об «Истории» Карамзина Кениг сопровождает замечанием, что она «составлена по образцу истории прочих европейских государств», в том числе и немецкого историка Иоанна Миллера (см.: Там же: 55).

По Кенигу, благодаря тому, что немецкая литература «<...> сменила в России французскую и пустила крепкие корни» (Там же: 128), наступил новый виток в развитии юной русской литературы. Литераторы начали изучать немецких эстетиков и «критиков шеллинговой школы», молодое поколение «ищет философского основания этих направлений немецкого духа». Немецкое влияние в поэзии привело к появлению «поэзии содержания» — Веневитинова, Хомякова и Бенедиктова. В отличие от Пушкина, Веневитинов был, по мнению автора, «проницательный» и «глубокий» мыслитель. Внешность и характер героев этой эпохи русской литературы описаны в самых идеальных тонах. К кругу восхваляемых литераторов отнесен и Шевырев, который, «имеет философический ум» и обладает эрудицией в области немецкой философии (см.: Там же: 191–192).

По мнению автора, немецкую философскую и литературную традицию привносят в русскую культуру писатели-аристократы. Аристократизм определяется «не случайным рождением, а образованием и талантами», «тонкостью вкуса» и «приличием в тоне», которые писатели переносят «из своего общественного положения на свои сочинения» (см.: Там же: 210). В полемике с этим направлением сформировалось «плебейское» направление русской литературы, возглавляемое Н. А. Полевым, которое породило

журнальный триумвират Греча-Булгарина-Сенковского. Эти литераторы работают за деньги, и литература превращается в фабрику.

На фоне в целом благожелательного отношения Кенига к русской литературе отзыв о журнальном триумвирате резко выделяется по тону. Творчество трех названных авторов подчеркнуто выведено за рамки настоящей литературы: «Таких людей должно почитать за нечто меньшее, чем писатель, и большее чем просто журналист <...>». Эти литераторы «<...> приобрели благосклонность публики единственно своим счастьем или ловким шарлатанством» (Кениг 1862: 221). Их монополия на литературном рынке привела к тому, что русские журналы стали кладбищем русской литературы. По мнению автора, Греч, Сенковский и Булгарин одобряют все, «касающееся низших сил природы человеческой», и насмеваются над тем, что относится к «духовным, высшим ее потребностям». Например, для Сенковского нет ничего священного, он «всю немецкую философию клеймит позорным именем моровой болезни и не может довольно насмеяться над Шеллингом и Гегелем» (см.: Там же: 232–233). Отрицательное отношение к немецкой философии писателей журнального триумвирата, видимо, имело сильное влияние на то, что отзыв Кенига о них был столь резким.

Подобный отзыв о журнальном триумвирате и, в частности, о Булгарине входил в резкое противоречие с тем, что до сих пор писалось об этом литераторе на немецком языке. Кениг писал: «<...> сочинения Булгарина пользуются незаслуженным счастьем быть известными через переводы <...>» (Там же: 227) и иронично пояснял, откуда они берутся:

<...> известно, что Греч и Булгарин <...> не прочь были и сами отличиться некоторым патрицийским покровительством, и держали у себя на службе некоторых бедных французов и немцев, которые с охотою переводили мастерские произведения своих меценатов (Там же: 228).

Подобно авторам многочисленных эпиграмм на Булгарина, Кениг не отделял его творчество от личности: «<...> увлекательно и живо умеет он рассказывать все, что пережито им самим. <...> Он вернее изображает людей порочных, игроков, воров, позорных женщин, шпионов и мародеров, чем характеры благородные <...>» (Там же: 226–227). Особенно хорошо удаются ему описания нравов полицейских служителей, «которые изучить он имел много случаев и о которых говорит с особенною любовью». К этим биографическим намекам Кениг добавлял, что Булгарин «видел Москву только из неприятельского лагеря» и занимался плагиатом: он не упомянул истинного автора толкований од Горация, выдав их за свои, у малоизвестных французских писателей заимствовал свои «Воспоминания об Испании».

Кениг писал, что у Булгарина — живой ум, но нет вовсе «поэтического чувства, фантазии души». Более 30-ти томов сочинений Булгарина в России, — подводил он итог, —

<...> служат к распространению дурного вкуса, безнравственности и низости в чувствованиях, плоскости и пошлости в суждениях, и передают русским, еще

не понимающим себя, ложные мнения об них самих (см.: Кениг 1862: 226–227).

«Очерки...» имели огромный успех в Европе: книгу переиздали в Германии, перевели на чешский и голландский языки, во французских и английских журналах на нее были помещены подробные рецензии⁵⁴. Именно благодаря книге Кенига за пределами России начал распространяться критический взгляд на болгаринское творчество. Если в Энциклопедическом словаре Брокгауза за 1832 г. о нем писали как о «величайшем русском писателе», в то время как Пушкина называли «многообещающим поэтом», то в лексиконе Отто Виганда 1839 г. сведения о Булгарине приводились уже по книге Кенига (см.: Ботникова: 128–129). А уже в 1843 г. в новой книге о русской литературе Г.-В. Вольфсона (см.: Wolfsohn 1843) Булгарин характеризовался как автор плохих романов, «<...> который понимает только низшую сторону жизни <...>», его переводчики назывались «услужливыми», и делался вывод, что: «Провозглашать Булгарина поэтом, делающим честь литературе, значит не знать русской литературы» (цит. по: Отечественные записки. 1843. Т. XXX. Отд. VII. С. 55).

В воспоминаниях современников, исследовательских работах и даже в справочных изданиях встречаются сведения о том, что Кениг буквально всю книгу написал со слов Мельгунова. Бесспорно, название Шевырева самым крупным русским критиком и упоминание Белинского говорит о том, что характеристика современной литературной ситуации в России, данная Кенигом, была близка взглядам московских «любомудров». В унисон с программной статьей Шевырева «Словесность и торговля» звучала и оценка деятельности Греча, Булгарина и Сенковского. Близка шевыревской была и оценка творчества Гоголя, в таланте которого Кениг ценил выше всего комическую сторону.

Позднее, в 1860-е гг., в связи с ростом антирусских настроений в Германии, и сам Кениг намеренно снижал степень своего участия в написании «Очерков...». Опровергая представление о том, что он — «друг русских», писал, что, несмотря на настоятельные уговоры Мельгунова, так и не стал изучать бедный по содержанию русский язык и подчеркивал, что его не-

⁵⁴ Современники писали также о переводе «Очерков» на французский язык, который, по нашим сведениям, не был издан. Мельгунов упоминал о том, что он готовится и что переводчик — Сиркур (см.: Мельгунов 1839: 8–9), однако в воспоминаниях Я. М. Неверова в качестве переводчика упомянут Пьяже (см.: Неверов 1989: 346). Я. К. Грот в письме к П. А. Плетневу пишет, что у того должна быть французская брошюра — сокращенный перевод книги Кенига, однако в комментарии к переписке сам же отмечает, что в Румянцевской библиотеке эту книгу не обнаружил (см.: Грот, Плетнев 1896: 63). Н. Барсуков упоминает о переводах «Очерков» на французский и датский языки (см.: Барсуков 1892: 163).

прочные контакты с русскими литераторами скоро были прерваны (см.: Reissner 1970: 147).

Однако говорить о том, что Кениг механически излагает информацию, заимствованную из бесед с Мельгуновым, все же нельзя. Вероятно, еще до встречи с ним Кениг общался с русскими литераторами круга «Московского наблюдателя». В этом журнале публиковались не только переводы его статей, но и заказанные редакцией обзоры немецкой литературы, в одном из которых воспроизводилась подпись Кенига по-русски (см.: Московский наблюдатель. 1836. Ч. 7. С. 465–501). В «Очерках...» Кениг говорил о московских литераторах как человек, прекрасно знакомый с домашней обстановкой в доме Одоевского и даже с московскими шутами:

Кто посещал московское общество годов пятнадцать тому назад, тот помнит, конечно, оригинального и умного публичного шута — Ивана Савельича, который и доньше еще здравствует (Кениг 1862: 138).

Кроме того, составить представление о творчестве многих русских писателей, в том числе и Булгарина, Кениг по переводам мог сам.

Можно подвергнуть сомнению и позднее заявление Кенига о том, что он не хотел изучать русский язык: этому противоречат и тонкий и подробный разбор поэтического языка Державина, Ломоносова, Батюшкова, и размышления о том, как трудно немецкому читателю понять по переводу прелесть комедии Грибоедова «Горе от ума». В «Очерках...» никак не оговорено помещение двух стихотворений — Хомякова и Бенедиктова — по-немецки. Причем о стихотворении Бенедиктова сказано, что оно не вошло в его собрание сочинений и публикуется по рукописи. Возможно, перевод этих стихотворений тоже был осуществлен при участии Кенига. Известно, что в 1839 г. он вместе с Мельгуновым переводил «Записки сумасшедшего» Гоголя (см.: Кирпичников 1903: 183).

На данном этапе мы не можем однозначно ответить на многие вопросы, возникающие вокруг сюжета о книге Кенига, однако уверенно можно сказать, что почти все свидетельства о ней и современников, и более поздних исследователей, испытали влияние суждений Булгарина и Греча. Книгу Кенига, основной пафос которой сводился к тому, чтобы показать, насколько благотворно было немецкое влияние на русскую литературу, воспринимали в России прежде всего как критическое выступление против Булгарина в защиту Пушкина. Именно поэтому не комментировались ни ирония в высказываниях о Пушкине, ни явно преувеличенные похвалы в адрес Хомякова, Веневитинова и особенно Бенедиктова.

Продуманная и мощная кампания против книги Кенига, которую сразу начали Булгарин и Греч, свидетельствовала о том, что они были серьезно обеспокоены возможностью ее распространения в России. Наступление велось одновременно на нескольких фронтах: в русской и немецкой периодической печати, в письмах и записках Дубельту, в публичных лекциях

Греча о русской литературе и даже в жалобах Булгарина на цензуру, не запретившую продажу «Очерков...». Стратегия была во всех случаях одинаковая: не вдаваясь в подробности, книгу называли «пасквилем» на русскую литературу. И Кенига, и Мельгунова объявляли нечестными и неблагородными людьми. И кроме того, Мельгунова обвиняли в антипатриотизме и представляли орудием враждебной Булгарину и Гречу литературной партии.

В Германии тоже сразу после выхода книги Кенига началась бурная полемика. Она проходила на фоне недавних событий 1835 г., когда в результате доносов Вольфганга Менцеля (Menzel, 1798—1873) были репрессированы писатели, близкие к «Молодой Германии», и немецкий Союзный сейм запретил их сочинения. Накануне приезда в Германию в 1840 г. наследника российского престола великого князя Александра Николаевича вышли две брошюры Греча, направленные против «Очерков» (см.: Gretschi 1840) и несколько статей, подписанные “Iwanow”, автором которых, вероятно, был тоже он (см.: Кирпичников 1903: 178). В этих текстах повторялись те же выпады, что и в статьях Булгарина в СП и в его записках в III Отделение. В немецкой брошюре Греч в доносительном духе писал, что ни один немецкий журнал не принял от него критической статьи по поводу книги, написанной в духе младогерманцев. Мельгунов, — писал он, — намеренно издал книгу на чужой территории, чтобы скрыться от ответственности за оскорбления, нанесенные Булгарину и Гречу. Характерно, что в ходе полемики в немецкой периодической печати Булгарина активно защищал Менцель. Кениг отвечал на все выпады в свой адрес и в журнальных статьях, и в отдельной брошюре, где выступление Греча назвал доносом, а Булгарина объявил своим личным врагом (см.: Koenig 1840). В защиту Кенига выступал и известный немецкий литератор К. А. Фарнгаген фон Энзе (см.: Reissner 1970: 156–158).

В России ни Греч, ни Булгарин не вступали в открытую полемику с книгой Кенига, чтобы не способствовать ее большей известности. Они жаловались в III Отделение и пытались добиться цензурного запрещения продажи книги в России. В СП Булгарин говорил об «Очерках...» мимоходом, упоминая о немецких авторах, защищавших его от нападений Кенига. Так, например, он благодарил издателей выходившей в Берлине газеты «Магазин иностранной литературы» за то, что они вступились за

<...> нашего литератора, Ф. В. Булгарина, обнесенного каким-то Г-м Кенигом, издателем литературного пасквиля под названием: *Литературные очерки России* <...> Издатели «Магазина» опровергают слова Г-на Кенига, и говорят, что ему стыдно самому, не зная по-Русски повторять клеветы *своего Русского суффлера Г-на Мельгунова* <...> (СП. 1838. № 35. 14 февраля. С. 157).

Мельгунов пытался дважды ответить на выпады Булгарина в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» А. А. Краевского, но цензура его статей не пропустила. О второй статье Мельгунова ходатайствовал

Н. Ф. Павлов, который писал Краевскому: «Ради Бога напечатайте. Ему от Булгарина житья нет» (Павлов 1897: 449). Не преодолев цензурных запретов, Мельгунов на собственный счет издал брошюру «История одной книги», которая рассылалась вместе с № 4 «Отечественных записок» 1839 г. Он писал о значении книги Кенига для распространения истинно талантливой русской литературы в Германии, рассказывал, что она подвигла Фаргагена фон Энзе на изучение русского языка. В полемической части текста в результате вмешательства цензуры имена Булгарина и Греча не упоминались: «<...> некоторые из русских литераторов, которым правда глаза колола, находили эту книгу несправедливою и пристрастною» (Мельгунов 1839: 12). Они не верят, — писал Мельгунов, — что может

существовать негодование чистое, безкорыстное, следствие не похвалы или брани, негодование не на человека частного, <...> но на писателя, которого сочинения <...> содействовали бы распространению дурного вкуса, <...> дали-б иностранцам ложное понятие о наших нравах, образе жизни, характере <...> (Там же: 14).

Как раз в то время, когда брошюра Мельгунова находилась в цензуре⁵⁵, Греч и Булгарин подали очередную записку (подписана 10 марта) в III Отделение с жалобой на клеветническую книгу Кенига, в которой, кроме обвинений Мельгунова в антипатриотизме и аморальности, звучали и политические — в близости Мельгунова и Кенига к движению «Молодая Германия»:

<...> Мельгунов, московский учитель <...>, отправился за границу и там, при помощи одного писателя либеральной шайки, которая мутит и тревожит Германию (Генриха Кёнига), сочинил и напечатал пасквиль <...> правда смешана с ложью; дерзость прикрыта либеральными взглядами <...>. Особенно всю месть и злобу свою г. Мельгунов излил на Булгарина. <...> он обижен и оклеветан в них как человек, назван подлецом, изменником, шпионом, приговоренным к смертной казни <заметим, как Булгарин изменяет данные Кенигом оценки, привнося в них политический оттенок. — Т. К.>. Мы несколько раз вызывали Мельгунова в журналах объявить, точно ли он участник в сочинении сей книги; он молчит <...> (Булгарин 1998: 441–442).

Булгарин и Греч выписывали «крамольные» места и заключали:

Просим всепокорнейше подвергнуть сие дело исследованию: спросить у Мельгунова, действительно ли он, обойдя цензуру своего Отечества, которою ограждается личная честь граждан, продиктовал этот пасквиль Кёнигу. Если он отречется от сего, то заставить его напечатать о том объявление, с подписанием своего имени, во всех германских газетах, и тем возложить ответственность на Кёнига <...>; если признает себя соучастником, то подвергнуть его законной ответственности и суду как лжеца и клеветника (Там же: 442).

⁵⁵ 11 марта 1839 г. он пишет об этом Шевыреву (см.: Кирпичников 1903: 179).

После выхода брошюры Мельгунова обвинения в политической неблагонадежности авторов «Очерков» со стороны Булгарина и Греча усилились. В начале 1839 г. Булгарин жаловался Дубельту на «преследования» и оскорбления со стороны литераторов, причем приписывал уже книге Кенига не только «якобинские идеи», но и несуществующие в реальности оскорбления в адрес императора:

На меня печатают пасквили за границую, наполняют эти пасквили самыми якобинскими идеями и оскорблениями противу правительства и лица Государя, и этот пасквиль, т. е. книга Кёнига о русской литературе, *допущена* в продажу в России <...>, тогда как Мельгунов, суфлер Кёнига — невредим! (Булгарин 1998: 451).

Булгарин осудил даже цензуру, которая разрешила продажу «Очерков...» в России. В ответ на его жалобы ему посоветовали подать на Мельгунова в суд. Само прошение Главное управление цензуры нашло «написанным не с должным уважением к сему высшему цензурному ведомству и поэтому определило возратить оное...» (цит. по: Там же: 444). Однако в результате кампании Булгарина и Греча против «Очерков...» их русский перевод смог появиться только через 25 лет после выхода немецкого издания⁵⁶.

После того, как Булгарин прошел по всем официальным инстанциям, он перенес борьбу в тексты своих сочинений. В 1838 г. вышла его статья «К портрету Николая Ивановича Греча», которая была опубликована в пятом томе собрания сочинений Греча и отдельным изданием. Защищая свое право написать биографию друга, Булгарин напомнил осведомленным читателям о книге Кенига, опять нарочито не упоминая ее:

⁵⁶ История перевода «Очерков...» в 1862 г., и изучение того, как они были восприняты в литературном контексте того времени, еще ждет своего исследователя. Возможно, перевод был сделан Н. Ф. Павловым. Криптоним «Н. П.», которым подписаны «Очерки...», — один из его псевдонимов. В 1835—37 гг. Павлов активно сотрудничал в «Московском наблюдателе», в 1837 г. жил у Мельгунова, в 1839 г. поддерживал «Отечественные записки» Краевского, при которых распространялась «История одной книги». В 1860 г. после возвращения из пермской ссылки Павлов издавал еженедельную газету «Наше время», в которой сотрудничал Мельгунов. Материальное положение Павлова в это время было очень трудным: в 1863 г. выпуск «Нашего времени» прекратился. Но не только финансовые обстоятельства могли подвигнуть Павлова к переводу «Очерков...». Его литературная позиция в 1860-е гг. — консервативна: он критикует «Грозу» Островского и «Накануне» Тургенева. И именно поэтому для него должно было быть актуальным восстановление в литературном контексте одной из ключевых книг конца 1830-х гг. Однако Павлов переводил, в основном, с французского. И если *Н. П.* — это действительно он, то, возможно, в основе русского перевода лежал неизвестный нам французский текст книги Кенига.

Довольно лжей и клевет разсеяно об нас по свету: пусть же хоть раз появится правда. Почти во всех иностранных энциклопедических и биографических лексиконах напечатаны наши биографии неполные или искаженные, а московские наши приятели не устыдились даже напечатать на нас, за границую, самый гнусный пасквиль (Булгарин 1838: 2).

В 1839 г. была напечатана булгаринская «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции, в 1838 году», отдельные главы из которой он поместил в СП в промежутке между двумя статьями, в которых упоминалась книга Кенига (СП. 1838. № 35 и № 252)⁵⁷. «Летняя прогулка...» была задумана как «концептуальное, широкомасштабное повествование», однако текст в большей чем обычно степени был ориентирован на «самореабилитацию и саморекламу» (см.: Киселева 2001: 165–166).

Действительно, в «Летней прогулке...», составленной по мозаичному принципу из путеводителей по городам и замкам Финляндии и Швеции с добавлением очерка шведской литературы, статистических данных и исторических экскурсов, поражает настойчивое повторение сцен, изображающих читательское признание творчества Булгарина. «<...> меня принимали в Швеции и в Финляндии, как родного» (Булгарин 1839, II: 113), — заявлял автор и рассказывал, что встречал аристократок, поклонниц своего таланта, и в книжной лавке в Стокгольме, и на пароходе. Узнав его по портретам, они сами его окликали, вступали в беседу. Некоторые из них, по словам автора, прекрасно знали русский язык, так как долго жили в Петербурге, другие были знакомы с его творчеством по переводам. Комплименты «на счет авторства» Булгарин слышал и от библиотекаря публичной библиотеки в Стокгольме (см.: Там же: 112), и от встреченного на почтовой станции купца, пригласившего «откушать с ним хлеба-соли» (см.: Там же: 299–300). Но об истинно всенародном признании свидетельствовала чувствительная, в духе подражателей Карамзина, сцена в трактире на мызе Эстерби, недалеко от Упсалы:

Можете судить о деликатности Шведов по их поступку со мною. Вошел в трактир, увидел я, на нескольких столах, книги. Хозяева их нарочно удалили. Я заглянул в книги, и увидел переводы некоторых моих сочинений! Можно ли быть нежнее и благоднее! Я, право, совершенно потерялся и бежал в лес! <...> Как сладки слезы от избытка чувствований! (Там же: 305–306).

Навязчивая самореклама объясняется в последней главе «Летней прогулки», где Булгарин утешает знакомого скульптора Гете, страдающего от нападок либеральной прессы, показывая ему «пасквиль», напечатанный против него в Германии Кенигом,

⁵⁷ Главы из «Летней прогулки» печатались в следующих номерах СП за 1838 г.: №№ 184, 185, 186, 202, 203, 204.

<...> который, по внушению чужеземца, из одной корысти, посягнул всенародно на честь литератора, отца семейства, обвинив его в самых гнусных, по счастью небывалых поступках, не выслушав прежде оправдания!

Гете хохотал вместе со мною, читая в книге Кенига мое изображение, в котором я представлен каким-то нравственным чудовищем, зверем Апокалипсиса!

«Одно пожатие руки Греча, одно воспоминание о дружбе Грибоедова, — добавлял Булгарин, почти дословно повторяя тексты своих записок в III Отделение, — вознаграждают меня за весь этот отдаленный свист без сильной зависти и злобы» (Там же: 342–343).

Борьба Булгарина и Греча с книгой Кенига была широко известна в литературных кругах. Противники Булгарина обрадовались тому, что появился текст, наносящий удар по мифу о значительности болгаринского творчества, настойчиво формировавшемуся с середины 1820-х гг. в России и за ее пределами. В. Ф. Одоевский просил Я. М. Неверова лично поблагодарить Кенига «за русскую литературу, о которой до сих пор знали в Европе только по «Выжигину» с кампаниею» (см.: Сакулин 1913: 416). В «Современнике» была опубликована анонимная рецензия, которая, как бы предвидя критику «Очерков» Булгариным и Гречем, давала ответ на возможные выпады с их стороны. Можно предположить, что автором этой рецензии был П. А. Вяземский, который собирался их переводить: «<...> книга не бранная, не лживая, — писал автор “Современника”, — а благонамеренная, безпристрастная, написанная <...> с добросовестностью». Неоднократно подчеркивалось, что ее автор — «Вне сферы Русского журналистета и монополии мнений <...>» (Современник. 1837. Т. 8. С. 313, 314).

Шевырев, в ответ на болгаринскую саморекламу в «Летней прогулке...», в дорожных очерках о Германии писал, что «великий успех» имела как раз книга Кенига: во всех немецких городах, через которые ему случалось проезжать, ее знают и «... отзываются об ней с единогласною похвалою» (Шевырев 1839: 111).

Белинский, уязвленный тем, что его имя в «Очерках» ни разу не упоминалось, воспринял книгу как полемический выпад в свой адрес со стороны московских литераторов. Он хотел даже написать свою историю русской литературы для немцев и послать в Германию К. С. Аксакову, чтобы тот перевел и напечатал. «То-то раззадорю наш народ. Уж дам же я знать суфлеру Кёнига!», — писал он И. И. Панаеву в августе 1838 г. (Белинский XI: 261). Но затем, вероятно, понял, что тем самым он встанет на сторону критиков Кенига и не стал этого делать. А в антибулгаринских статьях 1840-х гг. Белинский не раз отсылал читателя к тому факту, что о пошлости болгаринских творений пишут за пределами России и, кроме того, ни в одной из статей не упомянул о Мельгунове как суфлере Кенига. В 1843 г. «Отечественные записки» писали, что «Очерки...»,

<...> не смотря на некоторые промахи, не смотря на отчаянную и русскую и немецкую полемику издателей «Северной Пчелы», имеют достоинство неотъемлемое: они сообщают систематическое и большею частию верное понятие о нашей литературе (Т. XXX. Отд. VII. С. 53).

Сюжет с книгой Кенига показывает, насколько сильны были в это время позиции Булгарина и Греча и как трудно было развенчать создаваемые ими мифы путем прямых полемических выступлений. Когда в 1840 г. полемику с Булгариным начали в финских журналах, П. А. Плетнев просил Я. К. Грота не уподобляться Мельгунову, да и сам Грот в одном из писем грустно замечал:

Чтобы отвечать Булгарину, надобно бы уверенным быть, что нас прочтут столько же человек, сколько читают его, — иначе напрасно и даже смешно терять слова; он всегда одолеет нас, потому что имеет к тому средства. <...> но если большая часть слушателей разделяет мысли и чувствования пошлеца, то опять смешно говорить перед ними тоном, котораго они не разумеют (Грот, Плетнев 1896: 86).

Однако, несмотря на скепсис современников, книга Кенига, внесла значительную лепту в развенчание булгаринского мифа, продолженное в 1840-е гг. в статьях Белинского и произведениях Гоголя. Когда в 1862 г. вышел русский перевод книги Кенига, то оказалось, что этот сюжет, как и само имя Булгарина, уже мало кому интересны⁵⁸.

Процесс борьбы Булгарина против книги Кенига демонстрирует с наглядной очевидностью, как отлажен был механизм его саморекламы не только в России, но и за ее пределами, и с какой силой он мог влиять на текущий литературный процесс, добиваясь, к примеру, цензурного запрещения направленных против него статей. Прямая борьба с автомифами, навязываемыми Булгариным, была весьма трудной и малоэффективной, что признавали и сами современники. Наиболее действенным оказалось художественное осмысление феномена Булгарина.

⁵⁸ Характерно, что и впоследствии саму книгу Кенига вспоминали довольно редко, почти не упоминая о ее переводе на русский язык. В единственной посвященной ей работе, появившейся в 1967 г., исследователь даже дает свой перевод ее названия (см.: Ботникова 1967).

ГЛАВА V

РЕФЛЕКСИЯ ПИСАТЕЛЕЙ-СОВРЕМЕННОКОВ НАД ЛИТЕРАТУРНОЙ ТАКТИКОЙ БУЛГАРИНА

Раскрытие феномена Булгарина невозможно без учета того, как его осмыслили современники. Тип поведения и образ Булгарина стали предметом художественной рефлексии в произведениях многих русских авторов XIX — начала XX вв., а эпиграмматический текст о нем, как мы уже отмечали выше, начал складываться с начала 1820-х гг., то есть задолго до создания III Отделения и ссоры Булгарина с Пушкиным. Сюжетами этого текста стали подробности булгаринской биографии — польское происхождение, служба под русскими и французскими знаменами, некоторые черты характера. Но в большей степени в начальный период литературной деятельности Булгарина оппоненты заостряли внимание на его «фиглярстве» — умении менять стиль поведения в зависимости от обстоятельств, стремлении переносить сплетни, на отсутствии твердых моральных убеждений и «собственного лица». Содержание текстов современников о Булгарине свидетельствует о том, что для них тип его личности и его литературная тактика, направленная прежде всего на коммерческий успех литературной деятельности, имели гораздо большее значение, чем его литературное творчество.

Неискренность Булгарина, разрыв между словами и поступками, лживость литературных поз, которые он принимал, продолжали обыгрываться и в эпиграммах 1830—1840-х гг. К этому, начиная с 1829 г., прибавились характеристики шпиона и доносчика: «Фиглярин» с легкой руки Пушкина стал еще и «Видоком». В известных пушкинских статьях в «Литературной газете» и «Телескопе» акцент делался опять же на противоречии между литературной позой и реальными поступками Булгарина⁵⁹. Видок «<...> пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве, и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений <...>» (Пушкин XI: 129). Известно, что план пародийного пушкинского романа, в котором он собирался разоблачить истинное лицо Булгарина и показать его подлинную биографию, назывался «Настоящий Выжигин» (Там же: 214–215).

Двуличность Булгарина высмеивалась не только в крайне острых и полемичных статьях Пушкина. Подмену нравственных принципов «фиглярством» отмечали в Булгарине и довольно лояльно настроенные к нему со-

⁵⁹ Контекст и содержание этих статей хорошо изучены в пушкиноведении, начиная с работ М. И. Сухомлинова (см., например, Сухомлинов 1889: 272–275). Наиболее полный список работ по теме «Пушкин и Булгарин» см.: Вацуро 2003: 325.

временники, объясняя эти качества издержками профессии журналиста. Именно так выведен Ф. В. в комедии-водевиле 1830 г. П. А. Каратыгина «Знакомые незнакомцы», в центре сюжета которого — вражда между Булгариним и Н. А. Полевым. Петербургский журналист Архип Андреевич Сарказмов показан как неуправляемый болтун. «Говорит за пятерых», — характеризует его один из героев водевиля (Каратыгин 1830: 33). Сарказмов повторяет излюбленные булгаринские автохарактеристики:

Я шел всегда прямым путем,
Хоть все зовут его тернистым
(Там же: 36)

и сетования на трудность профессии журналиста:

Журналисты люди вовсе несвободные; они бывают рабами необходимости, думают и действуют по обстоятельствам; молчат тогда, когда бы им хотелось говорить — и наоборот <...> нет сословия, которое бы терпело столько несправедливостей; которое бы имело столько безграмотных недоброжелателей (Там же: 49).

В главном своем монологе Сарказмов развивает идею о том, что дружба между двумя журналистами невозможна:

Чорт возьми! Да если б во времена древней Греции издавались журналы и если бы Пилад и Орест были редакторами, посмотрел бы я, как долго сохранилась их образцовая дружба

Нет, дружеству не верю я;
Оно названье лишь пустое,
И на словах здесь все друзья,
На деле, так совсем другое,
Я сознаюся без стыда
В моем неверии привычном:
И *личного* врага всегда
Я предпочту друзьям *двуличным*
(Там же: 56–57).

Характерно, что Булгарин хвалил водевиль. Как свидетельствует автор:

По окончании спектакля Булгарин пришел к нам в уборную, в восхищении, хвалил и меня и актеров; а Рязанцева, который хотел представить его лицо, расцеловал и называл своим двойником и от души хохотал (Каратыгин 1929: 309–310).

В рецензии СП, где еще раз обращалось внимание читателей на образ Сарказмова, Ф. В. также отозвался о своем «двойнике» положительно: «<...> Журналист Сарказмов, хотя карикатурен, но забавен до крайности» (СП. 1830. № 47. 19 апреля. С. [2]). Как мы уже писали, этот прием был характерен для Булгарина, который стремился к тому, чтобы читатель лишний раз услышал его имя, пусть и в критическом контексте, тем более,

когда речь шла о дружественной критике, как в случае с водевилем Каратыгина.

Совершенно иным было отношение к водевилю А. А. Шаховского «Еще Меркурий, или романый маскарад», где мишенью иронии была сама суть болгаринского творчества. Премьера состоялась 3 ноября 1829 г., почти сразу после выхода в свет самого популярного болгаринского романа «Иван Выжигин». В ней главный герой романа говорил о себе:

Я Выжигин Иван, к услугам всех —
От бар до слуг и от дворян до дворней,
Я вмиг схватил финансовый успех,
Но авторский дается поупорней
(Шаховской 1961: 730)

Булгарин ответил резко отрицательной рецензией, в которой обходя молчанием указание на низкое литературное качество своего произведения, намекал на то, что Шаховской — один из его литературных завистников — недоволен именно коммерческими успехами его литературных предприятий:

Князь Шаховской вообще жестоко вооружается противу всех *финансовых успехов*. Как в бенефисы не пускают в Театры даром, так и книг не раздадут безденежно, и это еще не беда, если кто наживает хлеб авторским трудом. За что бы кажется сердиться? (СП. 1829. № 133. 5 ноября. С. [4]).

Рефлексия над образом и литературной тактикой Булгарина, начатая в 1820-е гг. в эпиграммах и водевилях, продолжилась и углубилась в прозаических произведениях 1830—1840-х гг.

Булгаринский подтекст в произведениях Н. В. Гоголя 1830—1840-х гг.

Отношение к Булгарину у Гоголя на протяжении его творческой эволюции было сложным и неоднозначным (см. об этом подробнее: Кузовкина 1999). Однако данное им художественное осмысление творчества и самого типа личности Булгарина сильно повлияло на всю последующую литературную традицию.

В «петербургских повестях» Гоголь художественно осмыслял тот тип сознания, который навязывала читателям СП. И майор Ковалев из «Невского проспекта» (1835), и Поприщин из «Записок сумасшедшего» (1835) не только читают СП, но и объясняют окружающую действительность через те категории, которые они почерпнули в газете, по ней моделируют свое поведение и поступки. Идеал жизни для них — тот, который пропагандировался Булгариним: благонамеренность, весомый чин, хороший доход. Как отметил И. Золотусский, Поприщин не желает, однако, всходить по тем чиновным ступеням, по которым необходимо пробираться к благам

жизни, он стремится перескочить чиновную лестницу и сразу становится «испанским королем»:

Сам бред Поприщина <...> — фантастико-иронический отклик его (теперь уже освободившегося!) сознания на фантастику европейской жизни, отраженную в «иностранных известиях» «Пчелы» и в ее смеси (Золотуский 1987: 160).

Пародирование тех идеологических штампов, которые навязывала СП своим читателям, Гоголь продолжил и в произведениях 1840-х гг.

В 1842 г. писатель приехал в Россию для того, чтобы печатать «Мертвые души». Это было время, когда Булгарин постоянно нападал на его произведения на страницах СП. В начале 1842 г., описывая издания наступившего года, Булгарин, подробно остановился на первом номере «Отечественных записок» и на статье Белинского «Русская литература в 1841 году». Задетый тем, что Белинский вновь защищал свою исключительно высокую оценку творчества Гоголя, высказанную им уже семь лет назад, он саркастически заметил:

Хотите *позабавиться*, так извольте читать *Отечественныя Записки!* Тут <...> вы верно расхохочетесь, прочитав следующее: «С Гоголя начался Русский роман и Русская повесть <...>. С Гоголя начинается *новый период* Русской Литературы, Русской Поэзии» — Это напечатано в Отечественных Записках, напечатано в XIX веке! И после этого, кто же из Русских писателей пожелает, чтоб его хвалили в Отечественных Записках, кто захочет, чтоб мерили достоинство его сочинений по этому масштабу? (СП. 1842. № 7. 10 января. С. 26).

А после этого еще раз повторил то, что писал о гоголевском творчестве, начиная с рецензии на «Ревизора»:

В повестях г. Гоголя нет философского взгляда на свет, нет познания сердца человеческого. Г. Гоголь искусно рисует карикатуры и комические сцены — это правда, но все это так поверхностно, так мелко, что мы не можем сравнивать г. Гоголя ни с одним из нынешних повествователей <...> (Там же).

Безусловно, булгаринские статьи были хорошо известны Гоголю. Именно в это время он вступает в полемику с Булгариным, избирая для нее не совсем обычную форму. Он не пишет «критики на критики», а вводит образ Булгарина в структуру своих художественных произведений. Так, например, среди дополнений ко второй редакции «Портрета», которая дорабатывалась как раз в этот период, появился эпизод с обращением Чарткова к «одному издателю ходячей газеты». Герой

<...> был принят радушно журналистом, назвавшим его тот же час “почтеннейший”, пожавшим ему обе руки, расспросившим подробно об имени, отчестве, месте жительства, и на другой же день появилась в газете, вслед за объявлением о новоизобретенных сальных свечах, статья с таким заглавием: *О необыкновенных талантах Чарткова* <...> (Гоголь III: 98).

Гоголь подчеркивает некоторые черты поведения Булгарина — суетливость, употребление слова «почтеннейший», но главное — пародирует

стиль СП, где объявления о «необыкновенных талантах» и о сальных свечах идут друг за другом, а также воспроизводит саму поэтику газетных статей Булгарина. Это и апелляция к мнению толпы:

Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших физиогномий и прекраснейших лиц, но не было до сих пор средства передать их на чудотворный холст <...>,

и избыточность в описаниях, с нагромождением тавтологических эпитетов: «<...> воздушной, легкой, очаровательной, приятной, чудесной, подобной мотылькам, порхающим по весенним цветкам»; и булгаринская манера сравнивать всех со знаменитостями прошлого. Мастерская Чарткова, как пишет журналист, вся уставлена портретами его кисти, «достойной Вандиков и Тицианов» (см.: Гоголь III: 98–99).

Однако самым значимым было то, что вся концепция гоголевской повести с ее трактовкой искусства как великого и ответственного служения, была полемична по отношению к прагматической установке Булгарина в его журналистской и литературной деятельности. Журналист, к которому обратился Чартков, отнесся к его таланту как к товару, за деньги способствовал распространению ложной славы художника, что привело к его быстрому обогащению, к потере таланта и в конце концов к гибели.

Ответом на полемические выступления Булгарина против «Ревизора» был и образ «еще литератора» в «Театральном разъезде после представления новой комедии» (1842), ругающего гоголевскую комедию переделанными цитатами из булгаринских рецензий. Ср. у Гоголя: «Последняя, пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею Монблан перед Пулковскою горою» (Гоголь V: 141), и у Булгарина, который в упомянутой выше критической статье о гоголевском творчестве писал, что Одоевский и Соллогуб «<...> выше Г. Гоголя, как Чимборасо выше Пулковской Горы!» (СП. 1842. № 7. 10 января. С. 26). Воспроизведен и сам стиль булгаринской критики — многократные повторы вместо аргументации, например: «Фарс, фарс, да и фарс самый неудачный» (Гоголь V: 141). Характерно, что гоголевский «еще литератор» трактует литературную славу как умелый литературно-тактический ход. Именно так он расценивает и положительные отзывы на «Ревизора», и литературные успехи Пушкина:

Говорят: живость, наблюдение... да ведь это всё вздор, это всё приятели, приятели хвалят, всё приятели! <...> Просто друзья и приятели захвалили его не в меру, так вот он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир. У нас всегда приятели хвалят. Вот, например, и Пушкин. Отчего вся Россия теперь говорит о нем? Всё приятели кричали, кричали, а потом вслед за ними и вся Россия стала кричать (Там же).

Рефлексия над образом Булгарина прочитывается и в «Мертвых душах», особенно в позднейшей их редакции. В 1842 г. тема словесности и торговли, поднятая впервые в 1835 г. Шевыревым, вновь стала актуальной.

В первой книжке «Москвитянина» за 1842 г. появилась полемическая статья Шевырева «Взгляд на направление русской литературы», в которой он вспоминал с удивлением, что его первое выступление против торгового направления встретило возражения со стороны Гоголя. Действительно, отвечая в 1836 г. Шевыреву в статье «О движении журнальной литературы...» Гоголь писал, что его нападения на торговое направление

<...> были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный закон всякого действия. Литература должна была обратиться в торговлю, потому что читатели и потребность чтения увеличилась.

И как во всякой торговле, по словам Гоголя, «выигрывают люди предприимчивые, без большого таланта». Главной ошибкой Шевырева Гоголь считал то, что тот «не разрушил никакого мнения в публике касательно внутренней ценности товара», и призывал современную критику показать, «в чем состоит обман», почему литература торгового направления пользуется большим читательским спросом, а не «пересчитывать барыши» удачливых торговцев (см.: Гоголь VIII: 168–169).

Теперь, в 1842 г., Гоголь попытался сам ответить на вопрос, «в чем состоит обман» литераторов, подобных Булгарину. Для него на первый план выдвинулась проблема соотношения внутреннего мира писателя и его литературной продукции. Представители торгового направления, по Гоголю, легко выдавали литературную продукцию на потребу дня, не тратя на нее внутренней душевной работы, а содержание их сочинений далеко отстояло от их глубинного человеческого содержания.

В образе Чичикова — «подлеца» и «приобретателя», который скрывает свое истинное лицо за маской «борца за правду» и «милейшего человека», видны те булгаринские черты, которые высмеивались еще в эпиграммах начала 1820-х гг. В его характеристике ведущей становится тема лицемерия: он «плут, корчащий рожу благонамеренного человека», в устах которого «смешны благонамеренные слова» (см.: Гоголь V: 145–146).

В 1842 г., подготавливая текст «Мертвых душ» для публикации, Гоголь вставил характерную сцену. Чичиков ретировался с бала, где он «<...> вдруг показался перед всеми бог знает в каком виде <...>» (Там же: 175) после того, как его обличил Ноздрев, произнеся: «Что? много наторговал мертвых?» (Там же: 172). Вернувшись к себе в номер, он вдруг раздражается нравственно-обличительной речью по поводу губернского общества:

«Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы! Эк штука: разрядились в бабьи тряпки! Невидаль: что иная навертела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков или, что еще хуже, на счет совести нашего брата. <...> Просто, дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре, чорт знает что такое: взрослый, совершеннолетний вдруг выскочит весь в черном, общипанный, обтянутый как чортик, и давай месить ногами <...> Всё из обезьянства, всё из обезьянства! Что француз в со-

рок лет такой же ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы!» (Гоголь VI: 174–175).

Как раз в начале 1842 г. начали выходить в свет болгаринские «Картинки русских нравов», в которых, подражая традиции русской сатирической литературы XVIII в., автор высмеивал светскую жизнь, увлечение балами, нарядами и всем французским. В речи Чичикова мы встречаем характерные для «болгаринских» текстов Гоголя стилистические особенности: фамильярные выражения, повторы и восклицания.

Предметом художественного переосмысления для Гоголя становилось не только отношение Булгарина к творчеству, но и те литературные формы, которые он использовал в своей писательской практике. Булгарин для Гоголя — один из эпигонов Карамзина. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он писал об этом разряде литераторов: «Подражатели Карамзина послужили жалкой карикатурой на него самого и довели как слог, так и мысли до сахарной приторности» (Гоголь VIII: 385). Наиболее ярким типом «Мертвых душ», в образе которого пародировались эпигоны Карамзина, был Манилов (см. об этом подробнее: Смирнова 1987: 106).

Прочитываемая в образе Манилова и его «речевой позиции» полемика с подражателями Карамзина, как нам представляется, была ориентирована и на тексты Булгарина. В вариантах первой редакции «Мертвых душ» его имя было прямо названо. Во время беседы Чичикова с Маниловым в ответ на рассуждение последнего о том, что хорошо бы иметь в друзьях такого человека, с «которым можно красноречиво поговорить о любезности, о хорошем обращении, о какой-нибудь науке», Чичиков продолжил: «Размышлять о чем-нибудь, или прочесть что-нибудь, господина Булгарина сочинения...» (Гоголь VI: 259).

Не только данный разговор, но и весь сюжет взаимоотношений Манилова с Чичиковым был описан Гоголем с некоторой ориентацией на один из возможных источников — мемуарный текст Булгарина «Встреча с Карамзиным (Из литературных воспоминаний)», впервые опубликованный в 1827 г. и вошедший в болгаринское собрание сочинений 1842—43 гг.

Для создания иронической речевой характеристики Манилова Гоголь пародирует сентиментально-слащавый язык болгаринского описания, намекая, таким образом, не столько на Карамзина, сколько на Булгарина, его адепта. В описании Манилова:

<...> черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то, заискивающее расположения и знакомства (Гоголь VI: 24), —

усилен мотив «особенной приятности», приписанной Булгариным Карамзину: «Рот и уста имели какую-то особенную приятность, и так сказать, дышали добродушием»; «Добродушная его вежливость разливалась равно <на> всех» (Булгарин 1843, V: 170, 171). Аналогичным образом развивается мотив приятной «беседы». Манилов мечтает «красноречиво погово-

рить о любезности, о хорошем обращении». И Чичиков поддерживает его: «<...> приятный разговор лучше всякого блюда» (Гоголь VI: 31). Ср. с характеристикой Карамзина у Булгарина:

<...> был любезнейшим человеком в обществе. Он знал в совершенстве *искусство беседовать*. <...> человек, умеющий поддерживать разговор и сообщать ему занимательность, нравится всегда <...> (Булгарин 1843, V: 172).

Кроме характеристик личности, повторяются и сюжетные ходы. Булгарин пишет, что первое его посещение Карамзина продолжалось два часа, он не мог решиться прервать беседу и хотел:

<...> по модному обычаю, выйти из комнаты, не простясь с хозяином, но Карамзин не допустил меня до этого. Он встал с своего места, подошел ко мне, пожал руку (по-Английски), и пригласил посещать его (Там же: 174).

Эту сцену Гоголь обыгрывает, комически утрируя чувствительность одного и замешательство другого:

Манилов был совершенно растроган. Оба приятеля долго жали друг другу руку и долго смотрели молча один другому в глаза, в которых видны были на-вернувшиеся слезы. Манилов никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать ее так горячо, что тот уже не знал, как ее выручить (Гоголь VI: 37).

В конце «Мертвых душ» в размышлениях о том, как будет воспринята поэма и ее главный герой, вновь появляются намеки на Булгарина, анализируются причины появления подобного ему типа личности и отношения к ней окружающих. Гоголь пишет, что наступил век приобретений: «Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*», однако с человеком-приобретателем, даже если он подлец, «водят хлеб-соль» и «проводят приятно время» (см.: Там же: 242). Это происходит потому, что он прячет свое истинное лицо за разговорами о добродетели:

Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два-три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели (Там же: 241).

В образе человека, слова которого резко расходятся с его делами и с его нравственной сущностью — одним из ключевых образов гоголевского творчества начала 1840-х гг. — продолжалось, как нам представляется, художественное осмысление типа личности Булгарина. Предвидя упреки в том, что в «Мертвых душах» он опять выводит на свет низкую действительность и низких героев, Гоголь ожидает нападения и со стороны таких «приобретателей», которые, думая «<...> не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное» (Там же: 245), прикрываются патриотическими лозунгами:

Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накопляют себе капиталы, устраивая судьбу свою на счет других; но как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг крики: «Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом? Ведь это всё, что ни описано здесь, это всё наше, — хорошо ли это? А что скажут иностранцы? Разве весело слышать дурное мнение о себе? Думают, разве это не больно? Думают, разве мы не патриоты?» (см.: Гоголь VI: 243).

В качестве одной из возможных версий можно предположить, что для Гоголя, размышляющего о восприятии «Мертвых душ», была актуальна история с книгой Кенига.

Хотя у Гоголя ни в переписке, ни в сочинениях «Очерки русской литературы» Кенига ни разу не упомянуты, целый ряд фактов свидетельствует о том, что и о самой книге, и о полемике, разгоревшейся вокруг нее, он знал. Во-первых, в 1838—39 гг. Гоголь тесно общался с главным корреспондентом Мельгунова — Шевыревым. В свой приезд в Москву в 1839 г. он жил в доме у Погодина, куда часто заходил Мельгунов. Но подробнее всего об «Очерках...» Гоголь мог услышать от И. М. Виельгорского, с которым много говорил как раз в 1839 г. Незадолго до этого, когда больной Виельгорский на пути в Рим останавливался в Эмсе, к нему из Ганау приезжал Кениг. В это время он готовил к печати очередную полемическую статью в защиту своих «Очерков...». Барон Е. Ф. Розен, присутствовавший при встрече Кенига и Виельгорского, вспоминал, что приехавший говорил «только о книге его и о русской литературе». По-видимому, Кениг говорил очень резкие вещи, вызвавшие удивленную реплику Розена: «Ужели г-н Кениг все напечатает?» (цит. по: Лямина, Самовер: 362–363).

Гоголь в некоторой степени был таким же литературным врагом Булгарина, как и Кениг — его слава мешала формированию мифа о Булгарине как о ведущем русском писателе. Поэтому рассказ о действиях Булгарина против книги Кенига и особенно об упреках в антипатриотизме, которые посыпались в адрес Мельгунова, не мог не заинтересовать Гоголя. Он еще раз мог убедиться, насколько сильны позиции Булгарина в формировании общественного мнения и те стереотипы литературной полемики, которые им и его окружением навязывались.

Таким образом, Гоголь делал предмет своей художественной рефлексии не только тип личности Булгарина (продолжая в этом эпиграммы 1820-х — 1830-х гг.) и те приемы, которые он применял в своей литературной деятельности, но и его стиль, и его отношение к творчеству. Вслед за Гоголем в таком же духе осмыслили фигуру Булгарина и другие писатели.

Образ Булгарина в «Живом мертвце» В. Ф. Одоевского

Литературные взаимоотношения В. Ф. Одоевского и Булгарина никогда не были предметом специального рассмотрения. Понимая невозможность в рамках нашей работы раскрыть эту тему, ограничимся лишь самыми беглыми замечаниями. Одоевский был журнальным оппонентом Булгарина с 1824 г., со времени издания «Мнемозины». Позже, будучи сотрудником пушкинского «Современника» и редактируя после смерти Пушкина совместно с П. А. Плетневым второй том журнала, он поместил там статью «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» с резкой критикой (но без называния конкретных имен) торгового направления в литературе и, в частности, литературной продукции Булгарина:

В этих произведениях не ищите убеждения, откровенности; не ищите новой точки зрения, которая делает рассказ занимательным, <...> не ищите и просто-сердечного естественного описания нравов и характеров; не ищите ничего девственного, невольно вылившагося из души... В сотнях томов, вместо силы — напыщенность, вместо оригинального — чудовищное, вместо остроты — площадная шутка, — и между тем все чужое, все неестественное, все несуществующее в наших нравах (Современник. 1836. Т. 2. С. 213–214).

От нападок Булгарина Одоевский защищал Пушкина и в неопубликованной статье 1836 г. «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» (см.: Заборова 1956).

В 1844 г. в «Отечественных записках» (Т. 32) была опубликована повесть Одоевского «Живой мертвец», написанная в 1838 г. Повествование в ней велось от имени умершего Василия Кузьмича Аристидова, который, потеряв свою земную оболочку, стал способен всюду проникать и все слышать. По ходу повести выясняется, что он лицемерно обманул своего коллегу-чиновника, которому клялся в дружбе, но не дал получить повышения, изменял жене с Каролиной Ивановной и Натальей Казимировной (которые, впрочем, сразу же о нем забыли), научил собственным примером своего камердинера воровать. Его старший сын, вспоминая наставления покойного отца, сначала пускает по миру свою двоюродную сестру, а затем отравляет своего младшего брата, чтобы убрать свидетеля. Отчаявшись от вида собственных злодейств, Василий Кузьмич заглядывает в разносимые газеты и читает о себе некролог:

А кто не любил сего достопочтенного мужа? <...> Кто не ценил его доброго и откровенного характера? Кто не уважал его семейные добродетели, нравственную чистоту? Посвящая всю жизнь трудам неусыпным, он, не желая отдать детей в общественное заведение, успевал лично заниматься их воспитанием и умел образовать в них подобных себе достойных сограждан (Одоевский 1950: 239).

В некрологе злодея Аристидова Одоевский пародирует стиль СП с ее установкой на создание условно-благонамеренного портрета любого, о ком помещается некролог, независимо от действительных заслуг и личных качеств покойного (о некрологах СП см. выше). Высмеивается Одоевским и тот «образ Булгарина», который постоянно рекламировался на страницах СП:

Здесь кстати заметить нашим врагам, завистникам, порицателям, нашим строгим ценителям и судьям, что почтеннейший Василий Кузьмич всегда отдавал нам справедливость: в продолжение многих лет был постоянным подписчиком и читателем нашей газеты... <на это Аристидов замечает: «никогда не подписывался — даром присылали... так... из угождения...». — *Т. К.*> Он знал и верил, что мы за правду готовы жизнью пожертвовать, что наше усердие, благонамеренность... чистейшая нравственность... участие публики... (Одоевский 1950: 239, 240).

Подчеркивает Одоевский и постоянную нацеленность Булгарина на рекламу своего товара. В конце некролога Аристидов читает:

Долгом считаем уведомить читателей, что нашей газеты на нынешний год остается немного экземпляров, и потому... подписка принимается у известного своей честностью и аккуратностью книгопродавца... (Там же: 240).

«Однако ж спасибо и негодяям за доброе слово», — комментирует прочитанное герой «Живого мертвеца». В конце повести оказывается, что все, что с ним случилось, было просто сновидением, и раскаявшийся было Аристидов возвращается к прежнему образу жизни. Оказывается, что сон был результатом чтения «какой-то фантастической сказки», явно противопоставленной по своему воздействию на читателя булгаринским текстам:

Ох, уж мне эти сказочники! Нет чтоб написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают! Вот уж запретил бы им писать! Ну на что это похоже? Читаешь и невольно задумаешься, — а там всякая дребедень и пойдет в голову: право бы, запретить им писать, так-таки просто, вовсе бы запретить... (Там же: 248).

Проблема нравственного влияния литературы на читателя и в связи с этим образ Булгарина как писателя, чье творчество подчинено прямо противоположной задаче — услаждающей и отупляющей читательскую аудиторию — оказалась актуальной для Ф. М. Достоевского. Процитированная реплика Аристидова становится эпиграфом к «Бедным людям».

Булгаринский подтекст в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского

В сложном идейном и стилистическом мире «Бедных людей» (1846) можно выделить довольно существенный булгаринский пласт. Причем следует заметить, что для Достоевского актуален не только сам Булгарин, произведения и публицистику которого автор «Бедных людей» хорошо знал, но

в большей степени его трактовка Белинским — кумиром Достоевского времени написания романа. Прежде всего, интерпретация Булгарина как типа писателя, данная Белинским, стала одной из составляющих образа литератора Ратазьева. Макар Девушкин восторгается его слогом:

Перо такое бойкое и слогу пропасть; то есть этак в каждом слове, — чего-чего, — в самом пустом, вот-вот в самом обыкновенном, подлом слове <...>, вот и тут у него слог есть (Достоевский I: 51).

Здесь мы слышим отголосок ироничного отзыва Белинского о языковом пуризме Булгарина. Называя слог «Ивана Выжигина» гладким и грамматически правильным, Белинский писал, что «<...> русские писатели, даже пользовавшиеся известностью, не отличались в родном языке такою чистотою и правильностию, как г. Булгарин в языке чуждом ему» (Белинский V: 203). Упоминал Белинский и похвалы в адрес болгаринского слога со стороны Н. Полевого (см.: Белинский VIII: 111). Характерно и то, что Девушкин подчеркивает в письме к Вареньке благонамеренность Ратазьева, противопоставляя его другим писателям:

<...> оно хоть и немного затейливо и уж слишком игриво, но зато невинно, без малейшего вольнодумства и либеральных мыслей. <...> Ратазьев прекрасного поведения и потому превосходный писатель, не то, что другие писатели (Достоевский I: 53).

Эта фраза отсылала к создаваемому Булгариным образу «верноподданного писателя»: превосходный писатель — тот, кто прекрасного поведения, без малейшего вольнодумства и либеральных мыслей.

Макар узнает от Ратазьева, что «литература — это картина, то есть в некотором роде картина и зеркало; страсти выражение, критика такая тонкая, поучение к назидательности и документ» (Достоевский I: 51). В этой формуле кратко передано содержание болгаринского предисловия к «Ивану Выжигину» и к собранию сочинений 1843—44 гг. с устойчиво повторяемым в них сравнением «благонамеренной сатиры» с волшебным зеркалом (заимствованным из журнальных текстов Екатерины II). Однако Ратазьев пишет не только в высоком роде, не чуждается он и легких жанров, и при этом умеет из всего делать деньги. По литературной плодovitости он вполне сопоставим с Булгариным:

Вот хоть бы и Ратазьев, — как берет! Что ему лист написать? Да он в иной день и по пяти писывал, а по триста рублей, говорит, за лист берет. Там анекдотец какой-нибудь или из любопытного что-нибудь — пятьсот, дай не дай, хоть тресни, да дай! а нет — так мы и по тысяче другой раз в карман кладем! (Там же: 51).

Но самое существенное в образе Ратазьева то, что он — писатель-лицемер. В письмах Макара есть вставной сюжет о бедном, но добродетельном чиновнике Горшкове, который неожиданно для всех окружающих выиграл судебный процесс и разбогател. После этого он ходит по квартире и все

время повторяет: «Честь моя, честь, доброе имя, дети мои». И вот Ратазиев, который писал свои сочинения с «поучением к назидательности», подходит к нему с поздравлениями:

«Что, батюшка, честь, когда нечего есть; деньги, батюшка, деньги главное; вот за что бога благодарите!» — и тут же его по плечу потрепал. Мне показалось, что Горшков обиделся, то есть не то чтобы прямо неудовольствие высказал, а только посмотрел как-то странно на Ратазиева да руку его с плеча своего снял (Достоевский I: 97–98).

Рассказ о Горшкове можно рассматривать как «воплощение в жизнь» сюжета болгаринской нравоописательной повести о бедном чиновнике, добродетель которого в конце вознаграждается. Но Достоевский полемизирует со счастливыми окончаниями подобных сочинений *à la Булгарин*: его добродетельный Горшков неожиданно умер.

Воспитанный на чтении СП Макар Девушкин высоко ценит сочинения Ратазиева: «Объядение, а не литература! Прелесть такая, цветы, просто цветы; со всякой страницы букет вяжи!». Он советует Вареньке творения Ратазиева читать, «когда конфетку во рту держите» (см.: Там же: 51, 56). Здесь мы видим прямую реминисценцию из болгаринской рецензии на «Повести Белкина»: «<...> несколько анекдотов (из коих некоторые давно известны), рассказанных весьма приятно, языком правильным и слогом, во многих местах, чрезвычайно живым. <...> Прочтешь точно так, как съешь конфет — и забыл!» (СП. 1831. № 288. 18 декабря. С. [4]).

Макар восхищен пушкинским «Станционным смотрителем», но его суждения о повести уже не столь банальны, как о творениях Ратазиева. Совершенно неприемлемой для него как читателя становится «Шинель» Гоголя. Характерно, что при этом Макар повторяет те же упреки в адрес Гоголя, которые, начиная с 1836 г. высказывались Булгариным на страницах СП. Достоевский хорошо знал эти болгаринские статьи. 1 февраля, после того, как Булгарин раскритиковал его «Бедных людей», он писал брату: «Но я помню, как встречали Гоголя» (Достоевский XXVIII, кн. 1: 117). Макар пишет о Башмачкине: «<...> это просто неправдоподобно, потому что и случится не может, чтобы был такой чиновник» (Достоевский I: 63). Ср. у Булгарина:

В существе нет и не бывало ни такого *Ревизора*, ни таких дворян Русских, ни таких женщин, ни таких судей, ни такого городничего. Это фарс и притом самый неправдоподобный <...> (СП. 1841. № 286. 20 декабря. С. 1142).

Макар не понимает гоголевского стиля. Знаменитое место в «Шинели», в котором описание унижений Акакия Акакиевича перебивается его словами: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «я брат твой» (Гоголь III: 144), Девушкин предлагает перевести на понятный ему язык нравоописательной прозы *à la Булгарин* с типичным положительным финалом:

<...> поместил бы, например, хоть после того пункта, как ему бумажки на голову сыпали: что вот, дескать, при всем этом он был добродетелен, хороший гражданин, такого обхождения от своих товарищей не заслуживал, послушествовал старшим (тут бы пример можно какой-нибудь), никому зла не желал, верил в бога и умер (если ему хочется, чтобы он уж непременно умер) — оплаканный. А лучше всего было бы не оставлять его умирать, беднягу, а сделать бы так, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тот генерал, узнавши подробнее об его добродетелях, переспросил бы его в свою канцелярию, повысил чином и дал бы хороший оклад жалованья <...> (Достоевский I: 63).

Эпизод чтения Макаром «Шинели», как заметил еще С. П. Шевырев, — поворотный в развитии сюжета «Бедных людей». С этого момента становится очевидным весь ужас реального положения Макара и развитие повествования стремительно движется к трагической развязке. Как нам представляется, Достоевский ориентировался на характеристику гоголевского творчества, данную Белинским, писавшим, что Гоголь глубоко проникает в сущность жизни, видит противоположность «<...> идеала жизни — с действительностью жизни» (см.: Белинский V: 567). В отличие от героя «Живого мертвеца» Одоевского, Макар Девушкин, прочтя гоголевскую повесть, оказался лицом к лицу с трагической реальностью своей жизни.

Однако параллельно с «внешним» (событийным) сюжетом в «Бедных людях» есть и «внутренний» — история поиска Макаром своего слога. Если «внешний» сюжет заканчивается трагически, то «внутренний» — напротив. Последнее письмо Макара свидетельствует о том, что из жалкого подражателя Ратаязева он стал человеком с сильным и выразительным стилем. Развивая мысль Белинского о том, что Гоголь своими сочинениями убил старую риторическую школу, Достоевский показал, как прочтение гоголевской «Шинели» разбудило творческое сознание одного из бывших поклонников болгаринской литературной манеры.

Образ Булгарина в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» Н. А. Некрасова

Во второй части автобиографического романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», законченной к 1847 г. Булгарин выведен в главе «Почтеннейший». У Некрасова, печатавшегося в 1838—39 гг. в «Сыне Отечества» и в «Библиотеке для чтения», был личный опыт общения с Булгариным. В июне 1841 г. он сообщал приятелям: «был у Булгарина, рядился с ним и про<чее>» (Некрасов 2006: 86)⁶⁰. В 1843 г. Некрасов поместил в «Отечественных записках» отрицательную рецензию на болгаринские «Очерки русских нравов». С 1845 г. по 1846 гг., когда появились

⁶⁰ Изучение литературных отношений Булгарина и Некрасова — тема отдельного исследования, подробный материал для которого собран в первом томе «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» (см.: Некрасов 2006).

изданные Некрасовым совместно с Белинским альманахи «Физиология Петербурга» (ч. 1–2, СПб., 1845) и «Петербургский сборник (СПб., 1846), Некрасов сделался объектом постоянных нападок со стороны Булгарина и в СП, и в доносах в III Отделение. Некрасов со своей стороны, продолжая традицию 1820—1830-х гг., поместил в 1846 г. в альманахе «Первое апреля» анонимную эпиграмму на Булгарина, в которой суммировал все более ранние эпиграмматические сюжеты: и его «фиглярство» — умение изменять позицию в зависимости от обстоятельств, и его литературное позерство, и его низкие моральные качества:

Он у нас осьмое чудо —
У него завидный нрав.
Неподкупен — как Иуда,
Храбр и честен — как Фальстаф.
С бескорыстностью жидовской,
Как хавронья мил и чист,
Даровит — как Тредьяковской,
Столько ж важен и речист.
Не страшитесь с ним союза,
Не разладитесь никак:
Он с французом — за француза,
С поляком — он сам поляк,
Он с татаринцом — татарин,
Он с евреем — сам еврей,
Он с лакеем — важный барин,
С важным барином — лакей.
Кто же он? ... <Фаддей Булгарин,
Знаменитый наш Фаддей>

(цит. по: Русская эпиграмма 1988: 371)

К еще большему обострению отношений привела успешная деятельность Некрасова как редактора «Современника». В 1847 г. в «Библиотеке для чтения» появился роман Булгарина и Н. А. Полевого «Счастье лучше богатства», где в образе журналиста-махинатора Куропаткина был выведен Некрасов⁶¹. В 1848 г. в записке в III Отделение Булгарин писал:

Некрасов самый отчаянный коммунист; стоит прочесть стихи его и прозу в «С.-Петербургском альманахе», чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции! (Булгарин 1998: 557).

К 1847 г. Некрасов закончил вторую главу автобиографического романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», где показал литературную тактику Булгарина-журналиста. Некрасов развивал фельетонно-водевильный образ издателя СП вслед за П. Каратыгиным, И. И. Панаевым (см. его «Портретную галерею» — Литературная газета. 1840. 17 января, 10, 24 фев-

⁶¹ См. также наблюдения над поэтикой романа: Вершинина 2007: 38–42.

раля, 6 марта) и Ф. А. Кони, который вывел Булгарина под именем журналиста-взяточника Задарина в 1840 г. в водевиле «Петербургские квартиры».

Тихон Тростников после мытарств почти нищей жизни в Петербурге становится сочинителем. Его первое литературное творение — книгу стихов — Почтеннейший обругал, и Тихон в заказанном ему одним актером водевиле дал ему самую «гнусную роль», основанную на «некоторых проделках его, известных всему городу» (см.: Некрасов 1984: 175). Почтеннейший (вспомним, что это то самое слово, которое все время употреблял журналист «одной ходячей газеты» во второй редакции гоголевского «Портрета»), который явно стремится воспрепятствовать появлению водевиля, сначала пытается помириться с Тихоном. Некрасов, явно ориентируясь на образ Булгарина в «Театральном разъезде...» Гоголя, моделирует болгаринскую речь с характерными интонациями и повторами:

Я не в вас, я не в вас <..> Рассердились, вспылили...молодость! молодость! Разругали ваши стихотворения... прекрасные стихотворения... украшение литературы... поэзия, чистая поэзия!..

Ради теперешней цели Почтеннейший готов изменить свою оценку книги:

Впрочем, беда не велика, не велика... можно поправить, сказать: по ошибке... написать другую статейку... Похвалить... публика дура... публика дура!.. (Там же: 175–176).

Он говорит, что напишет хвалебную рецензию на водевиль, где сравнит Тихона с Мольером, и осторожно начинает выспрашивать о том, нельзя ли не упоминать его в готовящемся водевиле. При этом характерно, что Почтеннейший повторяет все устойчивые болгаринские автохарактеристики — от вояки-правдолюбца до сентиментального семьянина — и пытается сохранить маску правдивого и благонамеренного писателя:

...говорят, вы там вывели журналистов... хорошее дело, хорошее... злоупотребления обличать должно, первый долг... первый долг добросовестного писателя.

Я служил... провел пятнадцать лет на коне... теперь я старик... что мне жизнь?... Будь что будет!.. только одно — не один я погибну... не один... жена, дети...

У меня много врагов, много... Добросовестные литераторы всегда имеют много врагов...

На свете нет людей ни оклеветанных, ни ограбленных мною (Некрасов 1974: 176–177).

Тихон иронизирует, что в водевиле выведен отчаянный злодей, каким Почтеннейший, по его собственным словам, вовсе не является. Тогда Почтеннейший признается в том, что

страшный негодай и бездельник, который торгует своими мнениями, обманывает публику, обирает портных и сапожников, пишет за деньги похвалы конди-

терам и сигарочным фабрикантам, гонит талант, поощряет бездарность (Некрасов 1974: 177), —

это он самый и есть. Видя, что и такой ход не изменяет намерений Тихона, он берет его под руку и идет с ним по улице, обнимая, чтобы все видели, что они друзья. Кроме того, для того, чтобы рассеять слухи, что гнусный негодяй в водевиле — это он, Почтеннейший собирается хвалить водевиль и все творения Тихона и его друзей. Однако на прощание он переходит на тон угроз:

берегитесь... почтеннейший... я приму другие меры... сильные меры приму... вот увидите... со мною бороться тяжело... тяжело...

Проходящий мимо актер поясняет Тихону: «Он пойдет жаловаться в полицию» (Там же: 179).

Таким образом, в образе Почтеннейшего Некрасов подробно перечислил все ходы болгаринской тактики по борьбе с критикой в свой адрес, как бы суммировав все то, что писали по этому поводу современники, начиная с 1824 г.

Итак, даже из самого фрагментарного очерка художественной рефлексии современников над типом личности и литературной тактикой Булгарина мы видим, что болгаринское отношение к творчеству как к литературной продукции, как и постановка во главу угла коммерческих интересов, были отвергнуты. Закономерно, что в конце 1840-х гг. еще при жизни Булгарин практически выпал из литературы, а его произведения были забыты. Так продолжалось практически до самого недавнего времени, когда по внелитературным обстоятельствам его фигура вновь стала актуальна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы попытались показать в своей работе, «феномен Булгарина» продуктивнее всего изучать с точки зрения его литературной тактики — общей линии поведения на литературном поприще. Некритическое отношение к автоописаниям и различным свидетельствам Булгарина искажает не только психологический портрет и биографию этого литератора, но и реальную картину литературного процесса второй четверти XIX в.

Подробно рассмотренные нами в первой главе обстоятельства начала литературной карьеры Булгарина ставят под сомнение тиражируемые им и подхваченные некоторыми исследователями заверения в том, что он вошел в русскую литературу как сложившийся польский литератор, и в том, что его успехам способствовали исключительно литературные таланты и «любовь к профессии».

Заметим, что биография Булгарина до 1825 г. нуждается еще в подробном и тщательном изучении с привлечением самого широкого контекста. Многие эпизоды остаются до сих пор неясными. Приведем лишь один, хотя и достаточно выразительный пример. Исходя из существующих исследовательских схем, трудно объяснить факт написания А. Я. Стороженко (1790—1858) в Гамбурге 2 мая 1814 г. стихотворного «Письма к Ф. В. Булгарину». В нем автор — в ту пору адъютант начальника артиллерии русской армии, участник Бородинского сражения, награжденный шпагой «За храбрость» (а позднее крупный полицейский чиновник, обер-полицмейстер Варшавы) — в жанре дружеского послания описывает Булгарину как сослуживцу и давнему знакомому подробности своего армейского быта (см.: Стороженки I: 229). Ни в тоне, ни в содержании стихотворения никак не вычитывается понимание автором драматизма положения Булгарина — оставшегося не у дел пленного французского офицера, бывшего перебежчика из русской армии. Нельзя не признать, что автоописания Булгарина были достаточно влиятельными и достаточно долго позволяли ему эффективно выстраивать свою литературную биографию.

Мы стремились продемонстрировать, что без учета проблемы литературной тактики изучение поэтики булгаринских сочинений тоже малорезультативно. Так, героизация событий в повестях о финской кампании 1808—1809 г. связана, на наш взгляд, со стремлением Булгарина, отставного капитана французской службы, возвысить и оправдать свою военную биографию в связи с ходатайством о получении русского чина. Сентиментально-идиллические тона, в которых Булгарин преподносит читателям свои отношения с Грибоедовым в «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», выглядят откровенной литературной позой на фоне разворачивающейся в это время его борьбы с наследницами комедиографа за авторские права на текст «Горе от ума». Перенасыщенность текста «Летней прогулки по Финляндии и Швеции...» навязчивой

саморекламой объясняется тем, что Булгарин полемизировал с критикой в свой адрес в «Очерках...» Г. Кенига и т.д.

Тщательное рассмотрение контекста и комментирование отсылок к реальным событиям литературной и политической жизни России того времени прояснит многое и в романах «Памятные записки титулярного советника Чухина...» и «Иван Выжигин». Исследование поэтики и генезиса образов и мотивов самого известного булгаринского романа показало, что причиной его популярности были вовсе не художественные достоинства. Как нам представляется, гораздо больше для объяснения успеха «Выжигина» дает реальный комментарий к этому тексту, наполненный отсылками к действительным событиям и намеками на конкретных лиц (опыт такого прочтения см.: Березкина 2004: 241; Вершинина 2007: 9). Занимательность и злободневность сюжета привлекала читателей и даже давала некоторым из них видеть в «Иване Выжигине» чуть не оппозиционное сочинение. Сенатор П. Г. Дивов после выхода романа отмечал в своем дневнике:

В этом романе <...> правдиво изображены злоупотребления мелких чиновников судебного ведомства и полиции. Стремление покупать это сочинение (хотя оно и дорого стоит) огорчает меня, так как это доказывает склонность публики критиковать действия правительства (цит. по: Троцкий 1990: 185).

Безусловно, ни о какой оппозиционной критике правительства речи в романе нет. Наоборот, автор всячески подчеркивал свою благонамеренность, в частности, вводом неподкупных чиновников и полицейских, и осторожным предисловием, где писал о пользе благонамеренной сатиры, исправляющей нравы, со ссылкой на Екатерину II. Однако для привлечения внимания читателей Булгарин ввел в роман и знакомые ему сюжеты о судебных злоупотреблениях. Позже он сам писал о конкретных прототипах своих героев. См., например, в одной из записок в III Отделение о неблагонадежном поляке Рачинском:

Он есть тот самый, которого Булгарин называет в романе «Выжигин» Дурачинским. У него бывают все приезжающие поляки. Он коротко знал содержащихся в крепости злоумышленников, которые по выпуске из крепости тотчас являлись к нему (Булгарин 1998: 399).

Рассмотрение творчества Булгарина с точки зрения литературной тактики заставляет еще раз поставить актуальный для современного литературоведения вопрос о необходимости внимательного и подробного изучения контекста. В случае писателей так называемого «торгового направления» имманентный анализ их творчества малопродуктивен. Их успешное функционирование в литературе, как показывает пример Булгарина, было возможно лишь при постоянной ориентации на прагматику своих текстов. Для того чтобы сформировать предпочтения читателя, необходимо было постоянно бороться за него: рекламировать свой товар, создавать выгодное представление о себе в глазах властей и «потребителя», использовать

в своих целях любую критику своего творчества и своей личности, или в случае необходимости бороться с ней всеми доступными средствами. Как мы показали на примере истории борьбы с книгой Г. Кенига, Булгарин овладел этим ремеслом в совершенстве, успешно справляясь не только с местными, но и с зарубежными оппонентами.

С точки зрения литературной тактики следует рассматривать и деятельность Булгарина как редактора СП. Он, как мы постарались показать, реализовывал ту программу действий благонамеренного литератора, которую сам предлагал в записках в III Отделение: внедрял, говоря языком XX века, официальную идеологию в массовое сознание, используя для этой цели элементы поэтики низовой литературы. Булгаринская деятельность в этом отношении была вполне успешной: СП пользовалась огромной популярностью особенно у провинциального читателя. В 1834 г. А. В. Никитенко записал впечатление от бала в доме петрозаводского чиновника:

<...> кавалеры все очень необразованны: ничего не читают, кроме «Северной пчелы», в которую веруют как в священное писание. Когда ее цитируют — должно умолкнуть всякое противоречие (Никитенко 1955: 150).

Изучение участия Булгарина в создании официального языка николаевской эпохи, рассмотренное нами на примере некрологов и сюжетов о национальных бедствиях в СП, должно быть продолжено. Булгарин навязывал массовому читателю стереотипное, построенное на идеологических штампах восприятие действительности, официозную систему ценностей (благонамеренность, достаток, чин), отношение к искусству как к приятному времяпрепровождению. Используемые им механизмы обработки массового сознания активно применялись и впоследствии.

Заслуживает дальнейшего изучения и начавшаяся в 1820-х гг. рефлексия современников над литературной тактикой Булгарина, его влиянием на литературный процесс и массовое сознание. Как мы показали, булгаринский подтекст обнаруживается в произведениях Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, В. Ф. Одоевского, Н. А. Некрасова вплоть до романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1929 г.). Образ читателя СП в русской литературе может стать темой отдельного исследования. В нем, наряду с майором Ковалевым, Поприциным и Макаром Девушкиным, будет и Карл Иванович из «Детства» и «Отрочества» Л. Н. Толстого, который постоянно читал только «Северную пчелу» и три книги, составляющие его библиотеку: немецкую брошюру об унавоживании огородов под капусту, один том Семилетней войны и полный курс гидростатики. По литературным штампам СП он и выстраивал историю своей жизни. Продуктивно было бы подробно изучить отображение образа Булгарина в водевильно-фельетонной традиции (например, в произведениях Ф. А. Кони, К. Н. Лебедева, И. И. Панаева, М. А. Яковлева), а также в сатирической традиции в целом — вплоть до сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина, посмотреть, как

трансформируется рефлексия над типом личности Булгарина в современной художественной прозе⁶².

Классики русской литературы отвергли болгаринский подход к литературе как к материалу для коммерческой деятельности и показали, что литературное и журналистское творчество Булгарина имело отупляющее воздействие на читателя. Своим творчеством они противостояли «болгаринскому пути» как возможному сценарию развития русской литературы. Это тем интереснее, что в современной нам культуре «феномен Булгарина» становится все более востребованным.

Со снятием идеологических запретов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. стало возможным беспристрастное научное изучение личности Булгарина. Однако необычайно возросший интерес к его фигуре и, в частности, тот реабилитирующий тон в современном болгариноведении, о котором мы писали во Введении, во многом связан с вненаучными факторами. Дело не только в стремлении пересмотреть идеологические оценки прошлого (что характерно, например, для работ М. Салупере и др.), но и в том, что тип Булгарина оказался близок современной эпохе. Успешные ходы его литературной тактики — разнообразные формы саморекламы вплоть до использования в этих целях критики в свой адрес, умелая организация борьбы с литературными конкурентами, налаживание взаимовыгодных контактов с властными структурами — весьма востребованы сегодня. Характерно, что в предисловии к новейшему переизданию болгаринских очерков, объясняя актуальность фигуры Булгарина, один из составителей так и пишет:

Качества Булгарина-журналиста, зачастую в штыки воспринимаемые его современниками, — быстрый отказ от собственных оценок, погоня за легким успехом, несоблюдение эстетических принципов и т.п. — со временем утвердятся как профессиональные качества журналиста, а тогда журналистский «профессионализм» только начинал осваиваться (Денисенко 2007: 15).

Это утверждение тем любопытнее, что «профессиональные качества журналиста» оказывается возможным, вопреки русской классической традиции, однозначно отождествить с конъюнктурностью и цинизмом. Поэтому трудно не посочувствовать мнению Л. М. Лотман, считающей, что борьба Пушкина как олицетворения всех высоких гуманистических принципов русской литературы и Булгарина «<...> еще не завершена, что в нашей культуре живы семена, посеянные этими антиподами, и что бесстрастная объективность в отношении к их конфликту невозможна» (Лотман Л. 2005: 33).

Гуманитарные знания, как неоднократно подчеркивалось, неизбежно включают в себя субъективный фактор, что осложняет работу исследова-

⁶² Например, в романе Н. А. Филатова «Тайные розыски, или шпионство: правдивое жизнеописание офицера российской секретной службы, литератора и патриота Фаддея Венедиктовича Булгарина» (СПб., 2006).

теля, однако это не избавляет от необходимости стремиться к научной объективности. Именно это имел в виду В. Э. Вацуро, когда в 1998 г. писал: «<...> лишь фронтальное, широко документированное исследование “феномена Булгарина” позволит ясно представить себе процессы, шедшие в русском обществе и литературе с начала 1820-х гг.» (Вацуро 2003: 320). Наблюдаемый сегодня интерес к личности Булгарина провоцирует нас расширить мысль Вадима Эразмовича в том, что всестороннее и корректное изучение этого феномена позволит прояснить и те процессы, которые происходят в современном обществе и культуре.

Настоящей работой нам хотелось внести свой вклад в эти исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Барсуков 1892: *Н. Барсуков*. Жизнь и труды М. П. Погодина: Т. I—XXII. СПб., 1888—1910. Т. V.
- Бартенев 1925: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860-х годах / Вступительная статья и примечания М. Цявловского. М. — Л., 1925. (Записи прошлого. Вып. 4).
- Белинский: *В. Г. Белинский*. Полное собрание сочинений: Т. I—XIII. М., 1953—1959. Т. V, VIII, IX, XI.
- Бестужев 1956: Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому (1823—1825) / Публикация и комментарий К. П. Богаевской // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60: Декабристы-литераторы. [Ч.] II. Кн. 1. С. 191—230.
- Бестужев 1958: *А. А. Бестужев-Марлинский*. Сочинения: В 2 т. / Составление П. А. Сидорова. Подготовка текста Н. Н. Маслина, примечания Л. В. Домановского и Н. Н. Маслина. М., 1958. Т. II: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма.
- Бестужевы 1951: Воспоминания Бестужевых / Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского. М. — Л., 1951.
- Боратынский 2002: *Е. А. Боратынский*. Полное собрание сочинений и писем. М., 2002. Т. II. Ч. 1.
- Борн 1979: *И. М. Борн*. На смерть Радищева // Поэты-радищевцы / Вступительная статья, биографические справки, составление и подготовка текста П. А. Орлова. Примечания П. А. Орлова и Г. А. Лихоткина. Л., 1979. С. 187—189.
- Булгарин 1821: Избранные оды Горация, с комментариями, изданные Ф. Булгариным, действительным членом Санкт-Петербургских обществ любителей российской словесности, и любителей словесности, наук и художеств. СПб., 1821.
- Булгарин 1824: *Ф. Булгарин*. Военная жизнь. Письмо к Н. И. Гречу / Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 1. С. 14—22; № 2. С. 3—50.
- Булгарин 1827—1828: Сочинения Фаддея Булгарина: Т. I—V. СПб., 1827. Т. I. Ч. 1; 1828. Т. III. Ч. 5; 1828. Т. IV. Ч. 8.
- Булгарин 1830: Сочинения Фаддея Булгарина: Ч. 1—12. СПб., 1830. Ч. 1.
- Булгарин 1835: Памятные записки титулярного советника Чухина, или простая история обыкновенной жизни: Ч. 1—2. Сочинение *Фаддея Булгарина*. СПб., 1835.
- Булгарин 1836: Сочинения Фаддея Булгарина: Ч. 1—3. СПб., 1836. Ч. 1.
- Булгарин 1838: *Ф. В. Булгарин*. К портрету Николая Ивановича Греча. СПб., 1838.

- Булгарин 1839: Летняя прогулка по Финляндии и Швеции, в 1838 году Фаддея Булгарина: Ч. 1–2. СПб., 1839. Ч. 2.
- Булгарин 1843: Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина: Новое сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное: Т. I–VI. СПб., 1839—1844. Т. V, VI.
- Булгарин 1843а: Суворов: Сочинение Фаддея Булгарина. СПб., 1843.
- Булгарин 1846: Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: Ч. I–VI. СПб., 1846—1849. Ч. I, III.
- Булгарин 1859: Письмо Ф. В. Булгарина: Из собрания автографов, принадлежащего Г. Н. Геннади // Библиографические записки: Периодическое издание 1859 года. Т. II. № 20. Стб. 621–623.
- Булгарин 1877: Письма Фадея Булгарина к Иоахиму Лелевелю: Материалы для истории русской литературы: 1821—1830. Варшава, 1877.
- Булгарин 1990: *Ф. Булгарин*. Сочинения / Составление, вступительная статья и примечания Н. Н. Львовой. М., 1990.
- Булгарин 1998: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Издание подготовил А. И. Рейтблат. М., 1998.
- Булгарын 2003: *Ф. Булгарын*. Выбранае / Укладанне, прадмова і каментар А. Фядуты. Мінск, 2003.
- Вигель 2000: *Ф. Ф. Вигель*. Записки. М., 2000.
- Восстание декабристов: Восстание декабристов: Материалы: Т. I–XVIII. М; Л., 1925—1990. Т. I, II, VIII, XII, XIV, XV, XVI.
- Вяземский 1868: Письма к И. И. Дмитриеву князя П. А. Вяземского // Русский архив. 1868. № 4–5. С. 583–658
- Глинка 1819: Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его, изданных с примечаниями Сергеем Глинкою. М., 1819.
- Гоголь: *Н. В. Гоголь*. Полное собрание сочинений: Т. I–XIV. [М. — Л.], 1940—1952. Т. III, V, VI, VIII.
- Грибоедов 1980: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Вступительная статья, составление и подготовка текста С. А. Фомичева. Комментарии П. С. Краснова и С. А. Фомичева. М., 1980.
- Грибоедов 2006: *А. С. Грибоедов*. Полное собрание сочинений: В 3 т. СПб., 1995—2006. Т. III.
- Греч 1930: *Н. И. Греч*. Записки о моей жизни / Под редакцией и с комментариями Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М. — Л., 1930.
- Грот, Плетнев 1896: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: Т. I–III / Под редакцией К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I.
- Достоевский: *Ф. М. Достоевский*. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. I, XXVIII. Кн. 1.
- Екатерина II 1770: Наказ ее императорского величества Екатерины Второй самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1770.
- Жуковский 1902: Письма В. А. Жуковского к разным лицам // Русская старина. 1902. Т. 110. № 4. С. 177–188.

- Измайлов 1871: Письма А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву // Русский архив. 1871. № 7–8. Стб. 961–1014.
- Карамзин 1866: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Примечания Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866.
- Карамзин 1984: *Н. М. Карамзин*. Сочинения: В 2 т. / Составление, вступительная статья и комментарий Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 2.
- Каратыгин 1929: *П. А. Каратыгин*. Записки: [Ч.] 1–2 / Новое издание по рукописи под редакцией Б. В. Казанского при участии Ю. А. Нелидова, Ю. Г. Оксмана и Н. С. Цемша. Л., 1929. Ч. 1.
- Каратыгин 1830: Знакомые незнакомцы: Комедия-водевиль в одном действии: Соч. П. Каратыгина. СПб., 1830.
- Касьянов 1875: Наши чудоеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода: Составил Касьян Касьянов. СПб., 1875.
- Кениг 1862: Очерки русской литературы: Перевод сочинения Кенига “*Lite-rarische Bilder aus Russland*”. СПб., 1862.
- Кюхельбекер 1979: *В. К. Кюхельбекер*. Путешествие. Дневник. Статьи / Издание подготовили [М. Г. Альтшуллер], Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979.
- Мельгунов 1839: [*Н. А. Мельгунов*]. История одной книги. СПб., 1839.
- Муханов 1991: *П. А. Муханов*. Сочинения. Письма / Издание подготовлено Г. В. Чагиным. Иркутск, 1991.
- Неверов 1989: *Я. М. Неверов*. Тимофей Николаевич Грановский // Русское общество 30-х годов: Люди и идеи: Мемуары современников / Под редакцией И. А. Федосова. М., 1989. С. 335–357.
- Некрасов 1984: *Н. А. Некрасов*. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1981—. Т. VIII.
- Никитенко 1955: *А. В. Никитенко*. Дневник: В 3 т. / Подготовка текста, вступительная статья и примечания И. Я. Айзенштока. 1955—1956. Т. I: 1826—1857.
- ОА: Остафьевский архив князей Вяземских: Т. I–V / Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова. СПб., 1899—1913. Т. III: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым: 1824—1836.
- Одоевский 1950: *В. Ф. Одоевский*. Живой мертвец // Русские повести XIX века 20-х — 30-х гг. / Подготовка текста и примечания Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1950. С. 227–248.
- Павлов 1897: Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Краевскому // Русский архив. 1897. № 3. С. 445–463.
- Перовский 1901: О народном просвещении в России: Всеподданейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского: 20 апреля 1826 г. // Русская старина. 1901. Т. 106. № 5. С. 363–367.
- Петербургские трактиры 2006: Петербургские трактиры и рестораны / Составление, статья, примечания А. М. Конечного. СПб., 2006.
- Победы 1815: Победы князя Итальянского, графа А. В. Суворова Рымникского. М., 1815.

- Полевой 1843: *Н. А. Полевой*. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843.
- Пташицкий 1878: *С. Л. Пташицкий*. Иоахим Лелевель как критик «Истории государства Российского» сочинения Карамзина. Переписка с Ф. В. Булгариным, 1822—1830 // Русская старина. 1878. Август. С. 633—656.
- Русская эпиграмма 1988: Русская эпиграмма: XVIII — начало XX века / Составление и примечания М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан. Л., 1988.
- Рылеев 1934: *К. Ф. Рылеев*. Полное собрание сочинений / Редакция, вступительная статья и комментарий А. Г. Цейтлина. М. — Л., 1934.
- Рылеев 1954: Письма Рылеева: Письма к Ф. В. Булгарину, А. Ф. Воейкову, П. А. Вяземскому, Д. И. Завалишину, Н. А. Маркевичу, в Московский цензурный комитет, Ф. А. Рылееву / Составила Л. Н. Назарова // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59: Декабристы-литераторы. [Ч.] 1. С. 137—155.
- Собрание писем 1814: Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни графа А. В. Суворова: 3-е издание. М., 1814.
- Сосновский 1874: [*Т. А. Сосновский*] А. С. Грибоедов: Биографический очерк по подлинным его письмам // Русская старина. 1874. № 6. С. 279—308.
- Стасов 1903: [*В. В. Стасов*]. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Июнь. С. 643—671.
- Стороженки: Стороженки: Фамильный архив: Т. I—VIII. Киев. 1902—1907. Т. I.
- Усов 1883: *П. С. Усов*. Ф. В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни (1850—1859) // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1883. Т. XIII. № 8. С. 284—331.
- Шевырев 1839: *С. Шевырев*. Дорожные эскизы на пути из Франкфурта в Берлин // Отечественные записки. 1839. Т. III. [Раздел] 3: Словесность. С. 101—130.
- Шаховской 1961: *А. А. Шаховской*. Комедии. Стихотворения / Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. А. Гозенпуда. Л., 1961.
- Штейнгель 1885: *В. И. Штейнгель*. Сочинения и письма: Т. I—II / Издание подготовлено Н. В. Зейфман, В. П. Шахеровым. Иркутск, 1985. Т. I: Записки и письма.
- Эпиграмма 1931: Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX-го века: Т. I—II / Составил В. Орлов. М. — Л., 1931. Т. I: 1800—1840.
- Языковский архив 1913: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) / Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913. Языковский архив. Вып. 1.
- Якушкин 1889: *В. Е. Якушкин*. К литературной и общественной истории, 1820—1830 гг. // Русская старина. 1889. Февраль. С. 319—330.

Булгарин 1828—1834:

Thaddäus Bulgarins sämtliche Werke. Aus dem Russischen übersetzt von A. Oldekop, Leipzig: Cnogloch, 1828, 4 B-de.

Gemälde des Türkenkrieges im Jahre 1828, Aus dem Russischen übersetzt von A. Oldekop, St. Petersburg, 1828.

Iwan Wuischigin. Moralisch-satirischer Roman. Aus dem Russischen übersetzt von A. Oldekop, St. Petersburg, Leipzig, 1830, 4 B-de.

Iwan Wischygin oder der russische Gil Blas. Aus dem Russischen übersetzt von A. Kaiser, Leipzig, 1830, 3 B-de.

Peter Iwanowitsch. Russisches Charakterbild als Fortsetzung des Iwan Wischygin. Übertragen von F. Nork, Leipzig, 1834, 3 B-de.

Булгарин 1996: *Faddei Bulgarin*. Sotilaan Sydän. Suomen sodasta Engelin Helsinkiin / Toimittanut ja suomentanut Marja Itkonen-Kaila. Helsinki, 1996.

Gretsch 1840: H. Koenigs Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt von N. Gretsch. Berlin, 1840; H. Koenig und seine Lügen. Hamburg, 1840.

Koenig 1840: N. Gretsch und die russische Literatur in Deutschland. Hanau, 1840.

Otto 1837: Lehrbuch der russischen Literatur von Dr. Friedrich Otto. Leipzig und Riga, 1837.

Wolfsohn 1843: *Wilhelm G. Wolfsohn*. Die Schönwissenschaftliche Literaturer Russen. Leipzig, 1843.

Исследования

Акимова 1996: *Н. Н. Акимова*. Булгарин и Гоголь: Массовое и элитарное в русской литературе: Проблема автора и читателя // Русская литература. 1996. № 2. С. 3–22.

Акимова 1996а: *Н. Н. Акимова*. Булгарин и Гоголь: Литературная биография и литературная репутация // Русская литература. 1996. № 3. С. 3–18.

Акимова 2002: *Н. Н. Акимова*. Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002.

Алексеев 1937: *М. П. Алексеев*. Пушкин на Западе // Пушкин: Временник пушкинской комиссии. М. — Л., 1937. [Вып.] 3. С. 104–151.

Алтунян 1998: *А. Г. Алтунян*. «Политические мнения» Фаддея Булгарина: Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. М., 1998.

Альтшуллер 1996: *М. Альтшуллер*. Исторические романы Фаддея Булгарина // М. Альтшуллер. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996. С. 108–131.

Архипова 1999: *А. В. Архипова*. Эстетические воззрения и литературная критика декабристов // Очерки истории русской литературной критики. В 4 т. СПб., 1999 — . Т. I: VIII — первая четверть XIX в. С. 269–342.

- Бабинцев 1960: *С. М. Бабинцев*. К истории первого петербургского издания «Горя от ума» // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 3. С. 426–431.
- Базанов 1949: *В. Базанов*. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.
- Бегунова 2000: *А. Бегунова*. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000.
- Березкина 2004: *С. В. Березкина*. Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник пушкинской комиссии: Сборник научных трудов. СПб., 2004. Вып. 29. С. 226–247.
- Ботникова 1967: *А. Б. Ботникова*. Книга Г. Кенига «Литературные картины России» // Сборник материалов 2-й научной сессии вузов центрально-черноземной зоны: Литературоведение. Воронеж. 1967. С. 114–136.
- Вайскопф 1993: *М. Вайскопф*. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
- Вацуро 1973: *В. Э. Вацуро*. От бытописания к «поэзии действительности» // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 217–222.
- Вацуро 1994: *В. Э. Вацуро*. Встреча: Из комментариев к мемуарам о Карамзине // В. Э. Вацуро. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 135–150.
- Вацуро 2003: *В. Э. Вацуро*. Пушкин и литературное движение его времени / Подготовка текста и публикация Т. Ф. Селезневой и А. Я. Чачбы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 307–336.
- Вершинина 1999: *Н. Л. Вершинина*. Пушкин и Булгарин: к проблеме исторического повествования // Болдинские чтения / Под редакцией Н. М. Фортунатова. Нижний Новгород, 1999. С. 116–125.
- Вершинина 2007: *Н. Л. Вершинина*. Одиссея Булгарина // Ф. В. Булгарин. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого / Составление, вступительная статья и комментарий Н. Л. Вершининой. М., 2007.
- Весин 1881: *С. Весин*. Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб., 1881.
- Воробьева 1995: *Н. П. Воробьева*. О круге чтения Ф. В. Булгарина: По материалам его библиотеки // Чтение в дореволюционной России: Сборник научных трудов / Составление и научная редакция А. И. Рейтблата. М., 1995. С. 79–90.
- Гарусов 1874: *И. Д. Гарусов*. Александр Сергеевич Грибоедов: Обзор всех изданий «Горе от ума» 1825—1874 // Русская старина. 1874. Т. X. С. 585–609.
- Гиппиус 1900: *Вл. В. Гиппиус*. Пушкин и журнальная полемика его времени. СПб., 1900.
- Гиппиус 1924: *В. В. Гиппиус*. Гоголь. Л., 1924.
- Глинка 1959: *В. М. Глинка*. Новые данные о пожаре Зимнего дворца 1837 года // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1959. Т. III. С. 215–235.

- Гозенпуд 1969: *А. А. Гозенпуд*. Из истории литературно-общественной борьбы 20-х — 30-х годов XIX в.: «Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI: Реализм Пушкина и литература его времени. С. 252–275.
- Гриц 1929: *Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин*. Словесность и коммерция: Книжная лавка А. Ф. Смирдина / Под редакцией В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. М., [1929].
- Данилевский 1969: *Р. Ю. Данилевский*. «Молодая Германия» и русская литература. Л., 1969.
- Денисенко 2007: *С. В. Денисенко*. Литературная репутация Фаддея Булгарина // Фаддей Булгарин. Дурные времена: Очерки русских нравов / Составление и комментарии С. В. Денисенко, А. С. Страхова. СПб., 2007. С. 3–30.
- Долгих 1997: *Е. В. Долгих*. Проблема негативной информации в контексте менталитета административной элиты второй четверти XIX в.: М. А. Корф, Д. Н. Блудов // Россия и реформы: Сборник статей / Составитель Н. В. Самовер. М., 1997. Вып. 4. С. 39–53.
- Дубровин 1900: *Н. Д. [Н. Ф. Дубровин]* К истории русской литературы: Булгарин и Греч: Как издатели журналов // Русская старина. 1900. Сентябрь. С. 559–591.
- Дубровин 1903: *Н. Д. [Н. Ф. Дубровин]* Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и А. Мицкевич: Материалы для их биографий // Русская старина. 1903. Ноябрь. С. 333–351.
- Заборова 1956: *Р. Б. Заборова* Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. М. — Л., 1956. Т. I. С. 313–342.
- Золотусский 1987: *И. Золотусский*. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987.
- Исаков 1960: *С. Г. Исаков*. О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-х гг. // Труды по русской и славянской филологии / [Редактор Б. Ф. Егоров]. Тарту, 1960. (Ученые записки Тартуского государственного университета: Вып. 98). [Т.] III. С. 143–193.
- Исаков 1973: *С. Г. Исаков*. Русская культура и литература на страницах некоторых немецких прибалтийских периодических изданий 1810—1830-х гг. // Труды по русской и славянской филологии / Ответственный редактор Ю. М. Лотман. Тарту, 1973. (Ученые записки Тартуского государственного университета: Вып. 306). [Т.] XXI: Литературоведение. С. 392–430.
- Исаков 2005: *С. Г. Исаков*. О ревельском издании «Горя от ума» А. С. Грибоедова 1831 г. // С. Г. Исаков. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн, 2005. С. 124–135.
- Каверин 1966: *В. Каверин*. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966.

- Карамзин 2006: Pro et contra: Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / Составитель Л. А. Сапченко СПб., 2006.
- Карху 1962: Э. Карху. Финляндская литература и Россия 1800—1850. Таллин, 1950.
- Кирпичников 1903: А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы: В 2 т. М., 1903. Т. I.
- Киселева 1998: Л. Киселева. Карамзинисты — творцы официальной идеологии: Заметки о российском гимне // Тыняновский сборник / Редактор Е. А. Тоддес. М., 1998. Вып. 10: Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. С. 24–39.
- Киселева 2001: Л. Киселева. «Очерки Швеции» Жуковского и карамзинская традиция // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Редактор тома Л. Киселева. Тарту, 2001. [Т.] IV (Новая серия). С. 156–168.
- Киселева 2004: Л. Киселева. О проблеме «литературной тактики»: На примере Ф. В. Булгарина // Telling forms. 30 essays in honour of Peter Alberg Jensen / Edited by Karin Grelz, Susanna Witt. Stockholm, 2004. С. 170–182.
- Киселева 2006: Л. Киселева. История Ливонии под пером Ф. В. Булгарина // «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: Ч. 1–2 / Редактор тома Л. Киселева. Тарту, 2006. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: [Вып.] 10). Ч. 1. С. 114–127.
- Козлов 1989: В. П. Козлов. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.
- Краснов 1967: П. Краснов. В тисках царской цензуры // Вопросы литературы. 1967. № 5. С. 252–254.
- Кузовкина 1995: Т. Кузовкина. «Румяный критик мой...»: К истории взаимоотношений Гоголя и Булгарина // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов / Ответственные редакторы П. Торопыгин, О. Паликова. Тарту, 1995. [Вып.] 6. С. 35–47.
- Кузовкина 1997: Т. Кузовкина. «Лишь Сенковского толкнешь иль в Булгарина наступишь», или Кто был автором рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов / Ответственные редакторы Р. Лейбов, О. Паликова. Тарту, 1997. [Вып.] 8. С. 87–97.
- Кузовкина 1999: Т. Кузовкина. Гоголь и Булгарин: «Диалог» в историко-литературном контексте // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Редактор Л. Киселева. Тарту, 1999. [Т.] III (Новая серия). С. 71–87.
- Кузовкина 2001: Т. Кузовкина. Функция болгаринского подтекста в произведениях Гоголя 1842 года // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Редактор Л. Киселева. Тарту, 2001. [Т.] IV (Новая серия). С. 185–203.

- Кузовкина 2002: *Т. Кузовкина*. «Люди горели в удивительном порядке»: К формированию официального языка николаевской эпохи // История и историософия в литературном преломлении / Редактор тома Р. Лейбов. Тарту, 2002. (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*: [Вып.] 8). С. 182–206.
- Лебланк 1999: *Р. Лебланк*. «Русский Жилбаз» Фаддея Булгарина // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 17–57. (Перевод с небольшими сокращениями осуществлен по: Le Blanc 1986).
- Левкович 1978: *Я. Л. Левкович*. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 151–194.
- Лемке 1904: *М. К. Лемке*. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
- Лемке 1908: *М. К. Лемке*. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Пб., 1908.
- Лотман Л. 2005: *Л. М. Лотман*. Таким мы его знали // В. Э. Вацуро: Материалы к биографии / Составитель Т. Ф. Селезнева. М., 2005. С. 29–40.
- Лотман 1979: *Ю. М. Лотман*. К проблеме работы с недостоверными источниками // Временник пушкинской комиссии: 1975. Л., 1979. [Вып. 13]. С. 93–97.
- Лотман 1987: *Ю. М. Лотман*. Сотворение Карамзина. М., 1987.
- Лотман 1992: *Ю. М. Лотман*. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992—1993. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры.
- Лотман 1996: *Ю. М. Лотман*. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры / [Составитель А. Д. Кошелев]. М., 1996. Т. IV: XVIII — начало XIX века. С. 13–348.
- Лотман 2003: *Ю. М. Лотман*. Не-мемуары // Ю. М. Лотман. Воспитание души / Составление Л. Н. Киселевой, Т. Д. Кузовкиной, Р. С. Войтеховича. СПб., 2003. С. 8–51.
- Лямина, Самовер 1999: *Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер*. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.
- Манн 2004: *Ю. В. Манн*. Гоголь: Труды и дни: 1809—1845. М., 2004.
- Мещеряков 1983: *В. П. Мещеряков*. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие: XIX — начало XX в. Л., 1983.
- Мещеряков, Рейтблат 1989: *В. П. Мещеряков, А. И. Рейтблат*. Булгарин // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. I: А — Г. С. 347–351.
- Мордовченко 1959: *Н. И. Мордовченко*. Русская критика первой четверти XIX века. М. — Л., 1959.
- Некрасов 2006: *Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: 1821—1877: В 3 т. / Ответственный редактор Б. В. Мельгунов*. СПб., 2006— . Т. I: 1821—1855.

- Некрылова 1988: *А. Ф. Некрылова*. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII — начало XIX века. Л., 1988.
- Немировский 2003: *И. В. Немировский*. Опрометчивый оптимизм: Историко-биографический фон стихотворения «Стансы» // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. XVI–XVII. С. 148–166.
- Пиксанов 1905: *Н. К. Пиксанов*. Столкновение Булгарина с матерью Грибоедова // Русская старина. 1905. Декабрь. С. 709–715.
- Пиксанов 2000: *Н. К. Пиксанов*. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова 1791—1829 / Примечания П. С. Краснова. М., 2000.
- Плюханова 1973: *М. Б. Плюханова*. Литературная позиция «Северной пчелы» 1825—1829 гг. // Сборник студенческих научных работ: Краткие сообщения: Литературоведение. Лингвистика / Ответственные редакторы В. И. Беззубов, Е. И. Гурьева, Х. Я. Пак. Тарту, 1973. С. 18–19.
- Погодин 1933: *А. Л. Погодин*. «Иван Выжигин»: Роман Фаддея Булгарина // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1933. Вып. 9. С. 141–181.
- Покровский 1933: *В. А. Покровский*. Проблема возникновения русского «нравственно-сатирического» романа: О генезисе «Ивана Выжигина». Л., 1933.
- Пыпин 1916: *А. Н. Пыпин*. Религиозные движения при Александре I / Предисловие и примечания Н. К. Пиксанова. Петроград, 1916.
- Рейтблат 1990: *А. И. Рейтблат*. Видок Фиглярин: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 73–114.
- Рейтблат 1993: *А. И. Рейтблат*. Ф. В. Булгарин и Польша // Русская литература. 1993. № 3. С. 72–99.
- Рейтблат 1995: *А. И. Рейтблат*. Гоголь и Булгарин: К истории литературных взаимоотношений // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 82–98.
- Рейтблат 1999: *А. И. Рейтблат*. Булгарин и Наполеон // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 87–93.
- Рейтблат 2001: *А. И. Рейтблат*. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
- Рыбаков 1925: *И. Ф. Рыбаков*. Тайная полиция в «Семеновские дни» 1820 г.: По неопубликованным материалам Диканьского архива // Былое. 1925. № 2 (30).
- Сакулин 1913: *П. Н. Сакулин*. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский: Т. I. Ч. 1–2. М., 1913. Ч. 2.
- Сакулин 1926: *П. Н. Сакулин*. Русская литература: Социолого-синтетический обзор литературных стилей. М., 1926 [На обложке указано — 1929]. (Теория и история искусств: Вып. 12.). Ч. 2: Новая литература.
- Салупере 1991: *М. Салупере*. Неизвестный Фаддей // Радуга. 1991. № 4. С. 30–44.

- Салупере 2000: *М. Салупере*. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: Прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей / Составители В. Бойков, Н. Бассель. Таллин, 2000. С. 146–161.
- Салупере 2004: *М. Салупере*. Завораживающая установка и портрет личности: К характеристике Булгарина // Лотмановский сборник / Редакторы Л. Н. Киселева, Р. Г. Лейбов, Т. Н. Фрайман. М., 2004. [Вып.] 3. С. 109–120.
- Серков: *А. И. Серков*. Русское масонство: 1731—2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
- Смирнова 1987: *Е. А. Смирнова*. Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987.
- Смирнова 2006: *Ю. А. Смирнова*. Поэтика нравоописательных романов Ф. В. Булгарина: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Псков, 2006.
- Степанов 1950: *Н. Л. Степанов*. «Северная пчела». Ф. В. Булгарин // Очерки по истории русской журналистики и критики: [Т. I–II]. Л., 1950—1965. Т. I: XVIII век и первая половина XIX века. С. 310–323.
- Столянский: *П. Н. Столянский*. Пушкин и «Северная пчела» // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19–20. С. 118–190; Пг., 1916. Вып. 23–24. С. 127–194; Л., 1927. Вып. 31–32. С. 129–146.
- Сухомлинов 1884: *М. И. Сухомлинов*. Полемические статьи Пушкина // Исторический вестник. 1884. № 3. С. 463–505.
- Сухомлинов 1889: *М. И. Сухомлинов*. Полемические статьи Пушкина // М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: [Т. I–II]. СПб., 1889. Т. II. С. 247–300.
- Троцкий 1990: *И. Троцкий*. III-е Отделение при Николае I. Л., 1990.
- Тынянов 1966: *Ю. Тынянов*. Автобиография // Юрий Тынянов: писатель и ученый: Воспоминания, размышления, встречи / [Составитель В. Каверин]. М., 1966. С. 9–20.
- Тынянов 1977: *Ю. Н. Тынянов*. Поэтика. История литературы. Кино / Издание подготовили Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977.
- Уортман 2002: *Ричард С. Уортман*. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. (Материалы и исследования по истории русской культуры: Вып. 8). Т. I: От Петра Великого до смерти Николая I: Материалы и исследования.
- Шкловский 1983: *В. Шкловский*. Город нашей юности // Воспоминания о Ю. Тынянове: Портреты и встречи / Составитель В. А. Каверин. М., 1983. С. 5–37.
- Фомин 1911: *А. Г. Фомин*. Пушкин и журнальный триумvirат 30-х годов // А. С. Пушкин. [Сочинения]: Т. I–VI. СПб., 1911. (Библиотека великих писателей / Под редакцией С. А. Венгерова). Т. V. С. 451–492.
- Фохт 1902: *Ю. Ф. Фохт*. «Иван Выжигин» и «Мертвые души» // Русский архив. 1902. № 8. С. 596–603.

- Фридлиндер 1954: [Г. М. Фридлиндер. Примечания к статье В. Г. Белинского «На сон грядущий»] // В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. V.
- Цейтлин 1923: А. Цейтлин. Повести о бедном чиновнике Достоевского: К истории одного сюжета. М., 1923.
- Чечулин 1903: Н. Чечулин. Константин Павлович // Русский Биографический словарь. СПб., 1903. [Т. 9]: Кнаппе — Кюхельбекер. С. 155–239.
- Эйхенбаум 2001: Б. М. Эйхенбаум. Мой временник: Маршрут в бессмертие. М., 2001.
- Энгельгардт 1902: Н. А. Энгельгардт. Гоголь и романы двадцатых годов // Исторический вестник. 1902. № 2. С. 577–579.
- Энгельгардт 1904: Н. А. Энгельгардт. Гоголь и Булгарин // Исторический вестник. 1904. № 7. С. 154–173.
- Alkire 1966: *Gilman H. Alkire*. The Historical Novels of Faddej Bulgarin: Unpublished dissertation. Berkeley, 1966.
- Błaszczuk 1980: *L. T. Błaszczuk*. Jeżowski and Bulgarin: A case of Plagiarism or Collaboration? // Polish review. 1980. № 2. P. 15–43.
- Le Blanc 1986: *R. D. le Blanc*. The Russianization of Gil Blas: A Study in Literary Appropriation. Slavica Publishers, 1986.
- Mejszutowicz 1978: *Z. Mejszutowicz*. Powieść obyczajowa Tadeusza Bułharyna. Krakow, 1978.
- Mocha 1970: *F. Mocha*. Faddej V. Bulgarin 1789—1859: A study in literary maneuver, Columbia University, 1966.
- Mocha 1974: *F. Mocha*. Tadeusz Bulharin 1789—1859: A Study in Literary Maneuver. Rome, 1974.
- Reissner 1970: *E. Reissner*. Deutschland und die russische Literatur 1800—1848. Berlin, 1970.
- Skwarczyński 1963: *Zdzisław Skwarczyński*. “Wiadomości Brukowe” a pierwszy rosyjski romans moralno-satyryczny “Iwan Wyżygin” // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1963. B. 2. S. 77–102.
- Vaslef 1966: *Nicholas P. Vaslef*. Faddej V. Bulgarin: His Contribution to Nineteenth Century Russian Prose: Unpublished dissertation. Harvard, 1966.
- Weber 1969: *H. Weber*. The Sketch of Manners in France and Russia, 1812—1848. Diss. University of Indiana, 1969.
- Wołoszyński 1974: *Ryszard W. Wołoszyński*. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych. 1801—1830. Warszawa, 1974.

РАБОТЫ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. «Румяный критик мой...» (к истории взаимоотношений Гоголя и Булгарина) // Русская филология. 6. Тарту, 1995. С. 35–47. ISSN 1406–0019.
2. Об отношении Ф. В. Булгарина к русскому языку // Русская филология. 7. Тарту, 1996. С. 120–128. ISSN 1406–0019.
3. Гоголь и Булгарин («диалог» в историко-литературном контексте) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III. Тарту, 1999. С. 71–87. ISSN 1024–3698.
4. Наблюдения над художественным пространством «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. 5. Warszawa, 2000. С. 163–173. ISSN 1231–8922. ISBN 83–86619–19–8.
5. Функция болгаринского подтекста в произведениях Гоголя 1842 года // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. Тарту, 2001. С. 185–203. ISSN 1024–3698.
6. «Люди горели в удивительном порядке» (к формированию официального языка николаевской эпохи) // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensis VIII: История и историософия в литературном преломлении*. Тарту, 2002. С. 182–206. ISSN 1239–1611. ISBN 9985–56–691–2.
7. Записки Булгарина правительству 1826 г. в контексте формирования официального языка николаевской эпохи // Беллетристическая пушкиниана XIX—XXI веков: Псков, 2004. С. 351–359. ISBN 5–87854–327–3.
8. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту. 3. Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 276–293. ISSN 1736–2318. ISBN 9985–56–997–0.
9. Гоголь и Теньер (К вопросу о том, как изображать низкую действительность) // Лотмановский сборник. 3. Москва, 2004. С. 295–304. ISBN 5–94282–151–8.
10. Роль книги Г. Кенига в развенчании болгаринского мифа // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V. Тарту, 2005. С. 105–126. ISSN 1024–3698. ISBN 9949–11–236–2.
11. «Лишь Сенковского толкнешь иль в Булгарина наступишь» (или кто был автором рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки») // *Toronto Slavic Quarterly: University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*. № 13 — Summer, 2005. <http://www.utoronto.ca/tsq/13/kuzovkina13.shtml>
12. История на службе у Булгарина // *Humaniora: Litterae Russicae. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensis X. «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи*. Тарту, 2006. Ч. 1. С. 86–113. ISSN 1239–1611. ISBN 978–9949–11–519–8.
13. «Польский сюжет» биографии Булгарина // Пушкинские чтения в Тарту. 4. Тарту, 2007 (в печати).
14. Булгарин и Грибоедов // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI. Тарту, 2007 (в печати).

KOKKUVÕTE

Bulgarini fenomen: kirjandusliku taktika probleem

Faddei Bulgarini (1789—1856) kirjandusliku taktika probleemi, s.t kirjanduspõllul käitumise põhiliini lahtimõtestamist alustasid juba tema kaasaegsed ja seda on käsitlenud kõik tema elu ja loomingu uurijad. Bulgarin läks vene kirjanduse ajalukku kui selle professionaliseerumise ajajärgu tegelane; sel ajal jõudis kirjandus massilugejani ja kirjanikud hakkasid ennast elatama kirjandusliku tootmise müügist ning saavutasid sõltumatuse metseenidest. “Massinõudluse” tekkimisega kirjanduse järele kaasnes kvaliteedinõuete alanemine, aktuaalseks muutus “lugejatellimuse” mõiste, ilmusid aktiivsed kirjandustegevuse “asjatundjad”, osavad kirjandusliku tootmise organisatorid.

Bulgarin on üks populaarsemaid ja loetumaid 19. sajandi teise veerandi autoreid, esimese massilise ühiskondlik-poliitilise päevalehe “Severnaja ptšela”, esimese ajaloo-alase ajakirja “Severnõj arhiv” ja esimese teatritalmanahhi “Russkaja Talija” väljaandja ja toimetajana oli ta selle professionaliseerumise ajastu tüüpiline esindaja. Kuid vaatamata oma laiahaardelisele tegevusele kirjaniku, kirjastaja ja ajakirjanikuna läks J. Lotmani hinnangul “Bulgarin vene kirjandusse just tänu oma tumedale biograafiale”. Nagu käesolevas töös on püütud näidata, on seda “Bulgarini fenomeni” kõige produktiivsem uurida just tema kirjandusliku taktika vaatenurgast. Põhjalikumalt on käsitletud tervet rida süžeesid, mis olid seotud Bulgarini käitumisega kirjandusmaastikul, võrreldud tema versioone teatud sündmustest terve rea teiste allikatega, uurides põhjalikult ka konteksti, milles nad loodi (näiteks tema kirjandusse tuleku süžee jt).

Väitekirja esimese peatükis “Bulgarini kirjanduslik taktika enne 1825. aasta 14. detsembrit” demonstreeritakse, et faktid on vastuolus levinud ettekujutusega, et Bulgarin esitles end kui andekas poola kirjanik ja selle alusel võeti vastu kirjanike seltskonda. Kirjandusse tulles laveeris Bulgarin osavalt poola ja vene kirjandussfääride vahel, ning ka vene liberaalsete ja konservatiivsete seltskondade vahel: kuna ta oli sõprus- ja ärisuhetes tulevaste dekabristidega, toetasid teda tema kirjanduslikes ettevõtmistes samaaegselt Magnitski, Runitš ja Araktšejev. Tema Karamzini “Venemaa ajaloo” põhjal korraldatud poleemika põhjalik analüüs näitab, et ka ajaloo uurimises oli Bulgarini jaoks esikohal pragmaatiline aspekt.

Juba alates 1823. aastast sai Bulgarini kirjanduslik taktika kaasaegsete hukkamõistu osaliseks. 1825. aasta alguseks oli Bulgarinil põhimõttelageda ja korduvalt oma veendumusi muutnud tegelase negatiivne maine. Samal ajal ilmusid ka vihjed tema spioonitegevuse ja pealekaebamiste kohta, mis jõuliselt kõlasid taas 1829. aastal.

Väitekirja teises peatükis “Bulgarini enesekirjeldused kirjandusliku taktika võttena” vaadeldakse tema loodud “Bulgarini kuvandi”— vaprast sõjaväelase, vaenlastest ümbritsetud tõejanuse kirjamehe ja ajakirjaniku, ajaloolise tegelase ja Gribojedovi sentimentaalse sõbra kuvandi aspekte ning ka nende presenteerimise viise.

Üheks kõige populaarsemaks ja tulutoovamaks “Bulgarini kuvandiks” oli “truualamliku kirjamehe” kuju. Väitekirja kolmandas peatükis “Bulgarini kui “Severnaja ptšela” toimetaja kirjanduslik taktika” vaadeldakse tema tegevust ametliku ideoloogia propagandistina laia lugejaskonna seas, tema otsinguid ajalehekeele valdkonnas, mis avaldusid rahvuslike katastroofide kirjeldustes ja nekroloogides.

Neljas peatükk “Bulgarini võitlus H. Koenigi raamatuga” on pühendatud väheuuritud süžeele sellest, kuidas Bulgarin püüdis diskrediteerida Saksamaal väljaantud Heinrich Koenigi raamatut vene kirjandusest, milles esmakordselt väljaspool Venemaa piire kõlas kriitika Bulgarini loomingu ja tegevuse aadressil. See süžee demonstreerib ilmekalt, kuivõrd mitmekülgne ja tõhus oli Bulgarini võitlus oma kriitikutega. Selles võitluses kasutas ta oma vaenlaste poliitilist diskrediteerimist kaebustes ametlikele instantsidele, tsensuuri mõjutamist ning erinevaid “antikriitika” vorme ja avalikku poleemikat ilukirjanduslikes teostes.

Bulgarini kirjanduslik taktika oli esmajoones suunatud oma kirjanduslike projektide ärilises mõttes edukale realiseerimisele. Kõrgemad eesmärgid, nagu suhtumine kirjanduslikku tegevusse kui ühiskonna teenimisse, moraalinormid — kõik ohverdati selle eesmärgi nimel. Väitekirja viiendas peatükis “Bulgarini kirjandusliku taktika refleksioon kaasaegsete seas” demonstreeritakse kuidas neid Bulgarini fenomeni jooni mõistsid hukka N. Gogol, V. Odojevski, F. Dostojevski, N. Nekrassov jt kirjanikud kuni J. Tõnjanovi romaanini “Vazir-Muhtari surm”.

Lõppsõnas esitatakse uurimustöö tulemused.

Bulgarini kirjandusliku taktika käsitus tõstatab tänapäeva kirjandusteaduse jaoks aktuaalse küsimuse konteksti tähelepaneliku ja põhjaliku uurimise vajadusest. Nn “ärisuunitlusega” kirjanike puhul on nende loomingu immanentne analüüs väheproduktiivne. Nende autorite edukas funktsioneerimine kirjanduses, nagu Bulgarini näide tõestab, oli võimalik vaid tänu nende pidevale orienteeritusele oma tekstide pragmaatikale. Selleks, et kujundada lugeja eelistusi, on vaja tema pärast pidevalt võidelda: reklaamida oma kaupa, luua endast kasulik kuvand “tarbija” ja võimude silmis, kasutada enda huvides ära igasugust kriitikat, ning vajaduse korral võidelda sellega kõiki võimalikke vahendeid kasutades. Bulgarin valdas seda oskust täiuslikult, tulles edukalt toime mitte ainult kohalike, vaid ka välismaiste oponentidega.

Bulgarin surus massilugejale peale stereotüüpset, ideoloogilistele stampidele ülesehitatud tegelikkuse kujutamist, ofitsioosset väärtuste süsteemi (riigitrudus, jõukus, auaste/amet), suhtumist kunsti kui meeldivasse ajaviite vormi. Tema

avastatud massiteadvuse mõjutamise mehhanisme kasutati aktiivselt ametliku ideoloogia juurutamisel.

Seda huvitavam on, et tänapäeva kultuuris on “Bulgarini fenomeni” järel üha kasvav nõudlus. Põhjalik tutvumine Bulgarini tegevuse uurimislooga Belinskist alates võimaldab järeldada, et üllatavalt kasvanud huvi Bulgarini isiksuse vastu ja tänapäeva Bulgarini-uurimuste rehabiliteeriv toon on paljuski tingitud teadusvälistest faktoritest. Põhjus ei ole mitte pelgalt püüus teha ümber möödniku ideoloogilised hinnangud (mis on iseloomulik näiteks M. Salupere jt töödele), vaid ka selles, et Bulgarini tüüp osutus lähedaseks käesolevale ajastule. Tema kirjandusliku taktika edukad käigud — enesereklaami erinevad vormid kuni kriitika ärakasutamiseni reklaami eesmärkidel, oskuslikult korraldatud võitlus konkurentidega, vastastikku kasulike kontaktide loomine võimustruktuuri-dega — on üsna aktuaalsed ja nõutud ka tänapäeval.

Bulgarin oli vaieldamatult väljapaistev vene kirjanduse ja ajakirjanduse professionaliseerumise perioodi tegelane. Kuid tema tegevus osutus üsna spetsiifiliseks, mistõttu ongi vajalik, nagu on märkinud ka V. Vatsuro, uurida “Bulgarini fenomeni”. See “fenomen” väärrib ikka veel mitmekülget ja korrektset teaduslikku uurimist.

SUMMARY

The “Bulgarin Phenomenon”: a Problem of Literary Tactics

The fact that Bulgarin’s non-literary or near-literary activity and behavior have had a more significant impact on the literary process than his literary work determines the essence of the “Bulgarin phenomenon”. In other words, despite his vast literary, publishing and journalistic activity, Bulgarin entered the history of literature mainly due to his obscure biography. Russian scholars of the late 1920s-early 1930s found the most productive way to study Bulgarin’s literary position in considering him as a type of the litterateur of the age of professionalisation of literature. Later scholars often reduced the study of Bulgarin’s work to a set of tendentious opinions stipulated by unscholarly factors. A splash of interest toward Bulgarin in the late 1980s changed the view on Bulgarin’s role in the literary process, but not the situation on the whole: Bulgarin the reactionary was replaced by Bulgarin the democrat and educator.

Not only a desire to revise the ideological cliches of the past, but also the fact that the Bulgarin type of the litterateur became actual again stimulated its rehabilitation in recent studies. Bulgarin’s literary strategies (various forms of self-advertising up to the production of critique aimed at oneself; skillful organization of struggle against literary rivals; mutually useful contacts with the authorities, etc.) grew popular at the time. It is symptomatic that, while explaining the current topicality of Bulgarin’s figure, an editor of a recently published volume of Bulgarin’s essays argues that pursuit of easy success, easy alteration of one’s own opinions and disrespect for aesthetic principles, i.e. the qualities, for which contemporaries blamed Bulgarin, are eventually identified as journalist’s professional qualities. Thus, in spite of the Russian classical tradition, literary activity becomes associated with cynicism and state of the market. In this situation, L. M. Lotman’s observation of the 1970s that “polemics between Pushkin and Bulgarin is not yet complete” and that the seeds sown by their controversy are alive in our culture is still pertinent nowadays.

In the humanities, research inevitably includes a subjective factor, which complicates scholar’s work, yet does not save us a trouble of striving for scientific objectivity. This is what V. E. Vatsuro had in mind, when calling in 1998 for broad documented research and arguing that only a documented study of the “Bulgarin phenomenon” would allow elucidating the processes in the Russian society and literature of the 1820s. The present study is an attempt to make contribution to this type of research.

As we tried to show, the most productive approach to the “Bulgarin phenomenon” is the perspective of literary tactics, i.e. the general line of literary behavior. Uncritical treatment of Bulgarin’s self-descriptions and observations, often considered as reliable sources, distorts not only writer’s psychological por-

trait, biography and work, but also the picture of the 19th century literary process.

Close scrutiny of Bulgarin's early literary career in the first chapter of the present study puts under question Bulgarin's assurances taken up by the majority of researchers that he entered Russian literature as a mature Polish writer and that his success was a result of solely his literary talents and "love of profession". One must admit that Bulgarin's self-descriptions were rather effective and allowed him to successfully construct his literary biography.

We used certain examples to demonstrate that the study of Bulgarin's poetics is incomplete without taking into account his literary tactics. Poetics of his literary works was determined by their pragmatics. Thus, in our opinion, Bulgarin's (French army retired captain's) desire, stirred up by his application for the Russian rank, to describe his short-term service in the Russian army in an elevated tone stipulated heroization of the events in his stories on the 1808—1809 Finnish war campaign. The sentimental-idyllic tone of Bulgarin's "Memoirs on Unforgettable A. S. Griboedov" betrays an overt literary pose while considered against the background of writer's struggle for the authorial right to the text of "Woe from Wit" with Griboedov's inheritors. A great share of self-advertisement in "The Summer Walk in Finland and Sweden" was part of Bulgarin's struggle against the spread of G. Koenig's book in Russia, etc.

Our approach to Bulgarin's literary tactics once again propounds a necessity of close and attentive study of the context. In the case of the so-called "commercial trend" writers, the immanent analysis of literary works is not productive enough. As Bulgarin's example demonstrates, their successful functioning in literature was possible only due to the orientation toward the text pragmatics. To form reader's preferences it was necessary to fight for the reader: to advertise one's own "goods", to create a positive self-image to influence both the consumer and the authorities, to use critique for one's own purposes or to resist it by all available means. As evident from the story of Bulgarin's struggle against Koenig's book, Bulgarin perfectly handled this skill and won both local and foreign opponents.

No doubt, the perspective of literary tactics is the most fruitful way to describe Bulgarin's role as the editor of "The Northern Bee". As shown in the third chapter of the present study, Bulgarin put into effect the commercially profitable program for the "well-intended" litterateur, which he himself proposed in his notes for secret police. Bulgarin inculcated official ideology into mass consciousness, using for this purpose the elements of mass literature poetics. The study of Bulgarin's usage of the official language of the Nicholas I age in the periodicals deserves further attention. In the present study, we approached this problem by examining obituaries and the plots of national disasters in "The Northern Bee". Bulgarin imposed the stereotyped perception of reality based on the ideological cliches, official system of values and treatment of art as a pleasant entertainment on the mass reader. The mechanisms of control over the mass consciousness invented by him were actively exploited later.

The study of contemporary response to Bulgarin's literary tactics, its impact on the literary process and mass consciousness deserves further attention as well. The present study shows that Bulgarin's subtexts may be found in works by N. Gogol, F. Dostoevsky, V. Odoevsky, N. Nekrasov and other writers up to Y. Tynyanov's "The Death of Vazir-Mukhtar" (1929). The classics of Russian literature rejected Bulgarin's approach to literary work as a commercial activity and argued that Bulgarin's fiction and journalistic texts had a stupefying impact on the reader. Their own work was a form of resistance to the Bulgarin's scenario of the development of Russian literature.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

- Аддисон Д. 11, 44, 47
Акимова Н. Н. 11, 23, 24, 35
Аксаков К. С. 109
Аладьин Е. В. 79
Александр I 32, 33, 37, 44, 51, 68–69, 70
Александр Николаевич, великий князь 89, 105
Александра Федоровна, императрица 92–93
Алексеев М. П. 100
Алтунян А. Г. 85
«Альбом северных муз» 58
Альбрехт А. И. 29
Альтшулер Ф. В. 13
Анастасевич В. Г. 33, 96
Антинг Ф.
 Жизнь и военные деяния графа
 А. В. Суворова Рымникского 70
Аракчеев А. А. 26, 44
Араужо, жена ювелира 46
Архипова А. В. 42

Бабинцев С. М. 79
Базанов В. Г. 33, 49
Базен П. Д. 36
Байрон Дж. Г. 13
Баратынский См. Боратынский
Барсуков Н. П. 103
Бартенев П. И. 45
Батюшков К. Н. 104
Башуцкий А. П.
 Пожар Зимнего дворца в Петербур-
 ге 92
Бегичев С. Н. 77
Бегунова А. И. 16
Белинский В. Г. 13, 16, 34, 103, 109–
 110, 122
 Воспоминания Фаддея Булгари-
 на... 9–12, 15, 18
 Русская литература в 1841 го-
 ду 114, 124

Бенедиктов В. Г. 18, 101, 104
Бенкендорф А. Х. 13, 18, 22, 73, 76, 98
Беранже, ресторатор 17
Березкина С. В. 129
Берх Н. Ф. 49
Бестужев А. А. (Бестужев-Марлин-
 ский) 38, 41, 42, 44, 45, 48, 50
Бестужев М. А. 48
Бестужев Н. А. 46
Бестужев П. А. 48
Бестужев-Рюмин М. А. 75
«Библиотека для чтения» 124, 125
Бируков (Бирюков) А. С. 39, 40, 42
«Благонамеренный» 41
Бланшик Л. См. также Własczyk 22, 34
Боратынский Е. А. 15, 46, 100
 Журналист Фиглярин и истина 65–
 66
 «Что ни толкуй, а я великий
 муж!..» 47
Борис Годунов 56–57
Борн И. М.
 На смерть Радищева 97
[Боровков А. Д.]
 Алфавит декабристов 46
Ботникова А. Б. 103, 110
Бошан А.
 История войны португальской и ис-
 панской 11
Брокгауз
 Conversations Lexikon der neuesten
 Zeit und Litteratur (1832–1834) 103
Брут Марк Юний 97
Брянский Я. Г. 78
Булгарин П. 35, 38, 46

* Указатель не рассматривает резюме и список литературы и не содержит названий текстов Булгарина, которые не вошли в его собрания сочинений. Если имя или название прямо не названы, соответствующие номера страниц набраны курсивом.

- Булгарин Ф. В. См. также Bulgarin
*Бедный Макар, или кто за правду
горой, тот истый герой* 61–62, 81
Военная ночь 60
*Воспоминания об Александре Ива-
новиче Лорере* 67, 69
Воспоминания об Испании 11, 14,
44, 60, 102
*Воспоминания о незабвенном Алек-
сандре Сергеевиче Грибоедове* 75–
76, 80, 82, 128
*Воспоминание о добром книгопро-
давце, Московском купце Василии
Алексеевиче Плавильщикове* 68
Воспоминания Фаддея Булгарина 9,
16, 65, 72
*Встреча с Карамзиным: Из лите-
ратурных воспоминаний* 36, 51, 58,
117–118
Димитрий Самозванец 10, 13, 57
*Дух Суворова, или военные правила,
мысли и нравственные изречения
сего героя, почеркнутые из его соб-
ственных сочинений* 70
*Знакомство с Наполеоном на аван-
постах под Бауценом 21 мая (н. с.)
1813 года* 49, 68, 69
Иван Выжигин 10, 11, 12–13, 22,
99, 109, 113, 122, 129
Истина и сочинитель 62
Как люди дружатся 74, 82
Картинки русских нравов 117
*К портрету Николая Ивановича
Греча* 107–108
*Краткое обозрение военного попри-
ща графа Коновницына* 67, 68–69
*Краткое обозрение польской сло-
весности* 33, 38,
*Критический взгляд на X и XI тома
«Истории государства Российско-
го»...* 55
*Летняя прогулка по Финляндии и
Швеции, в 1838 году* 14, 108–109,
128
Литературные призраки 15, 40
Мазепа 10, 13
*Марина Мнишек, супруга Димитрия
Самозванца* 50, 56–57, 67
- Мысли о характере Суворова* 68,
70–72
*Мысли, родившиеся при чтении кни-
ги: История российско-австрийской
кампании 1799 года, изданной
Е. Б. Фуксом* 70
*О литературно-увеселительном об-
ществе шубравском, уставе оногo
и цели* 31
О метафизике наук 34
О переводчиках Гомера 34, 38,
От сочинителя 63
*О цензуре в России и о книгопечата-
нии вообще* 85–86
Очерки русских нравов 16, 124
*Очерк характера Петра Велико-
го* 68, 73–74
*Памятные записки титулярного со-
ветника Чухина, или краткая исто-
рия обыкновенной жизни* 81–82, 129
*Память о Бурхарде фон-Вихма-
не* 67, 69
Первая любовь 61
*Переход русских через Кваркен в
1809 году* 60, 68, 128
Петр Иванович Выжигин 10
*Письмо копииста Мирона Бульбуль-
кина к издателям СП о премудрости
и суете мира сего* 67
Поездка в Грузино в 1824 году 19
*Послание к читающей русской пуб-
лике* 63–64, 65
Предсказания на 1827 год 85
Прогулка по Ливонии 14
Путь к счастью 38
Русская ресторация 16
Смерть Лопатинского 68, 69
Суворов 72–73
*Сцена из частной жизни, в 2028 году
от рождения Христова* 64
*Счастье лучше богатства (совм.
с Н. Полевым)* 125
Ужасная ночь 60, 128
- Булгарина Е. И. 47–48
Бурнашев В. П. (Касьян Касьянов) 87
- Вайскопф М. 11
Ван Дейк А. 115
Ванденбург 34

- Вандик См. Ван Дейк
«Варшавский свисток» 30
- Васлеф Н. 11
- Вацуро В. Э. 12, 13, 18, 20, 25, 36, 58, 111, 132
- Венгеров С. А. 18
- Веневитинов Д. В. 101, 104
- Вершинина Н. Л. 11, 13–14, 129
- Весин С. П. 17
- «Вестник Европы» 15, 32, 51, 97
- Виганд О.
Lehrbuch der russischen Literatur 103
- Вигель Ф. Ф.
Записки 41
- Виельгорский И. М. 119
- Виноградов В. В. 13, 25
- Вихман Б., фон 67, 69
- Воейков А. Ф. 38, 39, 49, 54
- Волощинский Р. 22
- Вольтер 19, 64
- Вольфзон Г.-В.
Die Schönwissenschaftliche Literaturer Russen 103
- Воробьева Н. П. 16
- Вяземский П. А. 18, 35, 42–43, 45, 50, 61, 84, 90, 109
«Булгарин, убедясь, что брань его не жалит...» 40
Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева 15
Пожар Зимнего дворца 92
«Ревизор». Комедия, соч. Н. Гоголя. С.-Петербург 67, 87–88
«Ты целый свет уверить хочешь...» 76
«Устроив флюгер из пера...» 43
- Галлер А. фон
На бессмертие 101
- Гарусов И. Д. 81
- Гаспарян К. Г. 28
- Генисьен П. И. 74–75, 82
- Герен (Геерен) А. Г. Л. 52
- Гераков Г. В. 49
- Гегель Г. В. Ф. 102
- Гете, скульптор 108–109
- Гете И. В. 67, 72
- Гинзбург Л. Я. 18
- Гиппиус В. В. 10
- Глинка В. М. 93
- Глинка С. Н.
Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его, изданных с примечаниями Сергеем Глинкою 70
- Глинка Ф. Н. 50, 52
Несколько слов о Тадеуше Костюшке 33
- Гоголь Н. В. 11, 27, 82–83, 87, 98, 99, 103, 113–119, 130
Вечера на хуторе близ Диканьки 66, 83
Выбранные места из переписки с друзьями 117
Записки сумасшедшего 104, 113, 130
Мертвые души 10, 114, 115, 116–119
Невский проспект 113, 130
О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году 16, 116
Портрет 114–115, 126
Ревизор 67, 83, 115
Тарас Бульба 10
Театральный разъезд после представления новой комедии 115, 116, 126
Шинель 123–124
- Годунов См. Борис Годунов
- Гозенпуд А. А. 13, 50, 57
- Голенищева-Кутузова С. П. 93
- Голицын Н. А. 32, 33, 38, 52
- Гомер 34, 38
[Гораций]
Избранные оды Горация 11, 22, 33–34, 102
- Госнер И. 44
Дух жизни и учения Иисус Христово в Новом Завете 44
- Граб В., казак 84
- Греч Н. И. 34, 36, 37–38, 39, 42, 43, 44, 48, 49, 58, 60, 63, 82, 84, 87, 98, 99, 102, 103, 104–107, 109, 110
Дело Госнера 44
Записки о моей жизни 47
Опыт краткой истории русской литературы 100
Фаддей Булгарин 25, 29, 41, 50, 54,
- Грибоедов А. С. 27, 40, 60, 74–78, 80–83, 98, 109
Горе от ума 40, 78–81, 104, 128

- Грибоедова М. И. 76–77, 78, 79
 Грибоедова (Чавчавадзе) Н. А. 77–78, 79–80
 Гриц Т. С. 19, 25
 Гришакова М. Ф. 28
 Грот Я. К. 103, 110
- «Дамский журнал» 32
 Данилевский Р. Ю. 99
 Державин Г. Р. 98, 100, 104
Бог 101
 Делаacroа А. А.
Капитолий, или собрание жизнеописаний великих мужей с их портретами 72
 Дельвиг А. А. 15, 45, 46, 58, 66, 73
 Денисенко С. В. 131
 Дефорж П. 19
 Дивов П. Г. 129
 Диоген Синопский 71
 Дмитриев И. И. 15, 30, 42, 51, 55, 84, 98
 Дмитрий Ростовский 100
 Дмитрий (Димитрий) Самозванец (Григорий Отрепьев) 67
 Дмитрий, царевич 56
 Дмоховский Ф. К. 34
 Долгих Е. В. 92
 Дондуков-Корсаков М. А. 80
 Достоевский Ф. М. 11, 27, 130
Бедные люди 121–124, 130
 Дубельт Л. В. 104, 107
 Дубровин Н. Ф. 18, 32, 35, 38
 Дубьева Л. В. 28
 Дурново (Грибоедова) М. С. 77–78, 79–80
- Еганова Н. А. 28
 Екатерина II 122, 129
Наказ ее императорского величества Екатерины Второй самодержицы всероссийской 85–86
 Ежовский Ю. 22, 33–34
- Жандр А. А. 29
 Жуи В. Ж. Э. 11, 12, 44, 47
Антенский пустынный 12
 Жуковский В. А. 35, 39, 47, 52
Пожар Зимнего дворца 92
- Завадовский А. П. 82
- Загоскин М. Н.
Рославлев 10
Юрий Милославский 10
 Закревский А. А. 98
 Золотарева К. 28
 Золотусский И. П. 113–114
- Иван (Иоанн) IV Грозный 55
 Иван Савельевич, шут 104
 Иде К. М. 47
 Измайлов А. Е. 30, 37, 40, 41–42, 44–45, 47
«Ну. Исполать Фаддею!..» 43
Слон и собаки 42
Судья Фаддей 42, 43
- Императрица См. Александра Федоровна
 Исаков С. Г. 16, 28, 81, 99
 Искрицкий Д. А. 46
- Каверин В. А. 19
 «Казанский вестник» 50
 Кант И. 34
 Кантемир А. Д. 101
 Капнист В. В.
Ябеда 85
- Карамзин Н. М. 13, 49, 51–52, 54, 58, 97, 98, 108, 117–118
История государства Российского 26, 50–59, 68, 101
О книжной торговле и любви к чтению в России 93–94
- Карамзина Е. И. 52
 Карамзина С. Н. 52
 Каратыгин П. А. 78, 125
Знакомые незнакомцы 112
- Карху Э. 99
- Касьян Касьянов См. Бурнашев
 Каховский П. А. 46
 Каченовский М. Т. 51
 Кениг Г.-И. См. также Koenig 27, 99, 103–104, 119
Literarische Bilder aus Russland 99–110, 119, 129, 130
Очерки русской литературы 100, 107, 110
- Кеппен П. И. 49
 Киркор А. Г. 21
 Кирпичников А. И. 104, 105, 106
 Киселева Л. Н. 14, 60, 94, 108

- Кнорринг К. 81
 Козлов В. И. 96
 Козлов В. П. 50–51
 Козловский Д. Т. 96
 Козловский М. И. 70
 «Коммунист» 20
 Кони Ф. А. 130
 Петербургские квартиры 126
 Коновницын П. П. 67, 68
 Константин Павлович, великий князь 29, 36, 45–46, 50,
 Контрым К. О. 53, 54
 Коперник Н. 32
 Корнилович А. О. 41, 46, 49
 Кохановский Я. 54
 Коцебу А.-Ф. 115
 Кочубей В. П. 37
 Краевский А. А. 9, 97, 105–106, 107
 Красицкий И. 12
 Пан Подстолый 12
 Краснов П. С. 75, 80
 Крылов И. А. 61
 Кузовкина Т. Д. 67, 83, 89, 92, 98, 113
 Кустова О. 28
 Кюхельбекер В. К. 13, 18, 30, 40, 49
 О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие 15
 Лавринец П. 27
 Лантинг А. А. 63
 Ларин С. 28
 Лафонтен Ж. 72
 Лебедев К. Н. 130
 Лебланк Р. 11, 21
 Лебцельтерн Л. 37
 Левкович Я. Л. 42, 44, 48
 Лейбов Р. Г. 94
 Лелевель И. 51–55, 58
 Известие о древнейших историках польских и в особенности о Кадлубке в опровержении Шлецера 33, 49
 Рассмотрение «Истории государства Российского» господина Карамзина 52–55, 58, 59
 Karamzina introdukcyi rozbiór 55
 Леман И.-А. 89–92
 Лембинен С. 28
 Лемке М. К. 18, 21, 22, 34, 98
 Лермонтов М. Ю. 95
 Лесаж А. Р. 13
 Жиль Блаз 12
 Ливен К. А. 18
 «Литературная газета» (изд. А. Дельвигом) 16, 76, 111
 «Литературная газета» (изд. А. Краевским) 125–126
 «Литературные листки» 15, 30, 40, 61, 91
 «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» 97, 105
 Лобойко (Лабойко) И. Н. 51, 53–54
 Ломоносов М. В. 104
 Лопатинский, поручик 68, 69
 Лотман Л. М. 131
 Лотман Ю. М. 9, 17, 24–25, 39, 48, 83, 97
 Лорер А. И. 67, 69
 Лукасинский В. И. 31–32
 Львова Н. Н. 23
 Лямина Е. Э. 28, 119
 «Магазин иностранной литературы» 105
 Магницкий М. Л. 26, 41, 44, 50–51, 55
 Мазур Н. Н. 38
 Маковкин И. Ф. 35
 Манн Ю. В. 67
 Маркьянович М. Ф. 36
 Мейшутрович З. 22
 Мельгунов Н. А. 100, 103–107, 109–110, 119
 История одной книги 105–106
 Менджинская А. С. 46
 Менцель В. 105
 Меркель Г.
 Древние времена Лифляндии 14
 Мещеряков В. П. 20, 40, 74, 75
 Миллер И. 101
 Милорадович М. А. 41, 46
 Митшерлих (Мичерлих) К. В. 34
 «Мнемозина» 38, 41, 120
 Мнишек (Мнишек) Марина 50, 56–57, 67, 68
 Мольер Ж.-Б. 72, 126
 Монтескье Ш.-Л. де 101
 Мордовченко Н. И. 15, 42
 «Москвитянин» 98, 116
 «Московские ведомости» 79, 91

- «Московский вестник» 14
«Московский наблюдатель» 9, 104, 107
«Московский телеграф» 15, 46, 65
Моха Ф. 20–21, 22, 50
Муханов А. А. 42
Муханов П. А. 41
Мысли у гробницы Суворова 70
- Наполеон I 21, 25, 31, 36–37, 43, 49–50, 60, 68, 69
Нарежный В. Т. 13
Нарушевич А. Т. С. 53
«Наше время» 107
Неверов Я. М. 103, 109
Некрасов Н. А. 27, 124–125, 130
*Жизнь и похождения Тихона Гро-
стникова* 124, 125–127
Некрылова А. Ф. 89
Немировский И. В. 73
Ненчини, певец 47
Нестор, летописец 9
Никитенко А. В. 89–90, 98, 130
Никитин А. А. 45
Никитин М. М. 19, 25
Николаева А. 25, 45
Николай I 13, 58, 61, 67, 68–69, 74, 81, 85, 86, 88, 89, 90–98, 99
Новосильцев Н. Н. 31
Ньютон И. 72
- Одоевский В. Ф. 27, 104, 109, 115, 120, 130
Живой мертвец 120–121, 124
*О вражде к просвещению, замечае-
мой в новейшей литературе* 120
*О нападениях петербургских жур-
налов на русского поэта Пушки-
на* 120
[*Некролог Пушкину*] 97
- Оленин А. Н. 52
Ольдекоп А. (Евсей Иванович) 99
Онацевич И. 54
Островский А. Н.
Гроза 107
«Отечественные записки» 9, 16, 48, 103, 106, 107, 109, 114, 120, 124
Отто Ф.
*Учебная книга о русской литерату-
ре* 100
- Оржицкий Н. Н. 46
Павел I 70
Павлов Н. Ф. 106, 107
Панаев И. И. 109, 130
Портретная галерея 125
Паскевич И. Ф. 76
Пельчинский В. С. 33–34
«Первое апреля» 125
«Петербургский сборник» 125
Петр I 67, 68, 70, 73–74, 100
Петухов Е. В. 47
Перовский А. А.
Монастырка 86
*О народном просвещении в Рос-
сии* 86
Черная курица 86
- Пиксанов Н. К. 74, 76–77
Пиндар 33
Плавильщиков В. А. 68, 69
Плетнев П. А. 45, 103, 110, 120
Плюханова М. Б. 15–16
*Победы князя Итальянского, графа
А. В. Суворова Рымнического* 71
Погодин А. Л. 22
Покровский В. А. 12, 25
Полевой Н. А. 112
*История князя Итальянского, графа
Суворова-Рымнинского, генералис-
симуса российских войск* 70, 72–73
Счастье лучше богатырства (совм.
с Ф. Булгариным) 125
«Полярная звезда» 37, 39, 42
Потапов А. Н. 69
Прохорова И. Е. 20
Пташицкий С. Л. 52, 53, 54, 58
Пушкин А. С. 13, 16, 17, 18, 20, 21, 24, 45, 47, 58, 96–98, 100–101, 103, 104, 111, 115, 120
Борис Годунов 13, 24, 57, 68, 100
Журналист Фиглярин и истина 65–66
История села Горюхина 14
Настоящий Выжигин 111
«*Не то беда, что ты поляк...*» 66
О записках Видока 111
Повести Белкина 123
Стансы 73
Table-talk 45

- Пыпин А. Н 44
 Пьяже (Piaget), франц. переводчик 103
 Радищев А. Н. 97
 Радожицкий И. Т. 42
 Рафаэль 72
 Рачинский К. К. 129
 Рейтблат А. И. 22–23, 24, 25, 29, 30, 34, 36, 50, 51, 76
 Рейфман П. С. 28
 Рожнов П. М. 95
 Розен Е. Ф. 119
 Рунич Д. П. 26, 38, 41, 44
 «Русская Талия» 9, 40
 «Русский инвалид» 15, 26, 32, 39, 54
 Рыбаков И. Ф. 37
 Рылеев К. Ф. 26, 38–40, 41, 45, 46
 Войнаровский 39
 Рязанцев В. И. 112
 Сабуров А. М. 96
 Савари Ж.-М. 36
 Сакулин П. Н. 12, 18, 25, 109
 Салтыков-Щедрин М. Е. 130
 Салупере М. 16, 18, 20, 22, 27, 47, 131
 Самовер Н. В. 119
 «Санкт-Петербургский вестник» 79
 Свињин П. П. 44
 «Свиток муз» 97
 «Северная пчела» (СП) 9, 15–17, 27, 36, 39, 44, 58, 62, 66, 67, 70, 74, 78–79, 82–83, 84–98, 99, 105, 108, 110, 113–115, 121, 123, 125, 130
 «Северные цветы» 45, 58
 «Северный архив» (СА) 9, 26, 38, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 58, 61–62, 67
 «Северный Меркурий» 75
 Сенковский О. И. 19, 49, 52, 58, 67, 79, 102, 103
 Восточные повести 37, 44–45
 Дневная записка Иосифа Сенковского о путешествии его из Вильно чрез Одессу в Стамбул 33
 Сен-Мор Э. Д. де 36
 Семенов В. Н. 79
 Сенновер Э. Ф. де 36
 Серков А. И. 35
 Сиркур А. де 103
 Скварчинский З. *См. также* Skwarczyński 12
 Скотт В. 13, 67
 Сленин И. В. 63, 64
 Смирдин А. Ф. 19, 80
 Смирнова Е. А. 117
 Смирнова Ю. А. 12, 28
 Снядецкий Я. 32, 33, 35
Собрание анекдотов графа Суворова 70
Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни графа А. В. Суворова 71
 «Современник» 67, 88, 109, 120, 125
 Соллогуб В. А. 115
 Сомов О. М. 46
 «Соревнователь просвещения и благотворения» 49
 Сперанский М. М. 52
 Степанов Н. Л. 17
 Стороженко А. Я. 128
 Письмо к Ф. В. Булгарину 128
 Строев В. В. 67
 Суворов А. В. 68, 69–72, 82
 Наука побеждать 70
 Сухомлинов М. И. 16, 18, 111
 «Сын Отечества» 33, 34, 37, 38, 39, 43, 49, 75, 124
 «Сын Отечества и Северный архив» 66
 Танта, тетка Е. И. Булгариной 47
 «Телескоп» 16, 111
 Тимм В. Ф. 72
 Тициан 115
 Толстой Л. Н. 11
 Детство 130
 Отрочество 130
 Торсон К. П. 46
 Тредьяковский (Тредиаковский) В. К. 125
 Тренин В. В. 19, 25
 Троцкий И. М. 129
 Тургенев А. И. 35, 42, 90,
 Тургенев И. С. 98
 Накануне 107
 Тынянов Ю. Н. 18–19, 26
 Смерть Вазир-Мухтара 19, 130

- Уваров С. С. 98
 Уортман Р. С. 88, 94
 Ураз-Магнет (Ураз-Магомет), царь Касимовский 57
 Урм У. 28
 Усов П. С. 30
- Федоров Б. М. 30, 45
 «Фаддей растратил стыд, Европу объезжая...» 43
 «Фаддей французов бил, как коренной русак...» 43
- Федута А. И. 21, 23
 Феофан Прокопович 100
 Ферзен И. Е. 72
 «Физиология Петербурга» 125
 Филатов Н. А.
Тайные розыски или шпионство... 131
- Фок М. Я., фон 36, 37, 38, 78, 79
 Фонвизин Д. И.
Недоросль 79
- Фотий, архимандрит 44
 Фохт Ю. Ф. 10
 Франклин Б. 48, 72
 Фридендер Г. М. 99
 Фридрих II 72
 Фукс Е. Б.
История российско-австрийской кампании 1799 года 70
- Ходаковский З. Я. (Доленга-Ходаковский)
О гробах в Захлумской земле 32
Розыкания касательно русской истории 51
- Хомяков А. С. 101, 104
- Цейтлин А. Г. 10
- Чарторижский А.-Ю. (Чарторыйский) 33
 «Чего вам объявить в газетах средства нет...» 41
- Чехов А. П. 24
 Чечулин Н. Д. 31
- Шаликов П. И.
Дилемма 43
- Шаховская Т. К. 28
- Шаховской А. А. 42
Еще Меркурий, или романский маскарад 113
- Шевырев С. П. 9, 58, 101, 103, 106, 119, 124
Взгляд на направление русской литературы 116
Словесность и торговля 9, 103, 115
- Шекспир 67, 100, 115
 Шеллинг Ф. В. Й. 102
 Шереметев В. В. 82
 Шидловский И. 32, 33, 54
 Шиллер Ф. 67, 72
 Шкловский В. Б. 18–19
 Штейнгель В. И.
Записки о восстании 45–46
- Штридтер И. 12
- Эйхенбаум Б. М. 14, 18, 25
 Элкайер Г. 11
 Элькан А. Л. 87
 Энгель А. 27
 Энгельгардт Н. А. 10
 Энзе К. А. Фарнхаген, фон 105, 106
- Юндзил Б. 33
- Языков Н. М. 47
 Яковлев М. Я. 130
 Яковлев П. Л. 40, 42, 44, 47
 Якубович Л. А.
 [Некролог Пушкину] 97, 98
- Якушкин В. Е. 41
- Alkire G. См. Элкайер
 “Athenaeum” 21
- Własczyk L. См. также Бланшик 34, 35
 Bulgarin T. См. также Булгарин 99
Droga do szczęścia 29, 31, 38
Bitwa pod Kulmem 30 sierpnia 1813, wyjątek z pamiętnika polskiego oficera Tadeusza B. 32
- Gretsch См. Греч
- Koenig G.-I. См. также Кениг 99, 105
- Mejszutowicz Z. См. Мейшутович
 Menzel W. См. Менцель
 Mocha F. См. Моха

Otto F. *См.* Отто
Pogodin A. *См.* Погодин
Reissner E. 104, 105
“Revue Britannique” 99
“Ruski inwalid” 32, 36
“Russischer Bibliothek für Deutsche” 81
Skwarczyński Z. *См. также* Скварчин-
ский 34
Streidter I. *См.* Штридтер
“Tygodnik Wilenski” 31
Vaslef N. *См.* Васлеф
“Westminster Review” 99
“Wiadomości Brukowe” 12, 31
Wolfsohn G. W. *См.* Вольфзон
Wołoszyński R. W. *См.* Волощинский

CURRICULUM VITAE

Татьяна Кузовкина

Гражданство: без гражданства
Дата и место рождения: 15 июня 1965, Львов, Украина
Адрес, телефон, факс: Вабрику 4–8, Тарту 50409, (+372)7420433, 7376352
Электронная почта: tatjana.kuzovkina@ut.ee

Место работы

Тартуский университет (ТУ), отделение русской и славянской филологии, научный сотрудник (0,5)

Образование

1972—1982 7-я средняя школа г. Обнинска (Калужская обл.), золотая медаль
1982—1990 Тартуский государственный университет, филологический факультет, отделение русской филологии
1994—1997 ТУ, философский факультет, отделение русской и славянской филологии, магистратура, МА (русская литература)
2001—2007 ТУ, философский факультет, отделение русской и славянской филологии, докторантура (русская литература)

Владение языками

Русский, эстонский, английский

Послужной список

1990—1993 ТУ, лаборатория истории и семиотики, старший лаборант, секретарь проф. Ю. М. Лотмана
1993—1996 ТУ, кафедра семиотики, старший лаборант
1996—1997 ТУ, кафедра русской литературы, старший лаборант (0,5)
1997— ТУ, кафедра русской литературы, научный сотрудник

Профессиональное совершенствование

Международная летняя школа NORFA по литературоведению: 1994 (Копенгаген, Дания), 1995 (Берген, Норвегия), 1997 (Люсебу, Дания).

Основные области исследований

История русской литературы и журналистики первой половины XIX века. Творчество Н. В. Гоголя и Ф. В. Булгарина, научное наследие проф. Ю. М. Лотмана, культура русской диаспоры в Эстонии.

Научная работа

1997—2000 основной исполнитель проекта «Научно-техническая обработка личного архива проф. Ю. М. Лотмана и создание компьютерной базы данных в библиотеке Тартуского университета»
1998—2002 основной исполнитель проекта TFLGR 0527 «Исходные пункты контрастивного исследования европейской лингвистической и литературоведческой традиции»
2002—2003 исполнитель гранта «Феномен «Тартуского духа» в контексте русской культуры»
2003— основной исполнитель проекта SF 18544s03 «Эстонско-русские культурные, экономические, политические и национальные отношения в 18—20 веках. Длительное взаимовлияние».

Всего опубликовано 22 научные работы, из них 7 в международных научных изданиях.

CURRICULUM VITAE

Tatjana Kuzovkina

Kodakondsus: Eesti kodakondsuse taotleja
Sünniaeg ja koht: 15.06.1965, Lvovi linn, Ukraina
Aadress, telefon, faks: Vabriku 4–8, Tartu 50409, (+372)7420433, 7376352
E-post: tatjana.kuzovkina@ut.ee

Praegune töökoht

Tartu Ülikooli vene ja slaavi filoloogia osakonna teadur (0,5)

Haridus

1972—1982 Obninski (Kaluuga obl., Venemaa) 7. Keskkool, kuldmedal
1982—1990 Tartu Riiklik Ülikool, filoloogiateaduskond, vene filoloogia osakond
1994—1997 Tartu Riiklik Ülikool, filosoofiateaduskond, vene ja slaavi filoloogia osakond, magistriõpe, MA (vene kirjandus)
2001—2007 Tartu Riiklik Ülikool, filosoofiateaduskond, vene ja slaavi filoloogia, doktoriõpe (vene kirjandus)

Keelteoskus

Vene, eesti, inglise

Teenistuskäik

1990—1993 TÜ ajaloo- ja semiootika labori vanemlaborant; prof. J. Lotmani sekretär
1993—1996 TÜ semiootika õppetooli vanemlaborant
1996—1997 TÜ vene kirjanduse õppetooli vanemlaborant
1997— TÜ vene kirjanduse õppetooli teadur

Peamised uurimisvaldkonnad

19. saj. esimese poole vene kirjanduse ja ajakirjanduse ajalugu, N. Gogoli ja F. Bulgari-
ni looming, Tartu ja TÜ ajalugu, prof. J. Lotmani pärand, Eesti vene diasporaa identiteet
ja kultuur.

Täiendus

Rahvusvaheline NORFA kirjandusteaduse suveülikool: 1994 (Kopenhaagen, Taani),
1995 (Bergen, Norra), 1997 (Lusieby, Norra).

Teadustöö

1997—2000 projekti “J. Lotmani isikliku arhiivi teadus-tehniline töötlemine ja and-
mebaasi koostamine TÜ Teadusliku raamatukogus” (Eesti Teadusfond,
grant GRE 3008) põhitäitja
1998—2002 projekti TFLGR 0527 “Euroopa keele- ja kirjandustraditsiooni kontras-
tiivse uurimise lähtekehti” põhitäitja;
alates 2003 projekti SF 18544s03 “Eesti-vene kultuurilised, majanduslikud, poliitili-
sed ja rahvusvahelised 18.—20. sajandil. Vastastikuste mõjutuste pikaajali-
sed arengured” põhitäitja.

Kokku on ilmunud 22 publikatsiooni, neist 7 rahvusvahelistes väljaannetes.

**DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE
UNIVERSITATIS TARTUENSIS**

1. Юрий Кудрявцев. Очерки по русской фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 157 с.
2. Светлана Туровская. Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997. 136 с.
3. Елена Погосян. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Тарту, 1997. 158 с.
4. Ирина Белобровцева. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997. 167 с.
5. Светлана Кульяс. Эзотерические коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998. 207 с.
6. Леа Пильд. Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. 136 с.
7. Роман Лейбов. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
8. Валентина Щаднева. Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000. 212 с.
9. Александр Данилевский. Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000. 151 с.
10. Татьяна Фрайман. Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 — первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002. 165 с.
11. Татьяна Троянова. Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имен существительных). Тарту, 2003. 166 с.
12. Елена Нымм. Литературная позиция И. Ясинского (1890—90-е гг.). Тарту, 2003. 169 с.
13. Эрика-Оксана Хааг. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004. 165 с.
14. Вадим Семенов. Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004. 176 с.
15. Роман Войтехович. Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005. 165 с.
16. Анжелика Штейнгольд. Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006. 202 с.
17. Катрин Кару. Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006. 248 с.
18. Оксана Паликова. Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007.
19. Тимур Гузаиров. Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.

